

В. АЛЕКСЕЕВ

РОССИЯ СОЛДАТСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1954

THE SOLDIERS' RUSSIA

by

VASILI ALEXEYEV

Copyright, 1954, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор «России солдатской», Василий Иванович Алексеев, родился в 1906 году во Владимире. Вскоре однако его родители переехали в Москву. Здесь Алексеев окончил Исторический факультет Московского университета и вскоре после этого был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группировке и приговорен к пяти годам заключения в концлагере. По отбытии срока наказания Алексеев поселился в небольшом городе Московской области. Здесь его и застала война. Уже в самом начале ее город был оккупирован немцами.

Как явствует из заглавия книги, она посвящена войне, вернее, ее первому периоду, связанному со стремительным отступлением советской армии и занятием неприятелем огромной территории страны.

Хотя эта повесть носит самостоятельный характер, читатель, знакомый с первой книгой того же автора, сразу заметит, что через главных действующих лиц — Павла Истомина, Николая Осипова и Григория Сапожникова — она связана с «Невидимой Россией», являясь как бы продолжением хроники из истории жизни молодого поколения середины 20-х годов. Связь с первой книгой намечена в самом начале повествования, в Прологе. Павел Истомин, прописанный в одном из небольших городов Московской области, время от времени нелегально приезжает в Москву, чтобы навестить жену, попрежнему живущую у матери. Повесть начинается рассказом тещи о легенде, возникшей в народе, кото-

рую она слышала от знакомой. Вся легенда пронизана зловещими предчувствиями близкой войны. Так как Павел простудился, он решается переночевать у тещи. На следующее утро из соседней комнаты доносится голос диктора, сообщающего о том, что Гитлер напал на Советский Союз.

В отличие от «Невидимой России», где в центре внимания стояло молодое поколение, «Россия солдатская» запечатлевает начальный период войны, как он был пережит в разных слоях населения.

Первые же дни войны подтверждают самые мрачные предчувствия легенды из Пролога. За ночь лишившись крова, огромная страна выброшена на большие дороги войны. У Павла и его друзей не было особых иллюзий относительно подготовленности России к войне, все же их поражает сразу обнаружившиеся размеры неподготовленности, общая растерянность коммунистического начальства. Часть населения настроена пассивно, другая — не скрывает своего удовлетворения, считая, что военное поражение принесет стране освобождение от большевиков. Наряду с этим изумляет Павла неожиданно вспыхнувший в части старого поколения русской интеллигенции патриотизм: отец Николая Осипова в Гитлере продолжает видеть только исконного врага России.

Умение автора в мелочах жизни почувствовать то новое, что принесла с собой война, придает книге ценность свидетельского показания современника, взволнованного, но умеющего видеть развертывающиеся перед ним трагические события.

ПРОЛОГ

— И едет, значит, шофер по Серпуховскому шоссе. А шофер — коммунист, вождя какого-то на дачу свез. Едет один. Ночь темная, промозглая — этой весной дело было. Фары дождь да туман освещают. Вдруг тень женская впереди. Затормозил, рассердился, крикнуть хотел, да язык онемел. Туман, как облако светлое, колышется перед ним, и в тумане женщина. Одежда на ней странная, непривычная, до земли. Подошла ближе и направо рукой показала. Смотрит шофер: встали из темноты ночи поля хлебные, конца и краю нет. Склонились к земле колосья перезрелые и из них с шуршанием зерно на землю выпадает. «Почему же столько хлеба и никто не убирает?» — подумал шофер. Не успел подумать, а женщина рукой налево ему показывает: поле снежное, сколько глаз видит, на снегу черные воронки от снарядов, пушки, танки побитые, а в воронках кровь красная до черных краев. Всмотрелся, — а между танками и воронками убитые без счету горами лежат, снегом занесены. Страх взял шофера. Вспомнить силится, как мать в детстве молиться учила, ни одна молитва на ум нейдет. Перекрестился и пришел сразу в себя: автомобиль стоит на дороге, фары светятся, дождь идет и туман впереди стелется...

Старушка сидела, выправив тщедушное тельце. Большие ясные глаза расширились и смотрели не мигая. Павла стал колотить озноб.

«Действительно, заболеваю. Оля принесет лекарство, приму побольше. Недоставало еще разболеться в моем положении...»

— А кто вам, Анна Павловна, рассказал про шофера? — спросил Павел, помолчав.

— Екатерина Анисимовна, управдомова жена. Об этом вся Москва говорит, я, наверное, последняя узнала.

— Согрейте мне чаю, — попросил Павел, — а я лягу.

Глаза старушки стали озабоченными. Она засуетилась, помогла застелить диван и вышла кипятить чайник.

Павел лежал и думал, что не он один в тупике. Все больше и больше слухов распространялось в народе. Раньше были анекдоты, теперь их стали вытеснять слухи и легенды. Ощущение надвигающейся катастрофы росло. Разрыв между официальной печатью и внутренней жизнью народа никогда еще не был таким полным. Коммунист-шофер, персональная машина, привилегированное шоссе и... видение: смесь 20-го и 17-го веков! Наверное, в смутное время на Руси много ходило таких легенд. Где-то в подсознательной глубине народ не изменился, плуг революции не смог прорезать толщу русского чернозема.

Павел вспомнил 1925 год. Отец уже умер, мать была еще жива. Павел кончал среднюю школу, начал увлекаться религиозно-философскими вопросами и стал ходить в церковь. В этом году умер патриарх Тихон. Скорбно звонили колокола во всей Москве. В Донском монастыре миллионная толпа, бóльшая, чем на похоронах Ленина... головы, головы до самых зубчатых стен ограды... Перед Павлом непокорное пятиглавие громадного собора. Идут часы. Павел не замечает усталости, он полон радости: весь народ чувствует так же, как и он. Народ остался русским, православным народом. Значит, можно бороться с большевизмом, значит, не бороться нельзя.

Бледное узкое лицо и большие темные глаза. Это Николай Осипов, сын профессора-искусствоведа, Алексея Сергеевича Осипова, горячего и независимого, — тоже горячий, тоже независимый. Николай был в комсомоле и разочаровался. Уверовал, как уверовал апостол Павел: сразу и навсегда. Николай и Павел создают организацию молодежи: сначала религиозно-философские кружки, потом подпольный политический центр.

Сергей Иванович, старый экономист, друг отца Павла, умный и спокойный. Сам прямо не участвует, но помогает, дает советы.

1927 год. Павел в университете. Мать умирает от брюшного тифа. Это первое горе, первое потрясение, первая утрата, но это и свобода. Теперь Павел отвечает только за свою жизнь. Поиски подходящих людей, молодой азарт. Неожиданно найдена целая группа, стремящаяся почти к тому же, но это люди из другого теста, из другой среды.

Григорий Сапожников, спортсмен из рабочих, твердый, умный. Павел вспоминает широкую коренастую фигуру, грубоватое лицо, умные, очень твердые глаза Григория. Григорий, как и Николай, бывший комсомолец, но он не Савл: он стал врагом большевизма, но не сразу пришел к вере. Павел помнит рассказ Николая: светлая полярная ночь, звезды колючие и острые, как морозный воздух, белое озеро, без конца и края. На озере дорога теряется во мгле. Двое заключенных советского концлагеря: Григорий и Николай. Осуждены в 1930 г. за участие в контрреволюционной организации. Этап растянулся, охрана где-то далеко впереди и далеко сзади. С боков непроходимые сугробы. Над головой звезды, а над всем этим стужа смертная. Нет конца пути, нет предела страданию, впереди тупик смерти. Григорий борется; он силен и не хочет сдаваться. Николай идет ровно и спокойно, читая про

себя молитву. Ему легче, он верит в загробную жизнь. Григорий идет и не сдается.

Белая пыль вырывается из-под пилы и падает на белый снег. Вершина у сосны сухая. Голые сучья, как руки скелета, простерты к облакам. Григорий не спал две ночи. С этапа заключенных погнали прямо на работу, но он не сдается. В глазах черные круги, в теле слабость. Надо отдохнуть. Григорий садится спиной к стволу. Нет сил пошевелиться, встать, взять пилу. Отчаяние охватывает Григория. Оно сильнее воли, сильнее гордости, сильнее всего... И в этот момент Григорий понимает, что нельзя быть одному, нельзя жить без веры.

Павел тоже вынес пять лет концлагеря. Организация не была полностью раскрыта. Обвинение основывалось на случайных доносах, только поэтому Павел, Николай, Григорий и часть их единомышленников получили сроки не более пяти лет. Некоторые вообще избежали ареста. Борис Петров, неокончивший студент, сын крестьянина, руководил целой группой, созданной в подмосковной деревне. Бориса предупредил друг-милиционер и он бежал от ареста в Сибирь на строительство. Из Сибири Борис вернулся инженером уже после освобождения товарищей. Не все осужденные освободились. Некоторые не выдержали тяжелых условий и погибли. Павел вспомнил свое «освобождение без ограничений», но и без права жить в крупных центрах, прежде всего, в Москве. Можно было смириться, уехать в провинцию, затеряться в глуши. Павел пошел на риск и нелегально проник в столицу. Три года ухищрений, риска и трешки нервов, но Павел снова оказался в Москве и снова начал кропотливую работу по воссозданию организации. Григорий застрял под Москвой вольнонаемным на строительстве канала Москва-Волга. Николай ушел от политики в катакомбную церковь. Место его занял Владимир, двоюродный брат

Павла. Владимир долгое время стоял в стороне от попыток организовать борьбу против власти. Арест брата разбудил его и после освобождения Павла Владимир сам пришел и присоединился к тем, кто не хотел капитулировать.

Почти шесть лет прошло после освобождения, шесть лет! Снова создана организация в несколько десятков человек и только, но за организацией сотни тысяч внутренних эмигрантов и почти весь народ. Сила полицейского государства такова, что большую организацию создать невозможно, бороться все труднее. Нужен благоприятный момент, а его все нет и нет. Трудно ждать, очень трудно... особенно близким, особенно женщинам, матерям, женам, сестрам.

Павел вспомнил Леночку, сестру Григория. Она первая из родственников приехала к братьям в концлагерь. С Григорием сидел младший брат Алексей. Тогда Леночке было восемнадцать лет. Маленькая, худенькая, испуганная... Кемь, северное сияние. Свидания запрещены, но Леночка добилась своего: передала братьям посылку, благословение матери и крестильные кресты. Это Леночка, которой в семнадцатом году было четыре года.

— Русская женщина осталась прежней. Катя, жена Григория, моя Оля. Кто заставил Олю выйти замуж за бывшего ссыльного? Дочь бухгалтера, сама бухгалтер, в семье ни одного арестованного... Могла бы жить, как многие, не думая, ходить в кино, ездить в дома отдыха. Встретила, полюбила, поверила в наше дело, почувствовала, что правда за нами. Нет, несмотря на все я был счастлив в эти годы! Несмотря на все, несмотря на...

Павел вспомнил странную повестку военкомата, почему-то из чужого района. Он тогда сразу почувствовал ловушку. Действительно, вызывало НКВД. На этот раз из Павла хотели сделать тайного агента. Павел

закутался плотнее в одеяло, озноб усиливался. Восемь месяцев шла борьба со следователями. — Чуть не запутали, — но я победил, узнал за кем они охотились: тайный приход Николая спрятал от НКВД освободившегося из ссылки священника и НКВД было в ярости. Я предупредил обо всем Николая, а меня выбросили из Москвы: «Бывшие заключенные не имеют права жить в столице». Счастье, что еще не посадили на десять лет!

Счастьем этим Павел пользовался уже восемь месяцев. Свечин, литературовед, прошедший концлагерь, высланный после освобождения из четырех городов и превратившийся в хитрого, неуловимого волка, научил Павла методам полуплегалной жизни в Москве. Свечин не был членом организации, но принадлежал к кругу гонимых. Он свез Павла в местечко, где Павел прописался, платил за квартиру и не жил. В Москве, но не дома, а у добрых людей и знакомых скрывался Павел, перебиваясь случайной работой, превратился в бродягу. Оля сразу предлагала смириться и уехать вместе в провинцию, но Павел чувствовал, что надвигается война, верил, что появится возможность борьбы, не хотел оторвать Олю от друзей и знакомых, чтобы бросить потом одну в глухой провинции. Самое же главное, до последнего пытался сохранить центр в столице. Павел устал, изнервничался и вот теперь заболел.

Анна Павловна принесла чай. Павел посмотрел на нее и вспомнил о новой легенде. Он уже слышал такой же рассказ совсем в другом месте, в несколько ином варианте. «Любопытно, что легенда родилась видимо в среде, связанной с режимом, — соображал Павел, — не даром фигурирует шофер-коммунист и Серпуховское шоссе. Как ответит народ на войну? Сумеют ли большевики обмануть его еще раз?».

Оля вернулась с аспирином и кальцеком.

— На, выпей, кальцекс на тебя так хорошо действует.

Павел выпил две чашки горячего чая, наглотался таблеток и почувствовал себя лучше.

— Я тебе говорил, что я даже не болен, а просто устал, — сказал он как можно веселее.

Оля улыбнулась в ответ и очень бодрым голосом начала рассказывать последние семейные новости. Павел слушал и видел, что глаза жены не улыбаются, когда улыбается рот, а около губ появлялась новая складка, которая старит Олю.

Павел лежал на диване, на своем диване, в своей комнате и не знал, сможет ли он тут оставаться завтра. Оля спала, как всегда, беспокойно, вздрагивая и просыпаясь. На этажерке перед иконой Николая Чудотворца теплилась лампада.

Да, — думал Павел, — в любой момент могут прийти чекисты и прогнать меня — и это не потому, что я работаю в подпольной организации, они этого не знают. Они преследуют миллионы ни в чем неповинных людей еще больше, чем меня, — я еще счастлив, я на свободе.

На другой день, когда Оля ушла на службу, а Анна Павловна — за покупками, Павел лежал на диване и читал. В квартире было тихо. Незаметно Павел заснул. Разбудил его громкоговоритель — сосед-учитель вернулся домой и включил радио. «Покоя нет от этих громкоговорителей!» — с ненавистью подумал Павел, встал и вышел в коридор. Через открытую дверь из комнаты учителя ясно доносились звуки заикающейся, булькающей речи. Это не был голос диктора: в нем чувствовалось такое напряжение и страх, что Павел, еще толком не понимая в чем дело, подошел ближе к от-

крытой двери. Учитель стоял посреди комнаты, смешно расставив ноги и выпучив глаза.

— Немецкие войска напали на Советский Союз! — закричал он, увидев Павла, — говорит сам Молотов!

Павел давно знал, что это будет и ждал этого момента, но, как всегда бывает, новость поразила его, как громом: сердце часто забилося, дыхание прервалось. Да, вот она эта лавина, эта бездна, эта фундаментальная встряска... да, все-таки страшно, но...

— А знаете, — сказал он вдруг учителю, и чувство, похожее на радость, сжало его сердце, — знаете, — никто не может сказать, чем эта война кончится, но одно неизбежно: советская власть погибнет!

Учитель не удивился и не испугался его откровенности. Он как-то смешно выпустил из груди воздух, засопел и утвердительно кивнул головой.

Голос Молотова продолжал заикаться в радио. Павел подошел к окну. По улице бежали люди с корзинками в руках. Первой реакцией на войну была попытка запастись продовольствием. Население было уверено, что правительство не сумеет предотвратить голод.

Глава первая

МОСКВА ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ

Дослушав до конца речь Молотова, Павел, как пьяный, вернулся в свою комнату. Голова кружилась. Чуть ли не первый раз за всю сознательную жизнь в охватившем его волнении не было страха тупика. Открывались грозные, трагические, но новые и широкие горизонты.

Болезнь к чорту! — соображал Павел. — События должны развиваться очень быстро. Вся экономическая жизнь страны сразу будет парализована — наступит хаос. Наверное, со страху и злости, начнут расстреливать... Если немцы учитывают обстановку, бомбежка Москвы с воздуха может начаться сегодня же. Кого из своих можно застать дома? Да, времени мало, завтра же надо будет ехать к месту прописки. За неявку на призыв могут расстрелять. С Олей договорюсь вечером, а сейчас скорее обойти своих... надо посоветоваться.

Павел вышел из дому. На улице необычайное напряжение. Пожилые женщины с корзинками молча, торопливо и быстро запасают продовольствие. В магазинах очереди. Павел зашел в первый попавшийся кооператив. Торговля не прекращена: отпускают свободно по 100 грамм масла и по два яйца, крупа без огра-

ничения. В следующем тоже. Очень мало разговоров о войне. Общий тон — напряженное ожидание.

— Застать наверное можно одного Сергея Ивановича — он, конечно, пишет дома.

Павел сел в трамвай. Пожилая кондукторша, давая билет, жалостливо посмотрела на Павла и смахнула слезу. — Очевидно есть сыновья призывного возраста, — подумал Павел.

На бульваре перед домом Сергея Ивановича Павел неожиданно встретил знакомую барышню, дочь известного литературоведа, близкую к кругу Павла. Хорошенькое личико Маруси было в красных пятнах, в глазах застыл испуг. «Чего она боится? — подумал Павел. — Страх ареста хуже страха смерти!».

— Как это ужасно! — простонала девушка.

— Что? — ошетинился Павел.

— Как что? Война... столько разрушений!

— Да, сегодня же могут начать бомбить Москву, — зло ответил Павел.

— Москву?.. — Маруся смешно вытаращила глаза, — это невероятно! Противовоздушная оборона такова, что...

— Что бомбить могут начать в любой момент, — перебил Павел, раздражаясь от наивной глупости Маруси.

Глаза девушки расширились:

— Так вы думаете, что немцы... что они могут взять Москву?

— Через полтора-два месяца или проиграть войну, — вырвалась у Павла фраза, значение которое он сам тогда не мог оценить полностью.

— Тоже советская патриотка! — ворчал про себя Павел, поднимаясь по лестнице к Сергею Ивановичу, — Советская власть затрещит теперь как эта, не ремонтировавшаяся 25 лет лестница.

Старик работал, но при входе Павла вскочил ему навстречу.

— Началось, — сказал Павел переступая порог комнаты.

— Началось, — кивнул Сергей Иванович.

— Что же теперь будет по-вашему? — спросил Павел.

— Не так это легко сказать, — мрачно посмотрел из-под очков Сергей Иванович.

— Я думаю, что все неясно, кроме одного: советской власти больше не будет, — сказал Павел.

Раздражение, вызванное разговором с Марусей, быстро проходило. Сергей Иванович неопределенно покачал головой. Павел понял, что в профессоре борются очень разноречивые чувства.

— Любую иностранную оккупацию будет легче свергнуть чем режим типа сталинского, — сказал Павел, — он ведь тоже оккупация. Так или иначе, но вопрос должен быть решен в течение этого лета.

— Англия и Америка, конечно, поспешат большевикам на помощь, — стал как бы думать вслух профессор. — Помощь эта придет не сразу. У немцев будет, примерно, год времени. Максимум, что они смогут сделать за лето, это взять Москву и пройти сотню-другую километров к Уралу. Большевики отступят в Сибирь и, конечно, не сдадутся — им страны и людей не жалко.

— И самое страшное — это попасть с большевиками в Сибирь, — добавил Павел.

— В Сибири будет плохо, — согласился Сергей Иванович, — но исход войны решится здесь. Все будет зависеть от того, как поведут себя немцы на занятой территории.

В дверь постучали.

— Петр Александрович Рогов и Павел Александрович Истомин — бывший офицер и бывший концла-

герник. Можете друг другу доверять, — сказал Сергей Иванович.

Павел пожал очень сильную мозолистую руку вошедшего.

— Вот пришел посоветоваться... как же это теперь будет? — заговорил Рогов сиповатым голосом, поворачивая к Сергею Ивановичу растерянное лицо. — Как же это так: в 14-ом году дрался против этих самых немцев и считал этих самых большевиков предателями, потому, что они... это самое... в заплombированном вагоне и долой войну... а теперь немцы избавлять идут и мы, значит, это самое, как Ленин... — Рогов замолчал, не находя слов для продолжения своей мысли и посмотрел на Павла и Сергея Ивановича детски наивными, жалкими глазами.

— Так вы тоже, Петр Александрович, может быть добровольцем в Красную армию пойдете? — невольно улыбнулся Сергей Иванович.

— Что вы, с ума сошли? Нет, уж лучше немецкий унтер-офицер, чем это самое... комиссары, — ужаснулся Рогов. — Только, — добавил он прежним растерянным тоном. — Докатились мы с товарищами... ждем немецкого фельдфебеля, как ангела-избавителя!

— Бог даст избавимся зараз от тех и от других, — ласково обнял его за плечи Сергей Иванович. — Россию легче поработить изнутри, чем захватить извне путем открытого насилия.

— Ну, я пошел, — обратился Павел к Сергею Ивановичу. — Насколько я понимаю, пока задача сводится к одному — не попасть на зиму в Сибирь, так ведь?

— По-моему, так, но ты как-нибудь снесись со мной еще недели через две, все станет гораздо яснее, — Сергей Иванович крепко обнял Павла.

— Эти «милостивые государи» наверное войну проиграют, — выходил из себя Алексей Сергеевич, — но нам от этого не легче. Если немцы победят большевиков, война не кончится: они нас же заставят драться против Англии и Америки, а самое главное — немцы наш старый национальный враг.

— Не кричи так, — мягко, но настойчиво перебил отца Николай, — успокойся немного... мне надо очень серьезно поговорить с Павлом.

Павел, после того, как его пытались завербовать в агенты для слежки за Николаем, почти не бывал у Осиповых и поэтому ему казалось, что недавно такая привычная и родная обстановка их комнаты выглядела теперь как-то иначе.

Пройдя вслед за Николаем в нишу — обычное место конфиденциальных разговоров, — Павел подошел к окну. Женщины с корзинками попрежнему деловито и непрерывно запасались продовольствием. В их молчаливой муравьиной суете было что-то трагическое и страшное. Это были первые отзвуки разразившегося на далекой границе урагана.

— Сберегательные кассы переполнены, — сказал Николай.

Откуда он все так быстро знает? — подумал Павел и пристально посмотрел в лицо друга.

Миндалевидные глаза Николая были, как всегда, спокойны, только на лбу появилась новая складка. — Не легко даже ему дается ожидание ареста, — продолжал думать Павел. Сели. Николай говорил, а Павел слушал и удивлялся, как он в сущности мало знал этого, казалось бы, такого близкого, человека. Мысли Николая были ясные и логичные, но в первый день войны Павел меньше всего ожидал услышать именно это.

— Немцы идут не только со свастикой, но и с крестом, — говорил Николай. — Они объявили нечто вроде крестового похода. Очень вероятно, что это неиск-

ренно, но с другой-то стороны ведь открытое безбожие! Такие люди, как папа, могут сколько угодно волноваться, но защищать большевиков нам нельзя... Если меня призовут, я открыто заявлю об этом.

Павел невольно вздрогнул — настолько идея открытого выступления перед принципиально беспринципной властью показалась ему нелепой.

— За открытый отказ меня конечно расстреляют и поэтому я решил скрыться, — продолжал Николай.

Это уже было понятнее и вздох облегчения вырвался у Павла.

— Да, но куда же ты скроешься? Неизбежно будут карточки, голод. Тебя не то, что спрятать, а прокормить никто не сможет, — сказал Павел.

— У нас уже все заранее приготовлено, — ответил Николай. — Я уеду из Москвы на север. Другого выхода нет: в этой войне я могу быть только нейтральным.

— Что же, и ты наполовину заболел национал-большевизмом? — сухо спросил Павел.

— Нет, — не заметил этой сухости Николай, — я определенно за поражение большевиков и, стало быть, за победу немцев, но активно в этой борьбе участвовать не хочу, у меня есть другие задачи.

Николаю снилось, что к дому подъехал автомобиль. Два человека в военной форме вышли и стали подниматься по лестнице. Шаги у них были тяжелые, медленные, неизбежные, как судьба. Каждый шаг гулом отзывался на пустой лестнице...

Николай сразу проснулся и лежал в темноте вытянутый и напряженный. Он боялся, что это напряжение всех мускулов перейдет в судорогу, но ослабить его сразу не мог.

По лестнице парадного кто-то шел. — Действительно, может быть, это за мной? Когда-нибудь да должны же они прийти... Вчера началась война, может быть, это свобода? Господи, как невозможно тяжело жить так, как мы жили... Господи, помоги! Шаги остановились прямо против нашей двери.

Тело напряглось еще сильнее, голова вдруг стала совсем пустой, без единой мысли. — Сейчас будет резкий звонок, — мелькнуло в мозгу. Звонка не было. Николай явственно услышал через плотно закрытую дверь как ключ заскрипел в замке. — Кто-нибудь из своих, — подумал Николай.

Дверь хлопнула и кто-то на цыпочках, стараясь не шуметь, прошел по длинному коридору по направлению к бывшему кабинету Алексея Сергеевича. Там жил недавно вселившийся в квартиру инженер. Напряжение сразу прошло и Николай лежал теперь в темноте расслабленный и разбитый.

Вчера началась война, — вспомнил он опять с радостью. — Может быть, скоро этого не будет? Как было бы хорошо, если бы большевиков скорее разбили!

В противоположном углу комнаты, за пианино, заворочался и застонал во сне Алексей Сергеевич.

Почему он так против немцев? — подумал Николай об отце. — Удивительно, насколько живуч русский патриотизм! 25 лет истязаний, а отец думает не о своем спокойствии, а о том, что немцы в 1914 году были национальным врагом. Мы стали грубее и циничнее, большевики заразили все молодое поколение своим цинизмом. Этому можно противопоставить только мученичество. Надо идти против них, как первые христиане шли против языческого Рима... Но умереть сразу в цирке на людях легче, чем этак 25 лет подряд умирать в подвалах. Надо спать. Завтра соберу вещи — и к отцу Федору.

Николай повернулся на бок и попробовал заснуть. В окно стал проникать свет невидимой зари.

Как хорошо сейчас за городом! — подумал Николай. Вдруг жадное желание жизни волной прокатилось по всему его телу. — Может быть, война действительно принесет свободу? Ведь мы до сих пор не жили, а прозябали. Крестьяне не будут воевать, фронт может рухнуть сразу.

Перед глазами Николая из серебряного тумана рассвета встал образ девушки, хрупкой и задумчивой. Он почувствовал в сердце радостное томление, но сейчас же опомнился и стал тихо читать молитву. Привычка молиться лежа, закрыв голову одеялом, выработалась у него в тюрьме и лагере. Там это было оправдано необходимостью скрывать свою внутреннюю жизнь. Освободившись, Николай постарался от нее избавиться, но сейчас, не заметив этого, чтобы не видеть света, он накрыл голову одеялом и попытался уйти внутрь себя.

— Господи, — молился Николай, — Дай мне сил не сойти с намеченного пути! Так трудно уйти от мира, когда живешь в нем, так еще хочется личной жизни. Господи, даже в лагере легче было — там кругом была смерть и жизнь теплилась только — в душе...

Николай вспомнил холод, усталость, ночь и озеро, себя и Григория и бесконечную ледяную дорогу. Тогда казалось, что по этой дороге можно уйти далеко-далеко от земли в бесконечное небо, только надо идти, не смотря кругом себя, ничего не замечая. Дорога начнет медленно подниматься на гору, потом оторвется от земли, а потом и дороги не будет, а будет успокоение, вечная гармония неба. Только надо идти не останавливаясь и не нарушая установившегося внутри равновесия, сохраняя медленно разгорающийся в душе свет от всякого дуновения.

— Да, тогда я почти достиг этого спокойствия и равновесия, — думал Николай, — а теперь за годы вольной жизни многое растерял. Прежде монахам было легче — уходили в монастыри в леса, в пустыню, а тут каждый день новое неожиданное препятствие, новая суета... А как мои старики? Трудно опять их бросать, но арест или мобилизация разлучат нас неизбежно... Надо завтра решаться. Уеду!

Воображению Николая представилась лесная сторожка и лесник о. Федор. — Никому даже в голову не приходит, что он тайный священник. На несколько верст кругом никого... Война решится далеко от этого медвежьего угла, а в случае освобождения там можно будет основать монастырь и начать, как при Сергии Радонежском, строительство Святой Руси.

Николай совсем успокоился, сбросил с головы одеяло и стал осматривать комнату, прощаясь со ставшими дорогими предметами: круглым столиком, за которым так любил сидеть отец, барабана по нему пальцами, обеденным столом, за которым мать обычно шила или штопала, с нишей, в которой было так много передумано и переговорено.

— Надо пойти купить еду на дорогу и потом, перед самым отъездом, сказать обо всем своим. Пусть пока спят и напрасно не волнуются.

Николая охватила острая жалость к отцу и матери. — Господи, как тяжело и страшно самому уходить от своих, насколько легче, когда это делается помимо нас!

Николай встал, тихо оделся, прочитал утреннее правило, взял продуктовую сумку и вышел. На лестнице хлопали двери — был час ухода служащих на работу.

Отворив парадное, Николай наткнулся на дворника, разговаривающего с молодым человеком. Лицо

у молодого человека было неприятное и странно знакомое.

— Вот он сам, — сказал дворник.

Молодой человек шагнул к Николаю.

— Вы Николай Алексеевич Осипов?

— Да, — невольно отшатнулся Николай.

— Следуйте за мной, я сотрудник НКВД.

Молодой человек взял Николая под руку и легонько потянул к стоявшему против подъезда автомобилю.

— Куда это вы так рано едете? — звонко окликнул Николая голос соседки по квартире.

Николай быстро обернулся и, почти столкнувшись с догонявшей его барышней, быстро прошептал:

— Передайте моим, что я арестован.

Глаза девушки наполнились страхом и она, не оглядываясь, почти бегом, пустилась по улице. Садясь, Николай больно ударился виском о дверку автомобиля.

Григорий слез с полупустого трамвая. Было десять часов утра. Следом за волной рабочих схлынула волна служащих. Тверская-Ямская казалась пустой и спокойной. Григорий остановился на тротуаре и посмотрел вслед трамваю, уходившему в сторону пустоты, оставшейся на месте снесенных Триумфальных ворот. — Много, сволочи, наломать успели, — подумал Григорий, — хотя и построили порядочно. Григория удивляло, что неделя, прошедшая после начала войны, так мало изменила столицу. Он почему-то ждал большего. В трамваях та же сутолока и ругань, но почти ни одного слова о самом главном. Когда проезжали через центр, кондуктор, как всегда, громко объявил: — Площадь Свердлова! и, немного понизив голос, добавил: — У кого до Театральной, билеты кончились,

После того, как на пятый день войны Григорий потерял место, он жил в состоянии непрерывно усиливающегося нервного напряжения и внутренне все время торопил события. Судя по хриплому голосу черного рупора радио-точки, висевшей в комнате Григория, дела большевиков шли плохо, но не так плохо, как хотелось Григорию. В то же время ждать он не мог. Повестка в военкомат не приходила и это было очень скверным признаком. — Если они не призовут меня, то значит арестуют, а могут и расстрелять. Вообще страшнее всего, если агония власти затянется на долгое время — со злости они могут уничтожить если не миллионы, то сотни тысяч людей.

Трамвай скрылся и на его месте появилась черная точка. Это был мотоциклист. Он летел с чудовищной скоростью почти по середине улицы. Через мгновение захлебывающийся вой мотора пронесся мимо. Григорий успел разглядеть, что человек в синем комбинезоне весь посерел от пыли и был заляпан кусками высохшей грязи.

— Прямо в Кремль, — усмехнулся Григорий, — Можно подумать, что побывал под огнем противника!

Лестница в доме механика Васина была грязная и вонючая. Открыла толстая неопрятная женщина. Она сказала, что хозяин недавно вернулся с ночной смены и только что лег спать. Вскочил он взъерошенный и небритый.

— Прости, что разбудил, — сказал Григорий. — Приехал на один день и целое утро не могу никого застать. Случайно узнал, что ты уже наверное будешь дома и приехал.

Механик был второстепенным членом второстепенной группы, проявлявшим до сих пор мало активности, но парнем вполне надежным. Теперь он сидел на постели, протирая воспаленные от ночной работы глаза, стараясь скорее собраться с мыслями.

— Что слышно про фронт? По сводкам трудно составить себе ясную картину, — сказал Григорий.

— Вчера было собрание парт и профактива, — окончательно пришел в себя механик, — пригласили и меня. Парторг заявил прямо, что фронта нет, а есть повсеместная каша, призывал сплотить свои ряды для защиты матери Родины. Говорил, что теперь все дело в стойкости и патриотизме, о Сталине и партии ни слова.

— Как же реагируют рабочие? — спросил Григорий.

— Молодежь поддается на патриотизм, — сказал Васин, — наш возраст больше помалкивает. Вообще же, если дальше пойдет в том же духе, власти не сдобровать. А как думаешь, можно мне будет поступить в офицерскую школу, когда коммунистов не будет? — Васин очень серьезно, с едва уловимым смущением, посмотрел на Григория.

Григорий первый раз в жизни почувствовал, что на него смотрят, как на возможного представителя новой власти. Это было так неожиданно, что Григорий не нашелся, что ответить на наивный вопрос Васина.

— Как у тебя дела с призывом? — спросил Григорий после минуты молчания.

— Завод даст мне бронь, как незаменимому специалисту, — ответил Васин, — повидимому, я останусь в Москве.

— Это хорошо, — сказал Григорий, — мое дело хуже, но сейчас надо стремиться только к одному: в случае если немцы займут столицу, всем собираться сюда и начинать развертывание организации в новых условиях. Какие это будут условия, сказать нельзя, но наша задача — это создание независимой русской силы любой ценой и любыми жертвами. Так и передай

своим ребятам, а то я уже наверное никого кроме тебя повидать не сумею.

Руководителя следующей группы, инженера, Григорий поймал на службе во время обеденного перерыва. Вышли в небольшой сквер и нашли пустую лавочку. Говорили тихо, но инженер возбужденно размахивал длинными руками и из всей его тощей, жилистой фигуры выпирало радостное волнение.

— Конiec теперь товарищам, конец! — говорил инженер, — через месяц немцы будут в Москве. Ты себе представить не можешь, какой уж теперь хаос в моем учреждении! Если Финская война вызвала разруху, то теперь у них уж, конечно, все развалится. Что касается меня и моих инженеров, то мы все имеем бронь и пока остаемся на месте. При приближении фронта могут эвакуировать в тыл. Если к этому времени хаос усилится, можно будет просто не подчиниться приказу об эвакуации и остаться. Развернуть организацию и наладить жизнь в случае прихода немцев будет очень легко — вся сволочь отступит с большевиками в Сибирь, надо только позаботиться о том, чтобы осталось больше специалистов. С их помощью можно наладить любую отрасль управления и значительно лучше, чем это было до сих пор. Жаль только, что концлагеря в значительной степени останутся в тылу и лучший элемент в среде заключенных может быть расстрелян. Но все это меркнет перед перспективой освобождения России.

Инженер ушел, высокий и стремительный. Григорий еще несколько времени оставался сидеть на лавочке. Две пожилые женщины с детьми пришли и сели рядом. У одной был вид бабушки, другая, видимо, была домашней работницей.

— Наши-то в Казахстан переезжать собираются, — сказала нараспев домашняя работница.

На толстом лице бабушки появилось злорадное любопытство.

— Ну? — протянула она радостно.

— Конечно, им что! — продолжала домашняя работница. — Сам-то и там ответственную работу получит, а воевать за них наши мужья пойдут... голод начнется... их это не коснется, в закрытых распределителях до конца все получать будут.

Женщины оглянулись на Григория и заговорили тише.

Кажется 17-ый год наоборот начинается! — подумал вставая Григорий, — и языки развязываются и крысы с корабля бегут.

Когда Алексей Сергеевич рассказывал об аресте Николая, Григория больше всего поразило, что старик оставался совсем спокойным. Алексей Сергеевич сидел на своем обычном месте за круглым столиком седой, слабый и какой-то ясный. Обычного задора не было, пальцы не барабанили по столу.

— Надежда Михайловна прилегла, — говорил тихо старик. — Целое утро опять ходила... искала Колю. Теперь плохо стало, не так, как тогда, когда вы все сидели. НКВД не дает никаких справок о заключенных.

Теплый ветер шевелил занавеску и ерошил седой пух на белых висках профессора. — Как он постарел! — Григорий почувствовал, что рыдание подкатывает к горлу. Если бы Алексей Сергеевич держался хуже, Григорий наверное бы думал о том, как успокоить старика и не почувствовал бы сам так остро потерю друга. Григорий вспомнил лес, черную телогрейку, уходящего десятника, сосну, сучья, похожие на руки скеле-

та, тоску, дошедшую до предела, который способен вынести человек и встревоженное, но твердое лицо Николая. — Да, тогда мне надо было пережить все это, чтобы поверить, но зачем Николаю? Ведь он и так идет по правильному пути. Зачем, зачем столько горя?

Григорий спустил голову, слеза от резкого движения упала на пол. Алексей Сергеевич встал и зашуршал, доставая что-то из ящика письменного стола, затем его туфли снова зашмыгали и он возвратился к Григорию.

— Встань, Гриша!

В дрожащих огрубевших руках Григорий увидел большой крест на серебряной цепочке.

— Я... я хочу благословить тебя, — сказал Алексей Сергеевич. — Это очень старый наш родовой крест еще времен смуты... я все думал дать его Коле, если призовут. На, надень.

Григорий наклонил голову. Алексей Сергеевич перекрестил его и неловким движением, зацепив цепочкой за ухо, надел крест на шею.

— Спасибо, — сказал Григорий. — Мне мой крестильный крест Леночка привезла в лагерь после самого страшного времени заключения, а сейчас вы благословляете перед новыми испытаниями. Теперь тоже страшно, но, несмотря на всё, есть надежда... уверенность даже, что Россия будет, наконец, свободна.

Старик как-то странно посмотрел на Григория, как будто не понял, что он говорит.

— Гитлер разобьет Сталина, — пояснил Григорий. Старик горько усмехнулся и сел к столу.

— Мы освободим всех... все концлагеря, Николая, — сказал Григорий.

Старик покачал головой:

— Не для освобождения идут в Россию немцы, это повторение 14-го года и только.

— Я не об идеализме их говорю, — с горечью возразил Григорий, — просто им иначе нельзя выиграть войну, как освободив нас от большевизма. Потом они, конечно, захотят себя компенсировать, но главное будет сделано.

Старый задор вспыхнул в черных глазах профессора:

— Не верь иностранцам, Гриша: они глупее и корыстнее здравого смысла. Не освободят нас немцы! Они хотят только занять место большевиков и заставить Россию воевать против остального мира. Для русского народа это не будет выходом.

Когда Григорий собрался уходить, Алексей Сергеевич разбудил Надежду Михайловну. Старушка вышла осунувшаяся, бледная, но такая же светлая и спокойная, как и Алексей Сергеевич. Прощаясь, она крепко обняла Григория, несколько раз перекрестила, всхлипнула и быстро ушла за шкаф в свой угол.

— Хорошие старики Осиповы, — думал Григорий, выходя на улицу, — хорошие, прямые и честные... но психологию 1914 года преодолеть не могут. Не могут понять, что проблема большевизма давно уже переросла узко национальные интересы отдельных государств. Николая арестовали! Скорее бы получить возможность активной борьбы, скорее освободить заключенных. А немцам Россию не захватить... в крайнем случае часть Украины и то временно.

Вечером Григорию с трудом удалось найти Бориса и Владимира. Павла в Москве не было, он на второй день войны уехал по месту прописки и до сих пор не возвращался. Собрались у Владимира, бесцеремонно выпроводив из комнаты взволнованную, выбитую из колеи Лидию Николаевну.

— Как ты сумел въехать в город? — спросил Борис, садясь в кресло.

— До пригородного поезда ребята на грузовике подвезли, а потом, за Дмитриевым, взял билет и приехал, — ответил Григорий. — А что?

— А то! Павел передал, что ездить больше не сможет: билеты на дальние поезда продают только по предъявлении московского паспорта с пропиской или серьезного командировочного удостоверения. «Липы», которыми пользовался Павел, перестали действовать. Теперь к нему Оля будет ездить.

— А из Москвы билеты продают? — встревожился Григорий.

— Из Москвы пока можно выезжать беспрепятственно, вчера проверяли, — успокоил его Борис.

Григорий рассказал о своем увольнении. Об аресте Николая все уже знали.

— Чистят! — процедил сквозь зубы Борис.

— Теперь могут арестовать Павла, — забеспокоился Владимир. — Его ведь из Москвы выбросили в связи с делом Николая.

— А какое у нас вообще положение, многих призывали? — спросил Григорий.

— Большинство наших в армию не попадает, как мы и предполагали, — ответил Борис. — Одни получили бронь, как специалисты, другие, как ты и Павел, не призваны из-за политической неблагонадежности.

— Меня лично могут призвать, — вмешался Владимир, — хотя большинство моих инженеров уже получили бронь, но самое главное надо решить, как спасти тебя и Павла от ареста.

— Меня в конце концов должны мобилизовать, — задумался Григорий, — а положение Павла очень опасное.

— Уезжая, Павел говорил со мной подробно, — сказал Борис. — По его мнению, немцы могут взять

Москву в течение лета и в этом случае наша главная задача — собрать все кадры в столицу сразу после ее падения. Тогда можно будет говорить о развертывании работы. Судя по тому, что слышно кругом, большинство уверено в крушении режима. Стало быть, армия воевать не будет.

— А вот Алексей Сергеевич против пораженчества, — вспомнил Григорий.

— Отец моей Любы тоже петушится, — нахмурился Борис, — национальная гордость одолела, но таких мало. У меня на службе все партийцы носы повесили, а кое-кто из ответственных уже в Сибирь сматывается.

— Я говорил со многими из своих людей, — осторожно начал Владимир. — Все думают, что большевизм погибнет, но мне не нравится одно: надеясь на стихийность крушения режима, никто не думает об активной борьбе, скажем, о вооруженном восстании в тылу.

— Это естественно! — вспыхнул Борис. — Ты подумай: даже мобилизованных солдат отправляют на фронт без оружия. Как восстанешь? А коли попал на передовую, целесообразнее перейти к немцам, чем начинать бузу в тылу. Я уверен, что гитлеровское наступление обгонит развал армии. Это не 17-ый год: тогда четыре года в окопах просидели, знали друг друга хорошо. Сейчас события развиваются слишком быстро.

— Я согласен с Борисом, — вмешался Григорий. — Болтовней заниматься нечего. Павел прав: с несколькими десятками людей мы все равно ничего сейчас не сделаем, а вот в случае падения Москвы можно будет развернуться очень быстро. Сейчас надо только сохранить кадры и не потерять связь друг с другом.

Глава вторая

РЕЧЬ СТАЛИНА

Фронт приближался к Москве медленнее, чем предполагал сначала Павел, но достаточно быстро, чтобы вызвать панику. 23-го июня объявили мобилизацию родившихся в 1905-1918 г.г. Это была категория Павла, но повестки он не получил. Бывшим заключенным не доверяли. Нависала угроза расправы с ненадежным элементом... — Успеют ли? — думал Павел. Обреченный на пассивное ожидание, он целый день сидел против черной розетки радиоточки. Сообщения с фронта были коротки и неясны.

Еще в Москве, на второй день войны, Павел прослушал первую сводку: «Враг почти везде отброшен на свою территорию, хотя им и занято несколько местечек». 25-го июня громкоговоритель на бревенчатой стене в комнате хозяйки Павла уже не говорил о том, что враг отброшен — враг встречал упорное сопротивление, значит, наступал. Радио сообщило о потерях авиации за три дня войны: 374 советских и 380 немецких самолетов. Повидимому, советские потери в авиации были гигантскими. 28-го числа, на шестой день войны, говорилось об отходе советских войск на заранее подготовленные позиции. Очевидно, начиналось бегство. 1-го июля было сообщено о создании комите-

та обороны. В комитет вошли: Сталин, Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия. 2-го июля радио передало постановление Совнаркома о всеобщей противовоздушной подготовке. В сводке говорилось о Минском и Бобруйском направлениях. Термин «направление» напоминал Финскую войну и означал отсутствие настоящего фронта. 3-го июля по радио выступил сам Сталин.

Что он может сказать народу в такой момент? Десять дней молчал и каких десять дней! — Павел почувствовал дрожь волнения. — Комитет обороны, всеобщая противовоздушная оборона! Конечно, большевики не сдадутся и примут все меры. Успеют ли? Немцы должны теперь встретиться со свежими войсками. Может быть, наступление приостановлено?

Старуха-хозяйка села напротив Павла. В хитрых глазах и морщинистом лице женщины было почти такое же напряженное ожидание, как и у Павла. — Что она думает, что чувствует? С момента выселения из Москвы в 1940 г., Павел боялся хозяйку. Дочь ее работала в милиции. В местечке было много высланных и, конечно, НКВД следило за ними, а следить было легче всего через хозяев. Надо было быть очень осторожным. В свою очередь, хозяйка, повидимому, побаивалась Павла — выслан из Москвы, а дома никогда нет. Работает неизвестно где. У нее тоже были основания для недоверия.

«Товарищи! Граждане! — трудно заговорил глухой голос с сильным кавказским акцентом. — Братья и сестры!» — Павел вздрогнул, настолько поразило его это обращение. — Так принято обращаться к молящимся в церкви! Но Сталин... как беспомощно и фальшиво звучит это обращение в речи вождя безбожного государства!

Два раза Сталин замолкал совсем — слышалось бульканье воды и порывистые глотки. «Как могло слу-

читься, что наша славная Красная армия сдала фашистским войскам ряд наших городов»...

Двадцать пять лет готовились, двадцать пять лет объясняли все лишения необходимостью укреплять Красную армию, а у немцев 17 возрастов необучено и всего как несколько лет восстановлена всеобщая воинская повинность, — мысленно возражал Сталину Павел.

«Немцы целиком мобилизовали и бросили 170 дивизий», — сипел микрофон.

За две недели до войны англичане предупреждали большевиков о сосредоточении немецких войск на восточной границе. Наши обозвали их провокаторами, но к немецкой границе уже давно шли военные эшелоны. Очевидно, просто напросто просчитались: думали напасть сами, а Гитлер их опередил.

Сталин заговорил об угрозе возвращения помещиков и капиталистов. — Старая песня! — усмехнулся Павел, — Рассчитывает на дураков. Кто может серьезно считать реставрацию возможной? да и помалкивал бы уже лучше о помещиках после организации колхозов! — Павел потерял интерес к речи — все было ясно. — Вспоминает Наполеона и войну 1914 г. Вспомнил бы лучше о лозунге «Долой войну» и о Брестском мире! Знают, за колхозы никто умирать не станет, так хватаются за национальное чувство. Наступали бы сами, — трубили бы о всемирном отечестве трудящихся.

— «При вынужденном отходе частей красной армии, — продолжал голос, — нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставляя врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставляя противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы».

— Да, это катастрофа, настоящая катастрофа! Павел встал, нервно прошелся по комнате и остановился возле микрофона.

«Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»...

За спиной Павла раздались глухие всхлипывания. Он с удивлением обернулся и увидел, что лицо хозяйки искажено ужасом, рот раскрыт, а все короткое полное тело сотрясается в конвульсивных рыданиях.

— Погубит, погубит он нас всех! Собственного народа не жалеет. Что мы без хлеба делать будем? — хозяйка упала грудью на стол и зарыдала.

«В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, — Павел опять не пропускал ни одного слова, — создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии... поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников»...

Павел украдкой посмотрел на хозяйку: она лежала попрежнему на столе и жалко всхлипывала.

«Преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывая все их мероприятия».

Павел выпрямился. — И он еще смеет вспоминать Отечественную войну! Мы всегда знали, что большевики постараются хлопнуть дверью перед уходом. Но до такой степени... сам сказал, вся Литва, часть западной Украины и Белоруссии — это за десять дней! Через месяц будет половина европейской России и ее он готов уничтожить. Нет, не может быть никаких колебаний, жребий брошен и другого выхода у нас нет. Действительно, хоть с чортом, но против Сталина!

Радио замолкло. Павел подошел к хозяйке и дотронулся до ее плеча, не зная что сказать в утешение. Старуха зарыдала сильнее. Она не подняла головы, она

еще боялась последствий своей откровенности, но в то же время Павел чувствовал, что лед между ними уже сломан и если бы он мог сказать ей о своем решении, она бы его полностью одобрила.

Павел вышел на улицу переполненный впечатлениями от речи Сталина и пошел к Свечину. С начала войны Свечин, как и Павел, потерял возможность въезда в Москву, жил безвыездно в местечке и нервничал от этого еще больше Павла.

Когда Павел вошел в комнату, литературовед ходил из угла в угол своей обычной крадущейся походкой, раскачивая в такт движению массивной головой с ястребиным носом. За столом сидел незнакомый молодой человек, посмотревший на Павла большими тусклыми глазами.

— Знакомы? — нервно остановился Свечин, — Мой сосед по комнате, Смирнов, тоже отсидел пять лет за контрреволюцию. Рассказывайте дальше — бросил Свечин, начиная снова метаться по комнате. — Ваш рассказ как раз должен заинтересовать Павла Александровича — это по его части.

— Говорят, сегодня в церкви села Алексеевского будет молебен о даровании победы, — повернул к Павлу бледно-серое лицо Смирнов, — это всего шесть километров, я хочу пойти: как-никак история... фрагменты современной «Войны и мира».

Павел почувствовал негодование, но сдержался. Все сказанное Смирновым в присутствии двух свидетелей и особенно незнакомого Павла могло быть маскировкой.

— Судя по речи Сталина, положение действительно серьезное, — осторожно сказал Павел.

— По существу Сталин объявил вторую отечественную войну, — с увлечением заговорил Смирнов, — и он, конечно, прав — народ охвачен патриотическим подъемом.

Павел внимательно посмотрел в пустое лицо молодого человека. В голосе его звучало настоящее волнение. Для маскировки вполне достаточно было сочувственно отозваться о патриотическом молебне. Либо он переигрывает из трусости, либо действительно охвачен подъемом, — думал Павел.

Молчание Павла, видимо, не понравилось Смирнову. Он быстро простился и вышел.

— Что это за человек? — спросил Павел.

Свечин продолжал метаться, как зверь в клетке.

— Почему вы спрашиваете? — Свечин остановился и подозрительно посмотрел на Павла.

— Ни почему — просто интересно. Вы говорите, он тоже был в лагере?

— Неокончивший литературовед, — зашагал опять Свечин, — сидел за контрреволюционную агитацию, освобожден в 38-ом году. Тут ведь нашего брата и раньше много было, только фактически никто не жил, а теперь, когда все съехались, в некоторых комнатах по 5 человек оказалось.

Водворилось молчание. Свечин все продолжал ходить.

Как война переменяла ситуацию, — думал Павел. — Час тому назад, до речи Сталина, я боялся своей хозяйки и почти доверял Свечину. Свечин привез меня в это местечко и помог найти квартиру потому, что мы оба бывшие заключенные и когда меня выбросили как раз за это из Москвы, мне посоветовали обратиться к нему, как к «специалисту» по полулегальной жизни. Хозяйка же могла оказаться агентом, представленным для наблюдения за нами обоими, а сегодня происходит что-то странное. Речь Сталина хозяйка восприняла так же, как и я, а Свечин стал вдруг непонятным. Может быть, он настроен, как Смирнов? Мало вероятно.

Павел вспомнил, как два дня тому назад они пошли со Свечиным на прогулку. Вечерело. Дорога вывела на моховое болото. Далеко впереди чернел зубчатый обрез леса, над лесом висел тяжелый шар заходящего солнца. На коричневых кочках горели кровавые блики. Свечин остановился.

— Хороший момент для атаки с той стороны поляны на нашу.

— Вы были в армии? — спросил Павел.

— Был в чине старшего лейтенанта, — холодные глаза Свечина вдруг смягчились. — В нашей организации я заведывал военным отделом.

— Как война развязывает языки! — подумал тогда Павел, но дальше расспрашивать не стал. Какое-то неясное ощущение остановило его от откровенного разговора. Теперь Павел чувствовал, что ощущение это имело основания.

— А как у вас с воинской повинностью? — остановился опять Свечин.

— На Финскую войну меня было взяли, но сразу освободили как имеющего высшее образование и не имеющего военной специальности. Потом аттестовали для работы в редакции фронтовой газеты, но временно, а когда выгнали из Москвы, то местный военкомат так и не понял, кто я такой, стал выяснять да спрашивать — до сих пор тянут...

— Это хорошо, — с нескрываемой завистью сказал Свечин. — Меня после освобождения записали в сержанты, могут мобилизовать каждую минуту.

— Гражданин Свечин дома? — раздался за перегородкой громкий женский голос.

Свечин дернулся, как будто через него пропустили электрический ток, выскочил за дверь и через мгновение вернулся, держа в руках повестку военкомата.

— Призвали-таки! — яростно прошептали тонкие губы.

Хозяйка Свечина, худая, изможденная женщина, вошла в оставшуюся открытой дверь, села на табуретку и скорбно посмотрела на жильца. Свечин стоял посреди комнаты, тяжело дышал и все читал тоненький белый листочек.

— Беда, — заговорила хозяйка тихо, — беженцы уже есть. К моей тетке, той, что у станции живет, вечер приехали из Белоруссии... сила, говорят, страшная идет и все на автомобилях и мотоциклетах. Наши и убегать не успевают — все сдаются. А авиация бомбит — спасу никакого нет... что народу погибло!

Глаза Свечина засверкали дикой злобой.

— Беженцы и раненые всегда распускают панические слухи. Незачем их распространять, — цыкнул он на хозяйку.

Хозяйка съежилась и моментально скрылась за дверью.

— За что вы ее так? — не выдержал Павел.

— Как за что? — глаза Свечина впились в лицо Павла. — Вы разве не видите, что она довольна, рада? Немцы наступают! Может быть, и вы рады? Так имейте же в виду, что с большевиками мы могли играть, могли прописаться здесь, а жить в Москве... с немцами этого не будет: у них порядок, они в столицу так легко не пропустят, они...

Неужели он всерьез думает, что Сталин лучше немцев? — Павел вспомнил приказ сжигать хлеб, горючее, леса и все ценное имущество, т. е. города и деревни. И это при бегстве собственной армии и наступлении механизированных частей противника, когда жители, если бы и хотели, то не смогли бы уйти за своими войсками! Красные партизаны, по приказу Сталина, будут создавать невыносимые условия не для вооруженных и снабженных немцев, а, в первую очередь, для своего народа. Павел встал.

— Я думаю, что русские крестьянки достаточно видели горя для того, чтобы иметь право радоваться, когда, при передвижении фронта, их дома и имущество уцелеют потому, что их не успеют уничтожить при отступлении.

— Выдумал себе документ, который освобождает его от призыва, — заметался по комнате Свечин, — спрятался и радуется... Я не знаю, почему, почему я не пойду и не донесу на вас?

Свечин задыхался и с каким-то ужасом смотрел на Павла.

«Донесу на вас» подействовало на Павла, как удар обухом по голове. — Что он, с ума сошел что ли?

Свечин стоял и продолжал задыхаться. Во всяком случае говорить с человеком, находящимся в таком состоянии, не имеет смысла. Павлу было так тяжело, что он молча отвернулся и шагнул к выходу.

— Простите! — крепкие пальцы Свечина схватили Павла за локоть. — Простите, я слишком погорячился.

В больших мрачных глазах Свечина Павел, первый раз за все время знакомства с этим странным человеком, прочел колебание и нерешительность. Потом обычный волчий огонек промелькнул опять, промелькнул и исчез, а Свечин совсем спокойно и просто сказал: — Поймите простую вещь: моя мать еврейка. Вы можете выбирать между Гитлером и Сталиным, я, к сожалению, лишен этой возможности. На вашем месте я, может быть, думал бы так же, как и вы...

— Вы серьезно верите советской пропаганде? — вырвалось у Павла.

Глаза Свечина стали жесткими и недоверчивыми.

— К сожалению, у меня для этого достаточно оснований, — сказал он сухо, — достаточно чтобы идти умирать за «родину и Сталина» вместе с такими искренними и надежными патриотами, как только что быв-

ший здесь исправившийся контрреволюционер Смирнов.

Свечин торжественно развел руками, попробовал иронически улыбнуться, не смог этого сделать и наклонил голову, чтобы скрыть от Павла свое лицо.

Павел вышел с чувством, что произошло что-то скверное и ненужное. — Свечин прав, — думал он, — при выборе одного из двух неизбежных зол все-таки выбираешь зло, но надо быть очень осторожным. Происходит совершенно новое и неожиданное перераспределение сил, ломка взглядов и отношений, а, кроме того, многие настолько истерзаны всем предыдущим, что просто не могут вынести тяжести новых испытаний.

Когда Павел вернулся домой, в комнате хозяйки он застал ее дочь, ту, которая работала в милиции. Обе женщины шептались с видом заговорщиц и замолчали, когда вошел Павел.

— Павел Александрович, а, Павел Александрович, — вкрадчиво начала хозяйка, — вот дочка рассказывает, что беженцы приехали — жены командиров Красной армии из Белоруссии. Еле убежать успели, в одном белье. Радио-то сообщило — немцы далеко, а ночью под утро и нагрянули! Только потому и убежали, что военный грузовик взял.

Дочка хозяйки подняла на Павла выжидательно просящий взгляд.

— Как вы думаете, если немцы придут, будут они арестовывать таких, как я? В партии ведь я не была, только в комсомоле. А работа моя в милиции самая простая, канцелярская.

Глава третья

БЕГСТВО ПАВЛА

— Перекурка с дремотой! — гаркнул Мишка радостно на всю реку.

Павел лег на бревна и зажмурился. Вода плескалась о борт баржи, солнце грело, пахло смолой и сыростью... почти хорошо.

Третий месяц войны, — думал Павел, — немецкое наступление развивается медленнее, чем мы предполагали, это несомненно, но большевики разваливаются и это тоже несомненно. Плохо, что до сих пор не призывали в армию — это тревожный признак. Хорошо еще, что попал на оборонную работу.

От того места, где сидели остальные рабочие, доносились негромкие голоса и тянуло махоркой.

— Ну, что, ребята, может быть начнем... покурили? — долетел до Павла неуверенный сиплый голос.

— Куда торопиться-то? Работа не медведь, в лес не убежит! — ответил задорный Мишкин тенор.

— Все равно, как еропланы налетят, так от нашей работы ни хрена не останется, — проскрипел мрачный старческий бас.

— Не унывай, дед! Знаешь, товарищ Сталин сказал «Победа будет за нами», — задорно взметнулся Мишкин тенор.

— Победа за нами, города за вами! — прокрипел бас.

Водворилось молчание, только вода плескалась.

Определенно власть рушится, — думал Павел. — Никогда раньше так свободно не говорили... все активисты, доносчики и партработники куда-то исчезли. Не узнаешь кто член партии, а кто «контра заядлая».

Солнце выглянуло из-за облака и стало жарко. Павел сел и огляделся. По зеленой траве берега были разбросаны в беспорядке бревна, топоры и пилы. На другой стороне реки из воды торчало два устоя будущего моста, но будет ли построен мост при таких темпах, можно было сомневаться. Метрах в ста выше по реке виднелась серая масса старого моста и пыльное шоссе. — В случае бомбежки старого моста вернее всего разобьют и запасный, — меланхолично подумал Павел. Работа казалась в самом деле бессмысленной.

— Ну, как, купаться будем? — Мишка подошел к Павлу и остановился, выпятив живот и так торчавший из-под рваной рубашки.

— А работать?

— Успеем, — убежденно ответил Мишка и, скинув порты и рубаху, прямо с баржи сиганул в реку.

Почему его не призвали, по зрению что ли? — подумал Павел, глядя сверху на косоглазую физиономию, появившуюся из взбаломученной воды.

— Ну что же вы, ребята, сидите? — подошел неизвестно где пропадавший десятник.

Человек десять стариков и инвалидов, трудившихся над мостом, стали лениво подниматься. Мишка продолжал плескаться, с наслаждением разбрызгивая вокруг себя воду.

Вот тебе и война! — подумал Павел, медленно поднимаясь. — Никогда не предполагал, что для меня она обернется такой, до тошноты скучной, стороной.

Павел поглядел в сторону берега и остолбенел. К барже шла Оля. Бесспорно это была она, в полотноном платье, похудевшая и какая-то странная. В одну минуту Павел был на берегу. По серым напряженным глазам было ясно, что случилось что-то скверное. Что? Вчера, в 12 часов ночи, два молодых человека в штатском, с ордером на арест, искали Павла в московской квартире.

— Ты уверена, что это был ордер на арест?

— Я думаю.

— Так ведь НКВД должно знать, что меня уже нет в Москве.

— Повидимому, у них тоже паника.

Павел взял Олю за дрожащий локоть и оба медленно пошли вдоль реки.

— Ты должен скрыться, — сказала Оля и голос ее дрогнул.

— Что же ты им сказала? — спросил Павел.

— Что ты еще зимой уехал из Москвы, а теперь, по всей вероятности, уже в армии потому, что месяц от тебя нет никаких сведений.

— Правильно.

В висках стучало, мысль Павла работала бешеным темпом. Река весело плескалась, солнце стало неприятно печь голову.

— Хотел завести знакомства в соседних деревнях и не успел, — сказал Павел. — Надо суметь проехать через Москву на запад — там есть одно подходящее место... А как ты приехала? — вдруг обернулся он к Оле. — Как ушла со службы?

— Уговорила районного врача дать справку о болезни. Сказала, что тебя призывали и мне надо съездить проститься. Написал, что у меня грипп. Теперь все помогают мобилизованным.

— Сумеем мы проехать в Москву на поезде?

— Один билет во всяком случае продадут по предъявлении московского паспорта. Его я передам тебе, а сама поеду до следующей станции без билета. В крайнем случае меня только оштрафуют. Кое-какие вещи для тебя я привезла — чемодан в камере хранения на вокзале.

— Думаешь лучше к хозяйке не заходить?

— Думаю, да — из Москвы могли уже сообщить в местное НКВД. Знаешь что, — вдруг всхлипнула Оля, — пойдем скорее, я так боюсь!

Павел и Оля стояли на перроне последней станции, до которой доходили московские пригородные поезда. Движение было сокращено и народа на перроне было много. Осмотревшись, Оля заняла очередь к кассе, а Павел продолжал наблюдать. Только один милиционер равнодушно маячил около очереди. НКВД не было видно. Вдоль очереди медленно двигалась полная красивая девушка в красной фуражке дежурного по станции. Девушка внимательно проверяла паспорта и документы, на основании которых пассажиры собирались покупать билеты. — Второго билета не достать, — понял Павел. — Но это не так страшно — до прихода контроля Оля успеет взять билет на какой-нибудь станции.

Павел отошел подальше от очереди, чтобы не обращать на себя внимание дежурной по станции.

В поезде сразу стало тесно. Павел и Оля сели к окну друг против друга. Было условлено заранее, что, в случае неприятности с контролем, Павел сделает вид, что незнаком с Олей и едет дальше один. Павел прилонился к стенке.

— Хорошо что сели... В Москве у каждого дома дежурят жильцы, проверять документы может каждый. Надо проскочить столицу засветло. Кроме того, надо миновать главный вокзал.

Поезд тронулся. Оля сидела напротив внешне спокойная, бледная. Павел чувствовал, что внутренне она напряжена до последней степени. Иногда украдкой он смотрел на осунувшееся лицо жены, на тонкие морщинки, появившиеся у глаз и губ, на пожелтевшую кожу и сердце его сжималось. — Дорого ей дается жизнь со мной! А я постепенно превращаюсь в бродягу. На постройке моста уже стало скучно, а сейчас страшно и интересно. Конечно, в эту минуту более страшно, чем интересно, но самое главное, что необходимость жить, где попало, начала превращаться в привычку. С тех пор, как милиция выгнала из Москвы за старую судимость, прошло уже больше восьми месяцев, из них почти три месяца войны. Может быть, осталось совсем мало до освобождения? Тогда надо будет создать Оле хорошую, нормальную жизнь, она это давным давно заслужила.

Павел поймал быстрый, тревожный взгляд жены. — Станция. А если она не успеет взять билет? Одному пробираться через Москву будет труднее, а главное так страшно расставаться! Павел почувствовал вдруг, что слабеет. Оля встала и направилась к двери. В ту же минуту поезд стал замедлять ход и, не дожидаясь пока он остановится, на площадки стали выпрыгивать отдельные люди, сначала мужчины, потом, когда ход совсем замедлился, вся толпа пассажиров. Олю затолкали и оттеснили вглубь вагона. Уже поздно, она не успеет выйти взять билет и вернуться. Надо было выйти на площадку и сразу спрыгнуть. На мгновение стало досадно и в ту же минуту радостно: — Слава Богу, не разъединились! Оля вернулась и решительно села к окну. Толстая женщина стала в проходе между лавочками. Павел почувствовал, что Олина рука быстро сжала его пальцы и также быстро отдернулась. Станции следовали за станциями, вагон был уже набит до отказа. Оля не шевелилась. Когда женщина, стояв-

шая между ними, на минуту отшатнулась, Павел увидел, что Оля читает. Наверное только делает вид, что читает, — подумал Павел. Мелькнула русая головка, пробор и коса вокруг головы. Ему нравилась эта прическа и Оля стала носить ее постоянно.

Большая станция, ругань, крики. Поезд здесь простоит долго, но выйти из вагона невозможно. Почему нет контроля? Наверное тоже потому, что нельзя пройти. Господи, помоги хоть сейчас не разъединиться! Ведь уеду, скроюсь и неизвестно когда опять встретимся. А что если ее убьют во время штурма Москвы? Я пойду по улице, сверну в переулок, увижу дом, четырехэтажный, каменный, парадное, желтую дверь, позвоню: я дома, я свободен, все свободны! А ее уже нет... Павел вздрогнул и наклонился ближе к окну, чтобы увидеть Олю. Серые встревоженные глаза посмотрели на него из-за коричневого платья, разделявшего их.

— Сейчас сойдем, — тихо сказал Павел.

Контроль так и не пришел. На маленькой станции, соедем под городом, сошли на пути и сразу очутились в поле. Пыльная дорожка, тоненькие, нестеровские березки.

— Слушай, если нас разъединят, то устраивай свою жизнь заново. Я тебя жду пять лет, а потом...

— Не говори глупостей, — испугался Павел. — Любого из нас могут убить, но не разъединить. Если немцы подойдут на 50 километров к Москве, то и Москва будет взята.

— Не знаю. Боюсь, что война кончится ничем, а мы разъединимся.

Павлу стало не по себе, он крепко взял Олю за руку и посмотрел ей в глаза. По бескровным щекам капались слезы. Где-то за строгой серьезностью взгляда пряталось отчаяние.

— Не надо так, это у тебя нервы после поезда... сейчас на метро, потом на трамвай, а ехать от Москвы будет безопаснее.

Город промелькнул серый, напряженный, ожидающий. Говорили мало — если бы Павла задержали в столице, дело могло обернуться совсем плохо, но все сошло благополучно. Оле продали два билета до Истры. В купе никого, но говорить страшно. Сидели, крепко взявшись за руки. Наконец, станция — район богатых дач артистов, художников и ученых. — Примут ли? — думал Павел. Он приехал без предупреждения, но это люди того круга, в котором железная спайка, без слов, без объяснений, спайка гонимых, но не сломленных. Никто не видит, как Павел открывает калитку и две тени идут к дому. Если Павел и останется, то примет еще меры предосторожности: он уйдет с Олей и вернется совсем ночью, спрячется и не будет выходить. Песок скрипит под ногами, сердце часто стучит. — Будет совсем скверно, если они испугаются, ведь это очень опасно! Куда мне тогда деваться?

Выходит полная молодая дама. Серые умные глаза, густая копна волос. Мужа еще нет, это плохо, но к этому Павел уже готов. Она несколько удивлена, но здоровается дружески и с полным доверием. Они почти не знакомы, но она знает, что Павел человек свой. Павел садится и рассказывает — коротко, сухо, деловито, следя за впечатлением от своего рассказа. Оля сбоку наблюдает за ним. Он на нее не смотрит, но все время ее чувствует. — Если дама то же чувствует, что переживает Оля, то она не откажет. Ведь сейчас война еще более всех сблизил. Павел замолкает и смотрит на круглое, очень русское лицо дамы. Конечно, какой же разговор. Она уверена, что муж не будет возражать.

— Как вам, наверное, тяжело! — обращается дама к Оле.

Оля отворачивается и смахивает слезу. Все трое пьют чай и Оля идет на станцию: завтра на службу, а она не спала всю ночь. Павел и Оля идут рядом вдоль заборов дач. Везде затемнение и их не видно. Тихо и жутко. — Сегодня я спасен, но что будет завтра, что? — думает Павел. Павел боится говорить о будущем, о разлуке. — В бою не надо думать о смерти, не надо бояться ранения, надо занять голову чем-нибудь посторонним...

Павел дает Оле инструкции, как поддерживать связь с членами организации. Оля знает все это не хуже Павла, об этом уже говорили много раз. Ночь молчит и звезды холодно мигают из непостижимо далека. В кустах около станции Оля крепко прижимается к Павлу, судорожно всхлипывает, целует в губы и быстро, сосредоточенно крестит.

— Не может быть, чтобы это было на долго, не может быть! События развиваются бешеным темпом и избавление близко, — говорит Павел.

Оля идет дальше одна — стройная, но надломленная. Павел следит за ней из кустов, а когда поезд, бросая искры, скрывается в черноте леса, медленно, как раненый, идет назад. Возбуждение дня сменяется апатией. — Скорее вернуться в тепло и отдохнуть! — думает он. Кругом Павла шумит опустевший лес. Ели беспокойно машут тяжелыми ветками, как будто сидят и не могут поймать несущиеся над их вершинами облака.

Глава четвертая

НА ОКОПАХ

Поезд тронулся под визг, смех, всхлипывания и звонкие возгласы. Вагон был полон девушек, начиная с 17-ти летних подростков и до 25-26-ти летних. Григорий и старичок-бухгалтер, севший рядом с Григорием, были единственными мужчинами в вагоне. Катя не провожала — она была на службе. Григория уже больше месяца, как уволили с электростанции, военкомат зловеще молчал, на другую работу не брали, хотя работников везде нехватало. Григорий ежеминутно ждал ареста и спал на дворе в сарае, чтобы, в случае ночного прихода НКВД, успеть убежать. — Достается-таки мне от большевиков, — думал Григорий, глядя в окно на пробегающие телеграфные столбы, — даром, что сын рабочего! Мелькнула юность, увлечение комсомолом, потом ясное сознание, что комсомол и партия не то... бессонные ночи, решение бороться, подбор единомышленников среди спортсменов, встреча с Павлом, слишком уже религиозным и интеллигентным, как тогда казалось Григорию. Вспомнились бесчисленные трудности и тупики, соединение двух маленьких организаций, сомнения — можно ли положиться на Павла и его друзей, затем арест, тюрьма, лагерь, тысячи новых встреч, вся антибольшевистская Россия, Николай и религиозный переворот под сосной

в тайге — жизнь тогда началась заново. Пришло, наконец, и освобождение из лагеря, а за ним соблазн ухода в обывательскую жизнь, но и он прошел. Потом было упорное продолжение борьбы и... Катя. Сначала Катя просто дочь товарища по несчастью, тоже бывшего заключенного, вынужденного работать вольнонаемным на строительстве канала Москва-Волга, потом сближение с ней, как с серьезным другом, который все понимает и чувствует, как Григорий, потом женитьба и вот теперь, в такой страшный момент, разлука. — А момент действительно страшный! Григорий перестал думать. Сидевшая напротив девочка лет 17-ти всхлипнула и спрятала в угол между стенкой вагона и лавочкой круглую физиономию с ямочками на щеках.

— Не плачь, Манюшка, — очень курносый нос по-други наклонился над девушкой, — не плачь! — Быстрые задорные глаза с вызовом пробежали по лицу Григория. — С работы убежать можно, все так делают. Я уже третий раз еду... Первый раз со станции убегла, второй раз с окопов... Правда, не трудно, не плачь.

Манюшка еще более съежилась и громко шмыгнула носом.

— Боюсь я, Тамара, — пролепетал неуверенный голос.

— А чего бояться-то? — Тамара опять покосилась на Григория, — нам с тобой хуже не будет, только успеть домой во время вернуться!

Манюшка утерла концом платка слезы и недоверчиво посмотрела на Тамару, но плакать перестала. На соседней лавочке расположились «торфушки» — пензенские девчата и молодые женщины с торфоразработок. Этим тревожил другой вопрос: от семей они уже давно оторвались и целью их жизни был заработок.

— На окопы гонят, — возмущалась широколицая бабенка, — а расчету не дали! Теперь, если немец придет, то с кого получишь?

— Только на нас и ездют! — вторила ей соседка, — подмосковные как приедут, так и разбегаются, а нам потому и расчету не дают, чтобы мы убежать не могли.

— А на Волге, у перевоза, свинью можно купить за пять рублей — долетел голос из соседнего купе. — Ей Богу, правда! Что скота гонют... половина дорогойдохнет.

Через вагон прошла группа мужчин с портфелями. Разговоры прекратились. Это были профсоюзные и партийные представители, сопровождавшие поезд, будущие руководители работ. Вид у них был далеко не самоуверенный, по всему поведению можно было заметить, что они боятся, боятся попасть к немцам прямо на окопах. Что тогда делать? Только маскироваться под общую массу. Во всяком случае, обычного тона в отношении массы не было.

— Покурим? — обернулся Григорий к бухгалтеру.

— Покурим, — ответил тот почему-то радостно.

Когда закуривали, Григорий посмотрел в глаза соседа. Они были большие, детски ясные и в них светилось почти нескрываемое торжество. Старик понимал то же, что понимал Григорий. Григорий отвел глаза в сторону и стал пускать большие, расходящиеся вширь, клубы дыма.

Неужели действительно идет свобода? Так или иначе, но всеобщий страх, один из столпов, на котором стоял строй, рухнул. Исчезла уверенность, что «сильнее кошки зверя нет», Гитлер оказался сильнее Сталина. Конечно, это только начало новых испытаний: большевизм будет сопротивляться, на зиму фронт где-то остановится. Самое страшное — это оказаться на стороне, где он будет готовиться к новому этапу борьбы. Будет голод, неразбериха и террор. Самое главное — террор. Если только немцы остановятся и дадут нашим перевести дух, начнется террор. Надо не-

пременно попасть на ту сторону и сразу за дело: на занятой немцами территории свободы будет больше и там надо будет во что бы то ни стало создавать русскую армию... За окном стало темнеть и Григорий задремал, облокотившись на вещевой мешок. Поезд шел всю ночь. Никто, кроме партийцев, сопровождавших эшелон, не знал станции назначения. Несколько раз останавливались на каких-то станциях и маневрировали — очевидно прицепляли новые вагоны. Григорий только заметил, что переехали на Октябрьскую железную дорогу и поехали к Ленинграду. Под утро поезд остановился на станции Мга. Быстро выгрузились. Пестрая толпа пошла в сторону от железной дороги. — Однако, собрали несколько сот человек, — посмотрел Григорий на растянувшихся по дороге женщин.

— Идем по направлению к Ильменьскому озеру, — догнал Григория старичок, сосед по вагону.

В глазах старика опять блеснул молодой задор. Григорию стало приятно, что этот человек снова здесь и он протянул ему руку:

— Давайте познакомимся.

— Очень рад. Александр Владимирович Розанов, — обрадовался старичок.

— Вам помочь что-нибудь нести? — посмотрел Григорий на тонкую, высокую фигуру Розанова.

— Благодарю. Я хоть и не молод, но могу сам носить, тем более, что взял ровно столько, сколько способен унести на большое расстояние и без чего обойтись совершенно невозможно.

Готовится возвращаться пешком после краха советской власти, — усмехнулся про себя Григорий. Заметив улыбку на лице Григория, Александр Владимирович весело подмигнул и зашагал еще бодрее.

— В случае чего, будем держаться вместе и друг другу помогать, — обернулся он пройдя несколько шагов. — Вы не бойтесь, я вам обузой не буду, а в слу-

чае чего и помогу, — заговорщически улыбнулся старичок.

Миновав станцию и поселок, вошли в первую деревню. У домов стояли притихшие бабы и мрачные бородатые старики, подозрительно и враждебно глядевшие на пришельцев. Девчата стали заходить в дома: напиться или купить яиц. Движение само собой остановилось.

— Граждане, не останавливайтесь! В следующей деревне будем ночевать, — безнадежным тоном уговаривал девчат мужчина в серой кепке и короткой ватной куртке. Вид у него был еще более прибитый, чем у вчерашних партийцев, обходивших вагоны.

Тоже готов ко всему, — подумал Григорий, глядя на ватную куртку партийца. — Не знаешь, папаша, где здесь укрепления строят, — спросил Григорий, подойдя к широкоплечему, крепкому старику, стоявшему у ворот.

Старик посмотрел на него из-под козырька картуза, надвинутого на самые глаза, холодным злым взглядом. — Принимает за партийца, — понял Григорий, — думает, если я молодой и не в армии, то наверное партийный работник.

— А мы разве знаем! — процедил старик сквозь зубы, закончив осмотр Григория.

— Мы ведь не зря спрашиваем, сам небось понимаешь, что беспокоимся, как в случае чего домой возвращаться, — подошел сзади Григория Александр Владимирович.

Крестьянин сразу помягчал и, еще раз покосившись на Григория, кивнул в сторону леса:

— Там вон, верстах в 17-ти от нас уже начали окопы копать. Верно и вас туда же направят.

В этот момент к Григорию подошел скромный молодой человек с симпатичным лицом и очень внимательными глазами.

— Молодых мужчин просят вернуться на станцию, — сказал он, — прибыли инструменты, кухня и продукты. Надо их разгрузить.

При виде молодого человека крестьянин сразу принял прежний непроницаемый вид.

— Я хоть и не молодой мужчина, а пойду с вами, — сказал Розанов.

— Если хотите, вещи можно оставить у председателя колхоза, — сказал молодой человек.

— Нет, уж лучше мы их возьмем с собой, — ответили Григорий и Розанов, одновременно. — Может быть, замешкаемся и придется ночевать.

Молодой человек ничего не ответил и пошел по направлению к станции. Григорий и Розанов немного отстали.

— Смотрите, сам тоже свой вещевой мешок захватил, — тихо шепнул Розанов, кивнув в сторону молодого человека.

Надо будет завести знакомство с железнодорожниками, — думал Григорий шагая по дороге, — в случае паники могут помочь добраться до Москвы.

Проходя по станционному поселку, Григорий вдруг увидел надпись, на которую утром не обратил внимания: «Столовая для партизан». Надпись, сделанная от руки на куске картона, была прибита у двери небольшого дома.

— Смотрите-ка, что это такое? — спросил Григорий Розанова.

Старик, вместо ответа, подошел ближе к двери домика и прочел прикрепленную к ней кнопкой записку.

— Тут и меню есть, — сказал он насмешливо, — свиной борщ и жареная свинина.

Григорий задумался: очевидно это было мероприятие в развитие мыслей, высказанных в речи Сталина. Создавали искусственно то, что естественно со-

здавалось в 1812 г. Сумеют ли? Вспомнились нахмуренно-сосредоточенные лица стариков. «Народ безмолвствовал», но в молчании его не было сочувствия большевизму.

На вокзале уже собрались почти все мужчины, приехавшие на работу. Было их немного. Распоряжался толстый высокий человек, член Калининского городского совета. Григорий сразу почувствовал в нем врага. Держался он почти так же самоуверенно и властно, как держались люди его категории до войны. Непосредственно разгрузкой руководил совсем молодой инженер, нервный и очень подвижный еврей, не в пример партийцу работавший наравне со всеми остальными. Кроме них, был еще молодой техник, ленивый и неторопливый, и два крестьянина.

Инструментов оказалось так мало, что нечего было и думать начинать с ними работу: на несколько сот рабочих привезли всего около 30 ломаных лопат и несколько ломов и кирок. Собственно, выгружали главным образом продукты: пшено, картошку, кислую капусту и муку. — Организация много хуже чем в концлагере, — усмехнулся про себя Григорий.

С железнодорожниками ему так и не удалось поговорить. Приятный молодой человек с неприятными глазами все время вертелся около Григория и Розанова. Сцепщики, дежурный по станции и кондукторы держались замкнуто и отчужденно и глядели почти так же мрачно, как мужики. — Очевидно недовольны тем, что мы будем строить укрепления, — понял наконец Григорий, — не хотят, чтобы в их районе были позиционные бои. Надеются, что попадут к немцам, избежав разрушений.

— А как же будет организовано питание? — спросил Григорий молодого инженера, когда тот помогал ему взвалить на плечи мешок с картошкой.

— Как? — заволновался тот, — видите как плохо подготовлено, — инженер с негодованием посмотрел в сторону толстого партийца, издали наблюдавшего за работой. — Придется раздавать продукты на руки и готовить в тех домах, где будут жить рабочие.

— Не во всех домах найдутся большие котлы, — сказал Григорий и потащил мешок к подводе.

Когда он вернулся за вторым мешком, инженер внимательно посмотрел на него и сказал, протягивая руку:

— Давайте познакомимся. Моя фамилия Зускин, я буду руководить технической частью работ.

Григорий пожал протянутую руку.

— А вы тоже наверное имеете отношение к технике и организации работ? — спросил Зускин.

— Имею, — кивнул Григорий.

— Знаете, я должен остаться на станции добывать инструменты, а вас очень бы попросил сразу же с подводой отправиться в деревню Давыдково и подготовить там квартиры. Товарищ Давыдов! — крикнул Зускин, не дожидаясь согласия Григория. — Вот товарищ Сапожников может поехать вперед и подготовить квартиры для рабочих.

Толстый партиец снисходительно кивнул головой в знак согласия.

— Только разрешите мне взять с собой Розанова, — попросил Григорий, представляя Зускину своего нового друга.

Через час Григорий и Розанов ехали на подводе через густой, похожий на тайгу лес по направлению к деревне Давыдково. Дорога пересекла речушку. Григорий остановил лошадь около гнилого мостика, слез и подошел к перилам. Речка, бурная и стремительная, вырывалась из-за поворота, стесненная с двух сторон каменными глыбами. Все дно ее было усеяно большими валунами, между которыми kloкотала пена. Ели та-

инственно и мрачно тянули к воде ветви, покрытые мхом. Где-то за этими лесами Новгород, — подумал Григорий, — колыбель русской государственности. Говорят, он уже занят немцами. В свое время Александр Невский не дал ордену захватить его, но поехал в орду с поклоном понимая, что драться с татарами не время. Мы готовы поступить наоборот: кланяться немцам, чтобы победить Сталина.

Александр Невский предпочел орду потому, что она требовала дани, но не посягала на внутреннюю жизнь народа и уважала религию. Орден же грозил физическим и духовным порабощением. Теперь полное порабощение несет коммунизм, а немцы, вероятно, требуют только дани. Какой? Так или иначе, у нас нет другого выхода.

— О чем это вы философствуете? — раздался сзади голос Розанова.

Григорий обернулся. Александр Владимирович смотрел на него серьезно и внимательно.

— Так... вспомнил русскую историю, — усмехнулся Григорий, — Александра Невского...

— Надеюсь, не по фильму? Там ведь показана только одна сторона его деятельности, — осторожно заметил старик.

Странно, — подумал Григорий — Очевидно намекает как раз на то, что мне пришло в голову. До 22-го июня, при самых благоприятных условиях, мы с ним начали бы подобный разговор не раньше нескольких месяцев знакомства.

— Времена очень изменились, — начал было Розанов, но замолчал и пошел к подводе.

Поехали дальше. Давыдково лежало на большой поляне, окруженное кольцом леса.

— Зачем здесь строить укрепления? — удивился Григорий, ведь по всей вероятности весь этот район либо обойдут, либо не возьмут вообще.

— Не ищите во всем логики, — ответил Розанов. — Я уже рыл один раз окопы под Ржевом — так можете себе представить, там устроены противотанковые рвы длиной в несколько десятков километров. Труд невероятный, а стоит такой ров перейти в одном месте и вся эта работа идет на смарку... а трава осталась нескошенной, что будет со скотом зимой?

Григорий вспомнил приказ Сталина и подумал: — В самом деле, придут немцы или нет, но для народа уже готовы «невыносимые условия существования».

Крестьяне встретили Григория и Александра Владимировича более чем враждебно, и Григорию стало понятно, почему именно он, а не кто-либо из партийцев послан в качестве квартирьера.

— У нас комсомольцы-хулиганы запасли было бутылки с керосином, деревню жечь, — прямо заявила одна разбитная, задорная бабенка, — а старики их всех побили. Вы как хотите, а дома жечь мы не позволим.

— Так это, мать, наверное были бутылки против немецких танков приготовлены, — возразил тоном провокатора Розанов, — вон, в Финляндии, когда наши наступали, то их и старики, и старухи и дети даже обстреливали!

— Не знаю как в Хвицляндии, — вспылила бабенка, — а только мы свои дома жечь не позволим... да и ямы вы здесь будете рыть совсем даже напрасно!

— Мы, мать, тут не причем, — спокойно ответил Розанов. — Мы сами от власти пострадали: в концлагерях срок отбыли.

Бабенка сразу помягчала и даже предложила поставить самовар. Григорий с удивлением посмотрел на старика. Голубые глаза лукаво улыбнулись.

— Вы меня не бойтесь, — сказал Розанов, — я ведь тоже на канале работал и так же, как вы, уволен. А вас я знаю через свою хозяйку — она с вашей хозяйкой дружит.

На минуту привычная подозрительность проснулась в Григории, но, посмотрев еще раз на старика, он решил, что тот не может быть провокатором.

Работа квартирьеров состояла в том, что они обходили всю деревню, дом за домом, и определяли, сколько человек можно поместить на освобожденной хозяевами площади. Хозяевам оставлялась кухня, иногда какая-нибудь коморка. Северные избы были большие, добротные, но, подсчитав имеющуюся площадь и разделив ее на количество рабочих, Григорий получил цифру менее двух квадратных метров на человека. Это значило, что ночью можно будет спать, только используя каждый сантиметр пола, вповалку от дверей до окон. Много неприятностей создал вопрос с посудой: бабы заранее отказывались готовить на рабочих и не хотели давать свои котлы и горшки. Григорий умел говорить с народом, Александр Владимирович внушал уважение возрастом и благообразной внешностью, но отношение ко всем мероприятиям власти было настолько враждебное, что уговаривать крестьян смириться с последствием вселения к ним рабочих было очень трудно.

По крайней мере лично убедился, что для развития партизанского движения против немцев почвы нет. Они скорее пойдут против большевиков, — думал Григорий.

После изнурительного дня заночевали у одного старика-старообрядца. Жил он в двухэтажном доме с массивными ставнями и крепко запертыми воротами. В просторной комнате внизу хозяин постелил гостям на сдвинутые лавки перины в домотканых чехлах, положил большие серовато-белые подушки и одеяла. Сели ужинать. Григорий и Александр Владимирович достали хлеб и привезенные из дому сало и сахар. Хозяин все время искоса наблюдал за ними, потом подсел к столу, подперев сивую бороду загорелой ла-

донью, хитро блеснул глазами и спросил, как бы небрежно:

— Что же, укрепления строить будете?

— Линию Сталина, — ответил иронически Александр Владимирович.

— Вы кто же такие будете, инженеры или по партийной линии?

— Самые обыкновенные рабочие: позавчера мобилизовали, а сегодня уже у вас, — ответил Розанов.

— Вот как... — неопределенно протянул хозяин и лукавые искорки в его глазах погасли.

— А давно Новгород взяли? — спросил Александр Владимирович.

Хозяин стал серьезным.

— Всего несколько дней. Спервоначала у нас тут паника была: комсомольцы хотели деревню жечь, но старики не дали. Хватит нам этого! — вдруг закончил хозяин решительно и посмотрел на Григория и Розанова странным, диким взглядом.

— Старик с характером, настоящий кулак, — подумал Григорий. — Как такой уцелел?

— Хватит с нас! — сказал еще раз хозяин. — Один раз сделали революцию и довольно!

— Помещиков в 17-ом году громили? — не без ехидства спросил Александр Владимирович.

— Нет, — дико-злое выражение лица крестьянина сменилось неуверенно самодовольным. — Нет, самую эту что ни на есть настоящую революцию я начинал в феврале 1917 года, в Петрограде в Волынском полку был.

Григорий насторожился. Глядя на бородача-старообрядца, трудно было представить себе солдата Волынского полка, начинавшего революцию. Александр Владимирович сразу ошетинился и молча жевал хлеб. Хозяин не заметил этого и сидел, поглощенный воспоминаниями.

Понял, что сделал тогда глупость, но не может не гордиться своей исторической ролью, — сообразил Григорий и спросил с интересом и участием: — А страшно было поднимать восстание?

Старик сразу размяк:

— Как думаешь? Первые ведь мы поднялись... жутко... вся страна неизвестно за кого, а мы начали. Потом все просто оказалось, — добавил он почти разочарованно.

— Ну, а теперь что думаешь? — не выдержал Александр Владимирович.

— Что думать-то! — посмотрел на него, приходя в себя хозяин, — Деревню жечь не дадим — и все. Лицо его опять стало жестким.

— Что про немцев слышно? — спросил Григорий. — Новгород ведь от вас совсем близко.

— Близко... только болота тут. Я так думаю, что укрепления в нашей местности и строить незачем, — в глазах забегали давешние лукавые искорки. — Немец больше по открытой местности наступает. Сначала авиацией разобьет, а потом танки пустит. Незачем им в болота лезть.

— Похоже на то, — улыбнулся Григорий, — но наше дело маленькое: велят копать, мы и копаем.

— Пойдите, я вам медку вынесу.

Хозяин вышел из комнаты.

— Кулак настоящий, — недовольно пробурчал Александр Владимирович. — Как во время коллективизации уцелел!

Хозяин вернулся с глиняной миской, полной сотового меда.

— Пчел водите? — осведомился Розанов.

— Несколько ульев, для себя, — ответил старик.

— Нет у вас баночки какой? Я вам к чаю отложу.

Григорий достал из мешка эмалированную кружку. Хозяин наполнил ее медом и опять скрылся с миской.

— Вот вам и революционер! — подмигнул Александр Владимирович, кладя на хлеб кусок сота. — Посуду свою не дает потому, что он старообрядец, а мы никониане поганые и миску после нас придется выбросить.

— Потому и бабы из-за котлов для рабочих спорили, — понял Григорий.

— Вот именно, — проворчал Александр Владимирович, — а еще Февральскую народную революцию делали!

Поляну пересекала черно-желтая полоса противотанкового рва. Вдоль рва, на расстоянии двух метров друг от друга, были расставлены девушки-работницы. Копали медленно и неохотно. Каждая бригада имела свой участок работы, каждая работница — свои два погонных метра рва, но это не влияло на медленный ход работы. Григорий числился старшим десятником. В его распоряжении было пять бригад с сотней рабочих. Почти каждое утро он докладывал прорабу Зускину, что за ночь вновь исчезли две-три девушки. Зускин каждый раз переживал это как личный удар; он не сердился, не возмущался уже, но съеживался и опускал глаза. Время от времени прибывали свежие пополнения; если бы их не было, работа давно остановилась бы совсем. Григорий с интересом наблюдал за происходящим. Из пяти подчиненных ему бригад одна состояла из подростков, привезенных из-под самого Новгорода, с одного завода. Ребята рассказывали, что при приближении немцев вся партийная администрация завода сбежала, захватив автомобили, продовольствие из заводского кооператива и кассу. Часть рабочих разбежалась по домам, часть не успела этого сделать и была мобилизована. Поведение властей в момент кризиса совершенно подорвало в глазах ребят престиж советской власти. Потеря связи с родными выбила из колеи, но бежать им было некуда и поэтому

их бригада была одной из тех, на которую, казалось, можно бы было опереться в работе. Однако, работать подростки не хотели. Три бригады из калининских и подмосковных таяли на глазах. В итоге опорой строительства укрепленной полосы оставались «торфушки», которые не могли бежать на родину, не получив расчета и документов.

Григорий закурил и пошел вдоль рва. Результаты работы на двухметровых отрезках были очень разные: кое-где ров был почти закончен, в других местах рытье только начато. Из глубины ямы почти законченного отрезка выглянула грязная курносая физиономия пензенской торфушки. Серые глаза с мучительным беспокойством посмотрели на Григория. Григорий остановился.

— Кончаю, Григорь Павлович, — просипел хрипый, почти мужского тембра, голос. Бабенка воткнула лопату в землю, вытерла мозолистые руки о черную телогрейку и с трудом вылезла наверх. — Как там, не слышно когда нас до дому отправят?

Это был вопрос, на который не было ответа и который бабенка задавала Григорию каждый день.

— Вы уж за нас похлопочите, ведь, мы не как другие... работаем.

Бабенка посмотрела в сторону леса, где кругом громадного костра расположились новгородские малолетки.

— Я-то тут при чем? — ответил Григорий. — Сама знаешь, мобилизован, как и все вы.

— Вот, ироды! — вдруг озлобилась бабенка, — и на кой чорт им эти ямы нужны? — бабенка смачно, по-мужски выругалась, — все равно, как немцы подойдут, вся красная армия разбежится.

Работавшая рядом смазливая девушка лет 18-ти поправила платок и сделала Григорию глазки. Из ле-

са, где около костра сидели малолетки, доносились звонкие голоса, смех и матерная ругань.

— Так вы уж, Григорь Павлович, за нас похлопочите: вы человек образованный и сочувственный, — бабенка опять перешла на жалостливый тон, — детишки ведь дома остались махонькие... с бабкой старой. Как она одна там справляется?

Григорий пошел дальше. На участке, занятом подмосковными, было много незанятых никем мест и в общем было сделано втрое меньше, чем у пензенских.

— А где Шура? — спросил Григорий у высокой худенькой блондинки, приехавшей с ним в одном вагоне.

В глазах девушки забежали искорки.

— Не знаю, — пожала она плечами.

— Домой убежала? — равнодушно спросил Григорий.

— Не знаю. С утра не видно... — озорные огоньки в глазах девушки забежали сильнее.

— Эх, дамочки, вы не ройте ямочки, — донеслось из леса. — Придут наши таночки...

Григорий сделал еще несколько шагов. Между двух еле начатых ям виднелась глубоко ушедшая в землю щель. Крепкая коренастая девица при приближении Григория оперлась на лопату и посмотрела на него решительно и смело.

— Скоро кончу, — сказала она.

— Молодец! — похвалил Григорий.

— А как кончу, домой пустите? — в тоне девушки почувствовался напор и вызов.

— А я что ли пускаю? — улыбнулся Григорий.

Девушка нахмурила густые брови:

— А не пустите, так я свою норму сделаю и убегу.

— Только меня об этом не предупреждай, — еще раз улыбнулся Григорий.

— Кончу яму и убегу! — упрямо повторила девушка тоном обиженного ребенка и опять начала упорно копать.

Вдали замаячила фигура Зускина. Григорий пошел ему навстречу. Прораб шел быстрой нервной походкой, черное пальто развевалось на ветру, кепка сдвинулась на бок. За прорабом вяло следовал курчавый блондин с мясистым лицом и свинными глазками — инженер из Твери, заместитель производителя работ.

— Как у вас дела? — остановился Зускин.

— Неважно, — ответил Григорий. — Определенно убежало за ночь две и одной нет на работе. Наверное тоже убежала...

— А какая была вчера выработка?

— Как всегда, около 50%.

— Это невозможно, с этим надо бороться! — измученные глаза прораба посмотрели на Григория.

Григорий пожал плечами.

— А это что? — Зускин повернулся в сторону леса.

Новгородские малолетки положили в костер сразу несколько охапок хвороста и пламя взметнулось чуть ли не до верхушек деревьев.

— Новгородская бригада, — ответил Григорий.

Зускин рванулся к лесу. Григорий и заместитель прораба последовали за ним. При приближении Зускина, смех и крики у костра несколько стихли, но никто из ребят не двинулся с места.

— Как вам не стыдно! — начал прораб, подходя к костру, — страна переживает величайшее напряжение, красная армия героически проливает кровь. Вычитано, что при взятии линий подобных той, которую мы с вами строим, противник несет в семь раз большие потери, чем при передвижении по неукреп-

ленной местности. Ваша лень будет оплачиваться кровью ваших братьев!

— А почему, когда немцы подошли к нашему заводу, то все начальство бежало, а нас бросили? — крикнул мальчишеский голос из-за костра.

— Жалованье не заплатили, а кассу украли, — добавила вихрастая девчонка лет 17-ти.

— Паникеры и дезорганизаторы рано или поздно будут наказаны.

Григорию показалось, что на глазах прораба заблестели слезы. Ребята неохотно отошли от костра и медленно побрели к противотанковому рву. Зускин стал с ненавистью раскидывать горящие ветки.

— Чорт знает, что делается! — обернулся он к Григорию, как бы ища сочувствия и поддержки. — Я сам из беспризорных. Комсомол и партия помогли мне стать инженером... человеком сделали, а эти... ведь это все дети рабочих и крестьян! Я перестаю понимать, что кругом происходит.

Зускин повернулся и, как раненый, пошел в ту сторону, где в лесу мужчины-рабочие строили доты для артиллерии.

— Покурим? — заместитель прораба протянул Григорию пачку папирос.

Григорий сел на пенек, только что оставленный малолетками. Зам заботливо подбросил в костер хворосту и повернул к Григорию самодовольно сияющую физиономию.

— Вы знаете, тут один крестьянин рассказывал, как немцы занимали его деревню. Сначала все испугались, — заместитель прораба сделал круглые глаза, — думали, будут репрессии ну, скажем, деревенских партийцев и комсомольцев вылавливать начнут. Можете себе представить, ничего подобного! — лицо зам-прораба стало торжественным. — Выходит из танка офицер, знаете, настоящий, с военной выправкой, со-

брал кругом себя толпу, вынул кулек конфет и полную горсть в толпу... знаете, таким офицерским жестом!

Свинные глазки с торжеством посмотрели на Григория. Григорий ничего не ответил. Где-то в глубине души поднялось отвращение: вся сволочь, которая только что пресмыкалась перед советской властью, уже готова пресмыкаться перед Гитлером. Для меня ставка на немецкую победу неизбежное зло, единственный выход, а для таких смена хозяина. Новый 17-ый год начинается, только большевики, как черви, находили наслаждение в процессе разложения и гниения государственного организма, а мы все думаем, как бы скорее начать созидать заново.

Григорий отошел от костра и пошел к дороге, пересекавшей поляну. Там, у столба с висевшей на нем шпалой, стояла женская фигура. Для того, чтобы рабочие не «перекуривали» непрерывно, Зускин уже несколько дней назад велел поставить у дороги столб и выделил специальную работницу, которая должна была через каждый час давать сигнал к общей пятиминутной перекурке. На эту нетрудную работу попала жена приятного молодого мужчины с неприятными глазами, на которого Григорий обратил внимание еще в первый день приезда на работу. Молодой человек оказался студентом каких-то курсов в Калининe, будто бы готовивших прокуроров. Версии о курсах Григорий верил мало, но ему было ясно, что будущий прокурор приехал для того, чтобы присматривать за рабочими и быть около мобилизованной жены.

— Ну, как дела, Катя? Скоро звонить будете? — подошел Григорий к молодой женщине, с которой был в хороших отношениях.

Катя покраснела — она стеснялась своей работы.

— Через десять минут.

Лицо у Кати было миловидное, чисто русское.

— Знаете, — заговорила она доверительно понижая голос. — Муж вчера в Калинин ездил, так там пять церквей открыли. По распоряжению НКВД, в две ночи из старых храмов склады вывезли и заново их отремонтировали, — глаза Кати расширились от возбуждения.

— А что слышно о фронте? — спросил Григорий. Газеты почти не приходили и сведения о войне доходили урывками.

— Всё наступают, — сообщила тем же доверительным тоном Катя. — У Новгорода стоят, чего-то ждут, а в других местах наступают.

По тону Кати никак нельзя было понять, как она относится к разгрому Красной армии и победному маршу немцев; больше всего в нем было любопытства и меньше всего сожаления к гибнущему строю.

— Интересно, как они расправляются с населением оккупированных территорий? — осторожно спросил Григорий.

— А никак, — простодушно удивилась Катя. — Муж ходил, всего неделю назад, на свою родину, в деревню уже занятую немцами. Так там остались некоторые партийцы и никого не тронули.

К Григорию и Кате подошел Катин муж. Катя сразу замолчала.

— Товарищ Сапожников, — сказал будущий прокурор, как всегда мягко и вкрадчиво. — Товарищ Зускин просил передать, что сегодня собирается экстренное производственное совещание, сразу же после работы.

Григорий сидел за деревянным, непокрытым скатертью столом вместе с Александром Владимировичем и двенадцатью девушками и ел печеный картофель с противня, поставленного на середину стола. Девушки

все время шутили и смеялись, а Григорий с завистью вспоминал, как до лагеря в ранней молодости он тоже мог, несмотря на самые тяжелые условия первых лет революции, смеяться по пустяковому поводу и вовсе без всякого повода. Теперь от одного голода и то настроение портится, — подумал он, доедая последнюю картофелину. — Безобразие! Война только началась, а есть уже нечего.

Рабочие уже две недели питались одной картошкой. Порции мяса в размере солдатского пайка, 100 грамм на человека в день, давным-давно перестали давать, жиров почти не было. Те, кто привез из дому достаточно копченого или соленого сала, еще держались, Григорий же давно питался только пайком. Александр Владимирович, благодаря преклонному возрасту, меньше страдал от голода, чем Григорий. Кроме того, у старика оказалась выдержка старого закала и неисчерпаемый запас оптимизма. У Григория от недоедания кружилась голова, Александр Владимирович его просто не замечал, хотя и похудел.

Длинноногая некрасивая Вера, готовившая на всю бригаду, убрала со стола и ушла за перегородку к хозяевам вместе с тремя подругами. Из-за тонких досок до слуха Григория долетали отдельные слова и возбужденный шопот.

— Можно на поезде — слышался грудной голос Веры.

— На Ленинградском шоссе, — зашептал другой голос, которого Григорий не узнал.

Бежать собираются, — понял он и встал из-за стола.

— Я тебя провожу на совещание, — многозначительно сказал Александр Владимирович.

Старик уже давно посматривал на Григория. Видно было, что ему хочется поговорить по душам, а сделать это можно было только на улице. Октябрьская

ночь охватила холодом и темнотой. Благодаря затемнению, деревня казалась вымершей. Грязь на дороге затвердела и идти было неудобно.

За два с лишним месяца совместной жизни Григорий привязался к Розанову. Старик, работая в канцелярии, знал много такого, что ускользало от обыкновенных рабочих и десятников, проводивших все дни около рва, и потому всегда рассказывал Григорию новости.

— Узнал, что у крестьян в лесу землянки понакопаны. Все готово к тому, чтобы уйти из деревни, — зашептал Александр Владимирович.

— Боятся, что красные сожгут-таки деревню при отступлении? — спросил Григорий.

— Толком не пойму, — ответил Розанов, — и так, и не так, повидимому. Ты помнишь партизанскую столовую на станции?

— Помню.

— Очевидно, есть приказ свыше об организации партизанского движения.

— Так ведь крестьяне все против большевиков! — Григорию не было ясно куда клонит приятель.

— Против-то против, но война пошла на затяжку, а это склоняет многих к выжидательной позиции.

— Мне сегодня жена прокурора сказала, что муж ходил на территорию, занятую немцами, — вспомнил Григорий.

— Ну, и что? — насторожился Александр Владимирович.

— По словам Кати, немцы не тронули даже партийцев, — сказал Григорий.

— Я видел тут одного железнодорожника, — заговорил снова старик. — Он из-под Ленинграда пришел прямо через немецкие линии, видел солдат немецких. Говорит, одеты хорошо, но не по-зимнему, граж-

данское население не трогают, сидят себе у костров и пока наступать не собираются.

— Все как-то непонятно, — сказал Григорий. — Я вначале думал, немцы еще за лето возьмут Москву или их отобьют, а теперь ни то, и ни другое. Хотя до морозов еще месяц... Самое главное, не проворонить и в последний момент домой вернуться.

— Говорят, что штатных работников будут перебрасывать куда-то за Октябрьскую железную дорогу, — зашептал снова Александр Владимирович. — Наши работы постараются закончить побыстрее и тогда мобилизованных либо распустят, либо тоже перебросят на новое место.

— Едва ли наши сумеют скоро ров докопать, — покачал головой Григорий. — Начались заморозки, рыть труднее, а рабочие разбегаются. Кстати, что наша Вера с подругами тоже собралась бежать?

— Сухарей засушили и все шепчутся. Только бы их на станции не поймали! Там, говорят, милицию поставили, чтобы задерживать бегущих рабочих, — ответил Розанов.

Толстый партиец из Калинина, Зускин и еще какой-то незнакомый человек с серым лицом, в черном пальто и кепке, сидели за столом. Комната напоминала барак. В середине стояла железная печка, по стенам деревянные скамейки.

Собралось около двадцати человек, все мужчины. Женщин было всего две: табельщица и Катя, жена прокурора. Сам прокурор сидел среди десятников, как всегда скромный и приветливый.

Однако, много нового народа понагнали! — подумал входя Григорий.

Зускин вел собрание уверенно, толково, с увлечением. Началось с речи прораба.

— Товарищи, — начал он нервно. — Наше строительство ненормально затянулось. Основной объект — противотанковый ров — не закончен, а мы роём его уже больше двух месяцев. Спрашивается: почему это происходит? Почему норма выработки в среднем не превышает пятидесяти процентов, почему около сорока процентов рабочих разбежалось? Мы обращались к сознательности, создали красную доску почёта и черную доску для злостно невыполняющих норму выработки. Видимо, этих мер мало. Во время войны наша партия не хочет прибегать к репрессиям, но мириться с настоящим положением нельзя. Нам дан контрольный срок закончить все работы в течение двух недель. Побегать надо прекратить. О всех подобных случаях десятники и бригады должны сообщать немедленно. Контроль на станции будет увеличен. Задержанных при попытке самовольно вернуться домой будут судить. Но одних репрессий мало. Мы должны обсудить вообще все меры, могущие повысить производительность труда и поднять трудовую дисциплину. Я прошу высказаться по этому вопросу всех бригадиров и десятников.

Водворилось молчание. — Любопытно, что главные партийцы отыгрываются на Зускине, — подумал Григорий, — он ведь только комсомолец... а эти мерзавцы норовят остаться в тени.

— Рукавиц нет, товарищ прораб, — нерешительно начал один из бригадиров, — по утрам заморозки, без ломов копать трудно, а голыми руками разве работаешь?

Зускин замял неприятный разговор о рукавицах и не без труда заставил бригадиров начать высказываться о способах улучшения организации работ. Высказывания не привели ни к каким результатам. Уроки с самого начала раздавались индивидуально, занесение на черную доску не помогало. Вопрос явно упирался

в нежелание рабочих работать. — Любопытно, что о срезывании пайка за невыполнение нормы вопрос не поднимается, — отметил Григорий, — власть определенно стала бояться народа, а народ перестает бояться власть.

После двух часов напрасных разговоров, несмотря на всю толковость Зускина, собрание закрылось, оставив только одно впечатление: кого-то из беглецов поймают и устроят показательный суд, укрепленная линия все равно не будет построена к сроку. После собрания Зускин кивнул Григорию, чтобы он остался.

— Мне с вами надо поговорить, — сказал прораб, — пойдемте вместе ужинать в столовую И. Т. Р.

Столовая И. Т. Р. помещалась в бывшей школе, не возобновившей занятий после летнего перерыва. Григорий и раньше знал, что так называемых штатных работников — верхушку технического и политического руководства — кормят отдельно и лучше, чем остальных. Зускин посадил Григория за маленький столик, накрытый скатертью, не очень чистой, но скатертью. Ужин выдавали по специальным талонам и он состоял из хорошего супа с куском мяса, жареной свинины и сладкого пирога с чаем. Григорий не без усилия сдержался, чтобы не наброситься на еду, как голодный зверь. Уже месяц, как он недоедал, месяц, как не хватало хлеба и картошки.

— Я хотел предложить вам штатное место, — дружески заговорил Зускин. — Нас скоро перебросят на новый участок работы, глубже в тыл. Это освободит вас от армии и даст относительно обеспеченное существование. Как старший десятник земельных работ, вы будете получать немногим меньше техника. Со сверхурочными это составит до 500 рублей. Кроме того, военный паек и спецодежда.

Григорий на мгновение задумался. — Конечно, Зускин не знает, что я сидел в концлагере, но сейчас,

в этих условиях, на старую судимость не обратят внимания. Соглашусь — избавлюсь от постоянного страха ареста, не попаду рядовым на фронт, останусь жить. Но зато полный отрыв от Кати, а, в случае взятия немцами Москвы, отступление в тыл вместе с Красной армией. Нет, это не для меня, — решил Григорий почти без колебаний.

Внимательные глаза прораба смотрели на него с удивлением. Видимо, Зускин предполагал, что Григорий ухватится за предложение. Григорий продолжал молчать, ища наиболее подходящий ответ, чтобы не вызвать подозрений Зускина.

— Разрешите мне подумать, — наконец, сказал Григорий. — Дело в том, что у меня уже в течение двух недель нет писем от жены, я боюсь, не заболела ли она.

Ответ был неудачен, хотя писем от Кати, действительно, давно не было и это очень беспокоило Григория.

— Подумайте, — поднял брови Зускин, — только подумайте скорее. Я должен иметь ваш ответ не позднее, чем через неделю. Пока можете обедать в этой столовой: я уже договорился и вам дадут карточку.

— Чего это он меня полюбил? — соображал Григорий, шагая к дому. — Вообще странный человек: с одной стороны, искренний идеалист, с другой стороны, ест минимум в четыре раза лучше мобилизованных девчонок и, кажется, этого не замечает.

Григорий ясно вспомнил комсомольские идеи эпохи гражданской войны. Главным мотивом отрицания старого строя было отсутствие в нем равенства. Через двадцать лет пришли к еще большему неравенству, неравенству рабов, которым хозяин дает лишнее за усердие и квалификацию, но больше всего за преданность. — Нет, не пойду я к ним на теплое местечко! Лучше риск, голод, но внутренняя свобода. Скорее бы попасть

на ту сторону и начать работать! С немцами или помимо них, но против большевиков и за Россию, а не за этот безликий СССР.

Григорию не спалось. Слева от окна дуло, справа мерно дышал Александр Владимирович, дальше, плечом к плечу, до самой входной двери, посапывали на все лады девушки. Все спали, не раздеваясь, на верхней одежде, подложив под голову вещевые мешки. В комнате было душно и, если бы не щель в окне, из которой непрерывно змеилась холодная струйка воздуха, трудно было бы дышать.

Уже три недели нет ни одного письма от Кати. В чем дело? — мучился Григорий. — Кто их знает, может быть, начали чистку в связи с приближением немцев. Леночка тоже ни слова, но она сама не сразу узнает, если с Катей что-нибудь случится. Странно, хотя бы Катины родители написали! Надо так или иначе попасть домой.

Григорий подумал о предложении Зускина. — Все-таки парень не плохой. Надо учитывать, что ему, как еврею, еще труднее сделать ставку на победу немцев, чем, скажем, мне. Хотя трудно поверить, что немцы будут всерьез уничтожать евреев, вон, даже партийцев и тех не трогают... Но предложение Зускина принимать нельзя... Катя... и потом надо во что бы то ни стало попасть в Москву не позже немцев, в крайнем случае вместе с ними.. Наверное они обойдут ее с двух флангов и сначала окружат. Вернее всего, кольцо будет очень широким... Уход за линию Октябрьской железной дороги отбросит в советский тыл. Переживать с большевиками агонию совершенно бессмысленно, судьба России решится на оккупированной территории. Немцы в самом худшем случае не смогут

контролировать всю территорию — у них просто нехватит людей на это. Стало быть, можно будет действовать. Шутка сказать, одних пленных наверное больше миллиона набрали...

В противоположном конце комнаты слышалась возня и тихий шопот. Вера и подруги собирались бежать.

Вечером, придя с совещания, Григорий рассказал девушкам об усилении контроля на станции. Они выслушали молча и никак внешне не реагировали, но о милиции они знали раньше и, повидимому, решили идти на другую станцию. Это значило, что дорога удлинялась верст на пять. — Значит, они будут идти часов пять; важно, чтобы их отсутствие заметили как можно позже. Сейчас, вероятно, часа три, — прикинул Григорий, — к восьми они могут дойти, а их отсутствие на работе обнаружится в восемь. Можно их искать в деревне часов до десяти и только потом сообщить в канцелярию. Пока позвонят на станцию, будет одиннадцать, а то и двенадцать. Кроме того, они могут выйти на шоссе и уехать с попутной машиной. Хорошо им! — с завистью подумал Григорий, — паспорта у них чистые и подозрение в шпионаже и диверсии они не возбуждают... Мне надо быть очень осторожным. Одно то, что мужчина призывного возраста не в армии, уже плохо...

Шум усилился и шопот перешел в разговор вполголоса. Девушки шлепали по полу босыми ногами, собирая вещи. Григорий не шевелился, представляясь спящим. Потом девушки долго шептались в кухне и только через полчаса хлопнула выходная дверь.

Ну и конспираторы! — подумал Григорий с досадой. Александр Владимирович проснулся и закашлялся. — Только бы он не затеял ненужных разговоров! Григорий не доверял табельщице, спавшей за Александром Владимировичем. Она могла утром сообщить

о побеге. Было ясно, что шум, поднятый беглянками, разбудил всех девушек, но все они делали вид, что спят и ничего не заметили. Григорий повернулся на другой бок и заснул с радостным сознанием, что все настроены против власти.

Утро следующего дня было туманное и холодное. Голые ветки деревьев покрылись инеем. Земля в противотанковом рву так замерзла, что поддавалась только лому. Видно было, что сама природа вскоре прекратит потерявшую смысл работу. Даже торфушки и немногочисленные мужчины грелись у костров, не начиная работы. В этих условиях побег новых четырех девушек остался невыявленным до обеда и у них были все возможности уйти или уехать далеко.

После обеда солнце кое-как разогрело землю и работа потянулась, как всегда вяло и с остановками. Григорий, устроившийся было у одного из костров на опушке, поднял голову и вдруг увидел странное зрелище: по дороге, пересекавшей поляну, двигалась лента заключенных, настоящих лагерных уголовников. Григорий их узнал сразу по худобе и полному отсутствию вещей. Одеты они были ужасно: рваные летние штаны, такие же гимнастерки, черные арестантские треухи и только у некоторых на плечах остатки телогреек и бушлатов. Григорий встал и пошел к дороге, туда, где около столба с рельсой застыла испуганная фигура Кати. Все рабочие прекратили работу и смотрели с ужасом на тени людей, проходивших перед их глазами. Подойдя ближе, Григорий разглядел обувь идущих. Она была тоже типично лагерной: совершенно рваные ботинки и лапти. Самым удивительным было то, что уголовники шли без конвоя и не разбежались.

Как бы они не расправились с нашими девчонками, — подумал Григорий, подходя к дороге. Но уголовники, видимо, были так измучены, голодны и до того замерзли, что могли думать о чем угодно, но не о девчонках.

— Куда вы? — спросил Григорий первого попавшегося подростка, выходя на дорогу.

— Покурить есть? — спросил тот вместо ответа, с трудом шевеля синими губами.

Григорий достал махорку и около него сразу образовалась группа. Оказалось, что это действительно уголовники, краткосрочники. Их освободили с тем, что сначала они будут копать окопы у самой передовой, а потом вольются в армию.

— Говорят, на передовой кормят хорошо? — посмотрел один из толпы на Григория.

Взгляд был блуждающий, жадный, как у голодной собаки. Григорию стало не по себе. Он пошарил в кармане и достал корку засохшего хлеба. Несколько цепких рук одновременно потянулись за коркой, одна из них схватила ее и быстро засунула в большой сухой рот. Синие губы зажевали. Раздались ругательства. Девчата стали подходить к толпе и тоже давать кто что мог: куски хлеба, картошку, луковицы, огурцы. Сзади нахлынула новая толпа уголовников, движение вперед остановилось. Девчата испугались и, быстро раздав все свои запасы, стали отходить от дороги. Серая вереница двинулась дальше. «Говорят, около фронта кормят лучше», «говорят, после боев с большими потерями остаются кухни целых погибших рот»... Толпа шла, гонимая стихийной непреодолимой силой, силой голода.

Глава пятая

ПАНИКА

В той комнате, в которой всего несколько дней назад происходило производственное совещание, за столом сидел большой, грузный человек и безостановочно подписывал маленькие квадратные клочки бумаги. Глаза человека плохо видели, что делали руки, а обрюзгшие щеки время от времени вздрагивали, как будто толстяк беззвучно всхлипывал.

Представитель Калининского совета приехал, чтобы «поднажать» на рабочих, но ночью пришла какая-то телеграмма; утром, вместо нажима, представитель собрал бригадиров и пробормотал заплетающимся от волнения языком, что окопы закончит армия.

— Вы... вы же можете ехать домой...

— А справки о том, что отпущены, а не разбежались сами? — спросил Григорий.

— Какие справки! Зачем вам справки? — толстяк схватил портфель и хотел шмыгнуть за дверь.

— Без справок нас могут счесть за дезертиров, — загородил ему дорогу Григорий.

В этот момент комната наполнилась кем-то предупрежденными торфушками; они тоже требовали справок, без которых не могли получить ни денег, ни документов на своих торфоразработках. Через мину-

ту принудительно задержанный представитель снова сидел за столом.

Так как бумаги почти не было, то несколько найденных Григорием листов разрезали на шестнадцать частей каждый. Розанов писал на этих клочках имена рабочих и текст справок, Григорий прикладывал печать, а уполномоченный подписывал.

— Кажется, все? — на Григория поднялись мутные покорные глаза уполномоченного.

— Есть еще не получившие справок? — обернулся Григорий к девочкам.

Не получивших не оказалось. Кругом Григория стоял ряд девушек, ожидавших дальнейших приказаний. — Им сейчас можно крикнуть «бей представителя совета!» и они его изобьют, — подумал Григорий, но в нем самом не было ни капли злобы к раздавленному представителю ненавистного режима.

— Можете идти, — разрешил Григорий.

Толстые руки, продолжая трястись, подхватили портфель и массивная фигура, стараясь стать маленькой и незаметной, боком выскользнула за дверь. Рабочие стали выходить на улицу. В брошенной канцелярии остались Григорий, Розанов и несколько пензенских девчат, не знавших, что делать дальше. Григорий подумал о том, что он тоже не знает, что произошло и что надо теперь делать, и почувствовал усталость и апатию.

— Вы, девчата, идите собирайте вещи, — обернулся Розанов к торфушкам, - - да приготовьте поест, а после обеда в поход!

- - Вы уже нас не бросайте, Александр Владимирович, — затараторили девчата, одновременно поглядывая на Григория, — а то мы не здеение, пензенские мы, и дороги не найдем. Все начальство разбежалось, только на вас надежда...

— Идите, идите, не оставим, — выпроводил их из канцелярии старик.

— А как мы их кормить в дороге будем? — с сомнением спросил Григорий, когда Розанов вернулся, плотно закрыв дверь.

— Прокормиться будет трудно, вы правы, — согласился старик, — но, во-первых, без нас они в самом деле пропадут, а, во-вторых, идти с ними будет безопаснее.

— Это верно, — сразу понял Григорий, — во всяком случае до железной дороги надо идти вместе, а там посмотрим... может быть, и поездов больше не будет. А все-таки хорошо! — посмотрел он на Александра Владимировича, — похоже, что началось...

— Началось! — лицо Розанова осветилось нескрываемой радостью.

Вечером ударил мороз. Закружились первые снежинки. Лес затих. Поверх побуревших от дождей листьев земля покрылась тонкой коркой льда и синеватым снегом. Ветви елей опустились ниже, а ветки осин и берез потеряли гибкость и стали хрупкими.

По замерзшей дороге идти было трудно: ноги разъезжались на лужах и подворачивались на колеях и замерзших комьях грязи.

Рабочие группами по 20-30 человек растянулись вдоль дороги на станцию. Начальство скрылось, захватив подводы и автомобили. На одном автомобиле Григорий мельком увидел бледное лицо Зускина. Глаза их встретились. Прораб не выдержал взгляда Григория и отвернулся. Григорий и Розанов брели во главе 15 торфушек. Девчата шли бодро, Александр Владимирович все отставал. Григорий насильно взял у него часть вещей, но идти быстро старик все равно не мог и другие группы все время их обгоняли. Григо-

рий с опаской посматривал на замерзший лес и темнеющее небо. Надо было во что бы то ни стало дойти до станции вместе с другими и попытаться сесть на поезд. Устроить это для большой группы было легче. Кто станет в военное время считаться с 15-тью пензенскими девушками и двумя подозрительными мужчинами.

Беспокоило Григория и то, что их дважды обогнали небольшие группы уголовников. Куда шли уголовники, Григорий не знал, но видел, что ни нового обмундирования, ни каких-либо мешков с продовольствием у урок не было. — Как бы не начали грабить и безобразничать!

Григорий вспомнил этапы в концлагере и ужас, который они внушали заключенным. — Слава Богу, что теперь можно действовать самостоятельно, — подумал он с облегчением. Потом он стал думать о всей России. На несколько сот километров вглубь страны, начиная от линии фронта, гнали стада, шли беженцы, горели города и деревни, население копало противотанковые рвы и не копало картошку. Из-за зарева фронта вставал призрак голода. Неужели все это горе обрушилось не для того, чтобы окончательно очистить и освободить страну? Не может быть, чтобы немцы, сохранившие всю интеллигенцию, всю историческую традицию культурного народа, не увидели того, что так ясно видел Григорий!

Темнота все сгущалась. Поднялся ветер и мороз усилился. На минуту облака на горизонте раздвинулись и между деревьями злое блеснул отсвет заката. Потом облака поднялись выше и из космато-серых стали белыми и хрупкими, как заиндевелые ветки деревьев. Между ними стали проглядывать звезды, а когда вышли на большую поляну, в направлении железной дороги засияли непривычно ярким светом два громадных мерцающих шара осветительных ракет.

— Бомбят, — прошептал Розанов.

Девчата остановились и стали испуганно жаться одна к другой. Григорию вспомнилось лицо Кати и скорбная морщинка поперек лба, появившаяся после того, как Григория уволили со службы и увеличилась опасность ареста. — Что с ней? Почему она перестала писать? Как бы не застрять здесь среди новгородских лесов и болот! — Пошли скорее, нечего здесь стоять, — вырвалось грубо у Григория. Девчата засеменили, ускорил было шаг Александр Владимирович, но споткнулся и остановился. Григорий взял старика под руку.

— Не падайте духом: как-нибудь доберемся, может быть сумеем сесть на поезд.

— Я ничего, я дойду... не такие трудности перенес. Может быть, все-таки доживем? — Александр Владимирович запнулся.

— Доживем... Сколько стариков в России хотели дожить! Григорий вспомнил свою мать, не дожившую нескольких дней до возвращения сыновей из концлагеря. — Немудреная была женщина, а тоже как, наверное, дожить хотелось!

Александр Владимирович продолжал скользить и спотыкаться. Каждый шаг стоил ему большого напряжения. Григорий сжимал сухой локоть старика и думал: больше не буду его торопить, а то, чего доброго совсем ослабеет. Бог милостив как-нибудь дойдем...

Осветительные ракеты опустились за лес и погасли. Стало совсем темно. Впереди блеснул мятущийся пламень костра. Григорий вспомнил, как десять лет назад шел в эстапе по белому озеру, а уехавшие вперед на возах с сеном уголовники жгли впереди костры и Григорию тогда казалось, что это уже жилье, но костры гасли и жилья не было.

Тени девчат скользили тихие, беззвучные. Лес молчал. Костер не тух, а все приближался. Он горел недалеко от дороги и, подойдя ближе, Григорий уви-

дел черную стену сарая, набитого сеном, костер, гору заготовленных веток и характерные тонкие фигуры уголовников.

— Смотри, — остановился Александр Владимирович, — вот бедняги! В деревню их наверное не пустили, а одеты они в одни лохмотья.

Перед деревней попалась еще поляна с неубранной картошкой. На поляне копошились такие же силуэты, как у костра — уголовники копали на ужин мерзлую картошку.

Темные дома встретили путников запертыми дверями и закрытыми ставнями. Много групп рабочих прошло впереди и, повидимому, все они остановились на ночлег в этой деревне. Григорий стал стучать во все двери и везде получал один и тот же ответ — дом полон, даже на полу нет места.

— Пустой избы нам все равно не найти, — сказал Григорий девочкам, — расходитесь по одиночке, а как рассветет, соберемся у выхода из деревни.

В одной из боковых улочек после долгих переговоров и только благодаря тому, что Григорий сказал, что с ним идет старик, который может умереть на морозе, их, наконец, пустили переночевать. Дом, действительно, был полон, но в кухне оказалось достаточно места, чтобы совершенно свободно вытянуться на полу. Поев хлеба с солью, Григорий заснул не сразу. — Если не будет поезда и придется идти таким образом несколько сот километров, то Александр Владимирович заболеет, — думал он. — Хлеб скоро кончится. Вывод один: надо идти небольшой группой с таким расчетом, чтобы, разойдясь по деревне, не обременять крестьян большим количеством голодных ртов. Стало быть, надо избрать маршрут, которым никто другой не пойдет.

Избирать маршрут Григорию пришлось позднее. На станции скопилось так много рабочих, что на дру-

гой день вечером их посадили в пустой состав, шедший по направлению к Москве. Не доезжая Калинина, на полустанке, рабочих выгрузили и предоставили собственной инициативе. Одни пошли прямо в тыл, другие к Городцу на Волге, в надежде там переправиться. Григорий и Александр Владимирович, избегая встречи с заградительными отрядами, решили пройти как можно ближе к фронту, полагая, что таким образом продвигаться к Москве будет легче. Расчет оказался правильным. Крестьяне в прифронтной полосе открыто ждали немцев. Колхозные работы приостановились. Все сидели по домам, резали оставшийся скот, солили, коптили и прятали мясо. Зерно и картошку, вместо того, чтобы сдавать государственным органам во исполнение приказа Сталина, делили и тоже прятали. К путникам относились сочувственно, кормили, пускали ночевать и даже давали на дорогу еды.

Где проходила линия фронта, никто толком не знал. В одном месте крестьяне даже думали, что соседняя деревня уже занята немцами. У Григория екало сердце, когда он пересекал трехкилометровый лес, разделявший два селения. Но сведения оказались ложными: никаких немцев в следующей деревне не было.

Ближе к Калинин у по ночам запылали отдаленные пожары. В деревнях стали попадаться беженцы из города. Бежали не от наступающего врага, а из боязни голода. Иногда встречались группы красноармейцев. Они ощупью пробирались на восток, разрозненные, потерявшие командиров, таясь от немецких самолетов. Казалось, наступили полный хаос и дезорганизация.

— Скорее, скорее вперед, — торопил девчат Григорий. — Надо успеть войти в московское кольцо, — советовался он потихоньку с Александром Владимировичем.

Больше всего Григория и Розанова волновал вопрос, как они сумеют переправиться через Волгу.

К полудню выглянуло солнце и сразу потеплело. Под ногами зеленели темные подушки мха и потрескивала сухая хвоя. Рыжие ели лениво помахивали тяжелыми ветвями. Григорий поднял голову вверх и ему на мгновение показалось, что белые, как вата, облака стоят на месте, а он и вершины сосен плывут в гулкой пустоте.

— Стой! Кто идет?

Одна из девчонок взвизгнула от неожиданности, все остановились и затаили дыхание. Из-за ельника вышло несколько красноармейцев и лейтенант. Вид у торфушек был настолько бесспорный, что Григорий сразу заметил по лицам красноармейцев, что им не грозит никакой опасности. Худой, очень черный лейтенант подошел ближе и посмотрел на Григория. В карих глазах не было ничего, кроме любопытства.

— Кто вы?

— Рабочие с окопов, домой пробираемся, — вышел вперед Розанов, отвлекая внимание от слишком молодого Григория.

— Немцев не видели?

Лейтенант наклонился, сорвал сиявшую на солнце веточку ежевики и стал есть ягоды. Солдаты стояли, опустив винтовки.

— А разве они близко? — с напускным страхом спросил Александр Владимирович.

Лейтенант посмотрел на старика удивленно, ничего не ответил и, сделав солдатам знак, исчез в ельнике. В этот момент где-то впереди ухнул орудийный выстрел.

— Похоже, что фронт, — забеспокоился Григорий. — Может быть, немцы начали наступление от Калининна?

Выстрел не повторился и лес попрежнему стоял радостный и прекрасный, как будто не было ни войны, ни голода, ни заградительных отрядов.

— Не ждать же тут, пойдете!

Григорий зашагал по просеке. Девчата, напуганные встречей и выстрелом, гурьбой двинулись за ним. Лес кончился. Показалось громадное поле, покрытое кустами и перелесками. Посредине поля вилась река, блестящая из-за кустов ивняка. На противоположной стороне, прямо напротив, в овражке наверное стояла батарея потому, что оттуда почти непрерывно поднимались белые клубы дыма и доносился слабый звук выстрелов. Правее батареи, на самом горизонте, сливаясь с сине-серой каймой леса торчало большое стального цвета здание, за зданием терялась в дымке деревня, а слева, в двух километрах от батареи, почти у самого берега реки, над кустами виднелись зеленые крыши другой деревни. Высоко в небе кружилось несколько желто-черных самолетов, тонких как стрекозы. Время от времени они с пронзительным воем падали вниз и тогда из-под узких крыльев вырывался огонь и доносился сухой треск крупнокалиберных пулеметов. На всем пространстве громадного поля не видно было ни одного живого человека.

— Вот вам и бой увидели! — подошел к Григорию Александр Владимирович.

— А как думаете, далеко мы от Калинина? — спросил Григорий.

— Довольно далеко. Серое здание на горизонте — зернохранилище. От него уже виден город.

Григорий посмотрел на лицо старика; оно было бледно, глаза напряженно смотрели вдаль. Григорий почувствовал, что сердце его начало колотиться. Вот она не отвлеченно теоретическая, а ясная, как день, неопровержимо реальная война. Здесь на этом поле сошлись два мира: один тот, с которым Григорий боролся уже много лет, другой новый, может быть тоже враждебный и чуждый, но в этот момент только таинственный и неведомый.

Григорий почувствовал острое любопытство. Сзади девчата окаменели на опушке, боясь пошевелиться.

— Что же будем делать? — спросил Александр Владимирович, кончив осмотр поля.

— Надо переправиться, — сказал Григорий и сразу беспокойство и нервность овладели им. Волга была последним, но самым трудноодолимым препятствием.

— Может быть, пройти вдоль опушки вниз по реке? — заколебался Александр Владимирович, — здесь мы недалеко от советской передовой.

— А заградительные отряды? — возразил Григорий, при одной мысли о заградительных отрядах, чувствуя приступ тошноты. — Лучше передовая, по крайней мере нет энкаведистов.

Александр Владимирович пошевелил ноздрями, как бы пробуя воздух, свободный воздух фронта.

— Что же, попробуем! — наконец, преодолел колебание старик.

— Пойдем прямо к реке. Тут кстати и тропка есть, — обернулся Григорий к девчатам.

Те не протестовали, но пошли медленно, отставая от Григория и Александра Владимировича. Тропинка шла к реке, между двумя канавами, заросшими ивняком.

— Не обстреляют нас эти? — Александр Владимирович кивнул в сторону кружившихся самолетов.

Григорий чувствовал, что нервное возбуждение от картины боя и беспокойство за возможность переправы возбудили в нем неукротимую жажду движения вперед, напролом, ломая все препятствия. — За жизнь этих девчонок отвечаю сейчас я, — мелькнуло в мозгу. — Ну и что же? Жребий брошен, без риска ни одно дело не делается, — ответила воля.

— Вы вот что, — обернулся Григорий к девушкам, — если аэропланы приблизятся, не скрывайтесь. На поле от них все равно не спрячешься, наоборот,

подумают, что это войска и еще хуже расстреляют. У кого есть белые платки, наденьте, чтобы видно было, что идут женщины.

Девчата опять промолчали, но послушно остановились и достали из котомок белые платки.

— Вы с ними как главнокомандующий! — усмехнулся Розанов, но сейчас же стал серьезным.

Один из аэропланов описал широкий круг и пролетел прямо над головами путников.

— Видите, не обстрелял и бояться нечего! — обрадовался Григорий.

Подойшли к реке. На самом берегу торчала будка. Под берегом стояли две черные, густо просмоленные лодки.

— Переправа! — вырвалось у Григория.

Около двери будки на скамейке сидел красноармеец. Пилотка у него была сдвинута на лоб и напялена на голову, как ночной колпак, между коленами зажата винтовка, а две руки опирались на ствол, как руки истомленного дорогой странника упираются на посох, когда он садится отдыхать в тень. Давно небритая сивая щетина покрывала старое веснучатое лицо воина.

— Здравствуй, папаша! Перевоз работает? — осторожно начал Григорий, подходя к красноармейцу.

Воин поднял на Григория осоловелые, полные горького презрения к жизни, глаза.

— Мы рабочие с окопов, нам надо непременно переправиться на ту сторону.

— А мне што! Переправляйся, — великодушно разрешил, не переменяя позы, воин.

— Значит можно! А где же весла? — обрадовался Григорий.

— Весла в будке, — мотнул головой на дверь дед-красноармеец.

Григорий направился к дощатой двери, но как только сделал первый шаг на крыльцо — она с шумом отворилась и на пороге показался мордастый взъерошенный сержант.

— Ты что же, — заорал сержант истерически на часового, — пускаешь посторонних в караульное помещение!

Григорий от неожиданности отступил назад.

— Тут женщины... их надо на ту сторону переправить. Мы идем с окопов домой, — пришел Григорию на помощь Александр Владимирович.

— Женщины! Вы у переднего края обороны... какая вам тут переправа!

Дверь закрылась столь же неожиданно, как и открылась.

— Караульное помещение! — проворчал часовой, с презрением отставляя винтовку.

В этот момент с другой стороны реки отчалила лодка. Двое солдат отчаянно гребли, оглядываясь на кружившиеся аэропланы.

— За рыбой ездили, — пояснил часовой, успокаиваясь после столкновения с сержантом. — Как снаряд в реку попадет, так, значит, рыба и глохнет. Ее больше к тому берегу прибывает.

— А что, немцы все наступают? — спросил Григорий.

— А как же! — выражение презрения снова появилось на лице часового. — Как не наступить? у них авиация, танки, автоматы, а у нас... — дед слегка потряс винтовкой, — трехлинейка образца 1891 года.

— Значит переехать никак нельзя? — снова спросил Григорий. Он все еще не мог отказаться от такого легкого осуществления поставленной задачи.

— С нашим сержантом не сговоришься, — сочувственно покачал головой часовой. — Порченный он, псих... Вы лучше топайте вниз по реке. Наши, правда,

все лодки поперепортили, чтобы народ ночью по реке к немцам не перебегал, но, может, которая и осталась.

Делать было нечего. Григорий вздохнул и пошел к толпившимся шагах в пятидесяти от будки торфушкам. Сзади раздался топот и тяжелое дыхание — двое солдат, только что переезжавших реку, пробежали мимо и скрылись в кустах. В руках у них были котелки с рыбой.

Воют! — подумал Григорий раздраженно. — Лодки все попортили, как теперь попадешь на ту сторону?

Берег реки был пустой и неприветливый. Погода испортилась. Набежали облака, стал накрапывать дождь. Кое-где на песчаных отмелях валялись осколки снарядов и видны были небольшие воронки. Вдруг, недалеко от берега, Григорий увидел нос затопленной лодки. Пришлось разуваться, засучивать штаны и лезть в ледяную воду. Александр Владимирович хотел было помочь, но Григорий запретил старику это делать. Лодка казалась неимоверно тяжелой. Только когда несколько девчонок последовали примеру Григория и разувшись влезли по колено в реку, она сдвинулась с места и медленно вползла на мель настолько, что черные края бортов показались из воды. Григорий ощущал дно лодки голыми ногами и не нашел дыры. В ход пошли котелки и кастрюльки. Вода убывала подозрительно медленно, ноги окоченели. После получаса работы, когда на дне оставалось воды до половины бортов, удалось новым усилием поставить лодку на бок и вытащить совсем на берег. Под кормой зияло несколько дыр, проколотых чем-то острым, повидимому штыками. Киль в нескольких местах был сломан, по всей лодке шли мелкие трещины. Григорий сел на борт и начал обуваться. По телу пробежал подозрительный озноб. — Еще нехватало удовольствия схватить про-

студу! Вместе с тем упорство не покидало Григория ни на минуту.

— Пошли искать дальше! — скомандовал он, вставая.

Все молча последовали за ним.

Опять впереди был холодный пустой берег. Река стала свинцовой. — Сейчас часа три, — соображал Григорий, — непременно надо переправиться до вечера. Только бы не налететь на какую-нибудь тыловую часть типа заградительного отряда, наверное уже большевики завели их. Да, и крестьяне говорили, что рабочих, возвращающихся с окопов, часто задерживают и посылают в другие места на подобные же работы. В скольких километрах от передовой могут быть заградительные отряды?

Попалась еще одна лодка. Она лежала на берегу сухая, обветренная, как труп неведомого животного. Часть обшивки сгнила и из-под нее торчали шпангоуты, как громадные ребра. Григорий подошел к труп лодки и ткнул в него ногой — посыпались мелкие куски дерева. Надо было идти дальше.

— Может быть, рискнуть и идти к ближайшей переправе? — осторожно начал Александр Владимирович.

— И налететь на войска НКВД! — огрызнулся Григорий.

Шум авиационных моторов заглушил его слова. Три самолета летели вдоль реки. Шум нарастал глухой и трудный. На узких крыльях отчетливо виднелись черные кресты.

— Не прятаться! — скомандовал Григорий и почувствовал, как сердце его часто забилося.

Два самолета продолжали лететь на той же высоте, третий снизился. Через секунду все три машины с во ем пронеслись мимо. Снизившийся самолет пролетел так низко, что отчетливо видна была голова летчи-

ка. Был момент, когда Григорий едва не бросился на землю, почти услышав звук крупнокалиберного пулемета, но выстрелов не было. Аэропланы скрылись за поворотом реки.

Григорий обернулся на Александра Владимировича и девушек и сразу понял, что теперь они окончательно ему верят и сделают все, что он только от них потребует.

Признак хороший! — ободрился сам Григорий. — Немцы определенно не трогают гражданское население. Сейчас я могу сказать, что видел это сам.

Поворот реки вызывал в Григории сомнение. Что там? Может быть какие-нибудь посты, которые сразу остановят? Отмель сузилась настолько, что надо было идти под самым берегом. Ивняк теперь склонялся прямо у головы Григория, вода бежала почти у ног. — Это хорошо, — думал он, — когда повернем, то можно будет осмотреться, пряться за кустами.

И вдруг Григорий увидел в воде нос лодки — узкий, серый, похожий на подводный камень. Это была самая маленькая рыбацья лодчонка. Можно будет вытащить сразу, но наверное она тоже пробита!

Опять ноги Григория чувствовали ледяной холод. Лодка оказалась много тяжелее, чем можно было предполагать, но так как место было более глубокое, то ему удалось подтянуть ее почти к самому берегу. Несколько рук протянулось, чтобы помочь ему.

— Тяните наискось, — сказал Григорий.

Вода с шумом начала выливаться через борт. Середина лодки была отделена от носа сплошной перегородкой. — Наверное пробита опять в корме?

В следующее мгновение корма показалась над водой и узкий длинный корпус лег на песок, упираясь носом в обрыв. Когда лодку перевернули на бок, обнаружился совершенно крепкий киль и две ровные, аккуратно вырезанные щели в самой середине. Это

был ящик для живой рыбы. Лодка была рассчитана всего на двух рыбаков. Одно место на корме и одно на носу, а в середине изолированный ящик с водой. Когда лодку опять спустили, она не потонула и Григорий, держа ее за цепь, несколько раз провел вдоль берега. Лодчѐнка определенно плавала. Оставалось только найти доску вместо весла и начинать переправу.

— Кто умеет грести? — обратился Григорий к торфушкам.

Те молчали. Было ясно, что перевозить всех должен был сам Григорий.

Волга под Калининым не была широка, но, тем не менее, без настоящих весел, гребя доской, надо было потратить не менее 15-ти минут, чтобы переехать реку, а взять с собой можно было не больше двух человек. Это значило, что Григорий должен переправиться не менее семи раз и потратить на переправу около 4-х часов.

Страшнее всего была первая поездка. Для пробы Григорий взял одного Александра Владимировича и вещи его и свои. Девчата остались ждать, жалкие и растерянные: они боялись, что Григорий не вернется.

Выехав на середину реки, Григорий оглянулся. Наверху, километрах в двух, виднелась будка переправы. — Могут заметить и отнять лодку, — подумал Григорий. Внизу река делала еще один поворот и это успокоило Григория — там не было видно ничего подозрительного.

— Ну, Александр Владимирович, кажется реку преодолеем, — сказал Григорий, усиленно работая веслом.

Старик сидел осунувшийся и взъерошенный. Григорий подумал, что он очень постарел за неделю пути. Как бы не умер!

Дождь все моросил и Григорий понял, что нервное напряжение и усиленная работа только и спасают его

от пронзительного холода, а все остальные мерзнут. Потом снова вспомнилась Катя и стало невыносимо страшно ехать обратно за пензенскими девушками. — Им ведь ничего не будет, если их задержат... в конце концов их торфоразработки наверное давно прекратили работу, ни денег, ни документов они все равно не получают. Для них самое лучшее идти вдоль Волги и самим проситься на новую работу, на очередной укрепленной полосе. Но ведь я обещал им помощь, они мне верили и стали сомневаться только теперь!

Григорий высадил Александра Владимировича и сразу повернул обратно, стараясь не думать ни о Кате ни о риске ареста за устройство переправы на линии фронта, ни о том, что старик, к которому он привязался за время работы и особенно в дороге, может заболеть и умереть, не добравшись до дому.

Две худенькие дрожащие фигурки с котомочками легко уместились на носу лодки. У девушек были осунувшиеся тонкие лица.

Были бы хорошенькие, если бы одеть их получше, — думал Григорий, стараясь разогнать неповоротливую лодку. — Наверное и неглупые и хорошие. Жаль, что привыкли на окопах к матерной ругани.

Переехав три раза, Григорий совсем успокоился, согрелся и, действительно, не думал ни о чем, кроме того, что надо грести как можно сильнее и одновременно вести лодку по прямой линии.

Когда, возвращаясь в четвертый раз, Григорий выехал на середину реки, на берегу, где жались десять оставшихся девушек, появился красноармеец с автоматом в руке. Сердце Григория сжалось, прежде чем он смог оценить создавшееся положение, рука перестала грести и лодка остановилась. Коренастый, заросший черной щетиной, красноармеец стоял на берегу и махал автоматом. Возьмет и прострелит лодку, а я, как

дурак, останусь на берегу... или арестует за устройство незаконной переправы.

Солдат делал все более настойчиво-угрожающие движения. Замерзшие, подавленные всем происходящим девушки сиротливо маячили на фоне желто-черного берега. Григорий выправил лодку и поплыл к берегу. Господи, помоги чтобы все хорошо кончилось!

Солдат опустил автомат и ждал, когда Григорий подъедет. Нос лодки зашуршал о песок и Григорий слегка затормозил доской.

— Мне на ту сторону, — деловито сказал стрелок, хватаясь за нос и одновременно отталкивая лодку.

Сзади Григория усилился шум моторов немецких самолетов.

— Полотенце есть? — спросил Григорий автоматчика.

Безразличные, пустые глаза посмотрели на него.

— Надо завязать голову, чтобы немцы подумали, что на лодке едет женщина, а то могут обстрелять.

Безразличные глаза стали злыми — солдат заподозрил Григория в насмешке. Поворачивая лодку, Григорий заметил, что два аэроплана снова летят вдоль реки. Солдат тоже покосился на них и старательно спрятал автомат под шинель. — Недоставало еще, чтобы меня убили из-за этого дурака, — думал Григорий, нажимая на доску. — И зачем я за все это взялся? Надо было сказать девчатам, чтобы шли одни вдоль берега.

Аэропланы с воем пронеслись над лодкой. Григорий нарочно не смотрел на них. Прятаться, кроме как в ледяную воду реки, было некуда. Красноармеец весь съежился и снял шапку. Лицо его обтянутое кожей в мелких трещинках заметно побледнело. Вой моторов стал затихать и где-то далеко защелкал пулемет. — Нашли цель интереснее нас, — с облегчением вздохнул Григорий.

Последний рейс Григорий сделал уже в сумерках. Руки болели от непривычной работы, голова кружилась, но сознание сделанного дела приятно успокаивало. Выйдя на берег, Григорий был встречен Александром Владимировичем и девушками, как герой и спаситель. Многочасовое стояние на ветру и дожде утомило их больше, чем работа утомила Григория. Но радость радостью, а ночевать около реки было невозможно. Решили идти в деревню, крыши которой видели еще днем, стоя у перевоза.

— Ну, девушки, теперь вы идите вперед да кричите погромче, — распорядился Григорий, — а то как бы часовые не приняли нас за немцев.

Григорий был уверен, что в деревне стоит какая-нибудь фронтовая часть. Опять дорожка вилась между кустов и опять впереди была неизвестность. Как примут фронтовики? Вскоре показались сарай, стог сена, силуэты первых домов. Полная тишина и темнота, никакого признака жизни. Подошли ближе. Некоторые окна были выбиты и открыты, некоторые закрыты ставнями. На широкой, заросшей травой улице остановились. Все невольно притихли. Где-то в середине деревни блеснул слабый огонек. Испуганные девушки стали отставать, когда Григорий и Александр Владимирович пошли на него. Передняя половина большой избы была полуразрушена, в задней половине из-за закрытых ставен пробивался свет и слышались мужские голоса.

— Есть живая душа? — громко спросил Александр Владимирович, подходя к крыльцу.

— Заходите, заходите! — раздался из-за двери ласковый, очень спокойный голос и дверь отворилась.

Посреди комнаты стояла раскаленная железная печь, на печи бурлили два ведра и от них шел ароматный запах мясного бульона. Вдоль стен комнаты лежала солома, в углу стоял стол и табуретка. Пожилой ка-

питан с умным лицом и усталыми глазами сидел на табуретке.

Дверь открыл краснощекий солдат. Широкое лицо солдата расплылось в улыбку при виде 15-ти пензенских девчат.

— Заходите, заходите, — повторил капитан вставая.

Григорий снял с плеч мокрый мешок и подошел к печке.

— Мы с рытья окопов пробираемся к Москве, — осторожно начал Александр Владимирович.

— Замерзли? Есть хотите?

Капитан дружески пожал руку всем по очереди, начиная с Александра Владимировича.

— Можете у нас переночевать, здесь тепло. Конечно, если не боитесь немцев: мы в двух километрах от передовой.

Девчата, гурьбой вошедшие в комнату, стали рассаживаться на солому, постланную вдоль стен. Из соседней комнаты вышли еще два солдата. Григорий обратил внимание на то, что у обоих солдат были хорошие лица, такие же спокойные и приветливые, как у капитана. Видно было, что фронтовики сочувствуют грязным и оборванным девчатам, усталому старику и ему, Григорию.

— Иванов, как там дело с мясом, скоро сварится? — спросил капитан.

Парень, открывший дверь вошедшим, ткнул ножом в мясо, подмигнул девчатам и весело ответил:

— Скоро, товарищ капитан!

— Мы сейчас вас накормим супом, — пояснил капитан. — Мясо пойдет на передовую, а бульона у нас хватит на всех.

Чувство умиротворения и благодарности теплой волной наполнило Григория. После стольких дней на-

пряжения и волнений можно было поесть по-настоящему и остаться спать в тепле.

Миска дымилась, мелкие кружки навара плавали на густой мутной поверхности бульона. Григорий чувствовал, что с каждой ложкой живительной жидкости силы его восстанавливаются. Глаза капитана грустно смотрели на него с противоположного конца стола. Александр Владимирович наелся раньше Григория и спросил:

— Остановлено ли немецкое наступление?

— Не остановлено, а остановились сами, — капитан посмотрел на старика с нескрываемой иронией. — Немцы наступают, когда хотят и останавливаются, когда хотят, — пояснил капитан, — инициатива у них. Война нами проиграна.

Капитан говорил громко, полным голосом, не стесняясь ни своих солдат, ни Розанова, ни Григория, ни девушек.

Григорий кончил есть и почувствовал, что веки его неудержимо закрываются, по всему телу разливается истома и он не в состоянии слушать то, о чем говорят капитан и Александр Владимирович.

— Большое вам спасибо за еду, — невнятно пролепетал Григорий и повалился на солому.

— Как хорошо... а армия тоже против Сталина...

Тепло на мягких расслабляющих волнах уносило Григория в радостное небытие.

Глава шестая

НЕМЦЫ ПОД МОСКВОЙ

Вдоль шоссе Москва-Ленинград были разбросаны сожженные автомобили, передки от орудий, колеса и масса других исковерканных предметов, свидетельствующих о близости фронта. На шоссе странная пустота, как будто бы, кроме горсточки красноармейцев на передовой, немцев удерживало только непонятное нежелание брать столицу.

Высокие деревья по бокам дороги хмуро молчали, молчало прямое, как стрела, шоссе, молчало серое небо, молчали обломки автомобилей и повозок. И во всем этом молчании было что-то обреченное и зловещее. Казалось, что тыл уже умер в то время, когда фронт еще агонизировал.

Зеленая трехтонка неслась быстро. Григорий вспомнил, как простился утром с девушками. Они повернули в другую сторону, на свои торфоразработки. Григорий пошел дальше вдвоем с Александром Владимировичем. Пройдя километров пять, они встретили двух железнодорожников с котомками за плечами. Один железнодорожник был высокий, рябой, с очень светлыми выпученными глазами, другой маленький, бойкий, с сухой крысиной мордочкой. Увидев Григория и Александра Владимировича, железнодорожники радостно замахали руками, а когда подошли ближе,

сразу же начали расспрашивать, далеко ли немцы и можно ли пройти мимо Калинина.

— А что делается в Москве? — спросил Григорий.

— В Москве? В Москве, брат, — захлебываясь заговорил маленький железнодорожник, — никакой власти нет! Солдаты разошлись по городу и вместе с народом магазины растаскивают... на восточных и северных заставах рабочие патрули выставили. Останавливают машины, которые из города драпают: партийцев и завоёв разных за шиворот, а продовольствие делят... потому, вся московская Головка тикает, а транспорт и продукты с собой забрать норовят...

Высокий железнодорожник стоял с выпученными бесцветными глазами и при каждой новой сенсации, сообщенной товарищем, одобрительно кивал русой головой.

— А дачные поезда ходят? — спросил Григорий.

— До Клина, — заспешил маленький железнодорожник. — Билетов никто не покупает... а милиция вся за народ!

— Агония, — обрадовался Григорий, — во-время я вернулся! Только бы не потерять в этой суматохе Катю.

Железнодорожники, получив от Григория инструкции о способе переправы через Волгу, ушли. Александр Владимирович стал вдруг грустным.

— Что с вами? — удивился Григорий.

Старик вздохнул и ничего не ответил.

— Ничего не сделаешь, — сухо сказал Григорий, — надо перейти и через этот позор.

Около часа Григорий и Розанов шли молча. В это время их нагнал автомобиль. Они остановились и подняли руки. В автомобиле ехали два красноармейца, усталые и отсутствующие. Они молча взяли путников,

не спрашивая, кто они и куда идут. С тех пор автомобиль мчался, не останавливаясь.

Григорий взял рукой за крышу кабины и встал... Впереди шоссе и лес и больше ничего. Ветер резко бил в лицо и чуть не сорвал кепку. — Еще одна ночевка и дома... странно, что на дороге нет постов!

Григорий сел на прежнее место. Александр Владимирович сидел бледный, с закрытыми глазами — его укачало. — Хороший старик, — подумал Григорий, — уж, кажется, враг большевиков, а обидно ему, что немцы Москву возьмут... Почему я от этого не страдаю? Что я умнее, тверже или циничнее? Или слишком привык к мысли о неизбежности повторения похабного Брестского мира?

Неприятное, горькое чувство поднялось в душе Григория. — Этак, пожалуй, далеко зайдешь... большевики объявляют войну отечественной, а мы рассуждаем как интернационалисты...

Григорий стал думать, как всегда в такие моменты, о князьях-собирателях Руси, вынужденных ездить на поклон в орду, и это его успокоило.

Автомобиль резко замедлил ход. Застава из трех красноармейцев в полной форме с винтовками стояла на дороге. Григорий полез за справкой. — Документ не особенно солидный, но время военное... однако, сердце сжалось...

— Далеко немцы? — спросил патрульный у шофера.

— Остановились под Калининым...

— Под Калининым?

В тоне, каким был задан вопрос, было жадное любопытство и ожидание конца.

Автомобиль тронулся. Застава не стала проверять документы у Григория и Александра Владимировича. Это было так непривычно, так не по-советски, красноречивее всех рассказов железнодорожников оно гово-

рило о конце. Автомобиль свернул влево на боковую дорогу. — Еще десять верст они нас подвезут, а там один переход до дома... Григорий закрыл глаза. Что-то ждет его дома? Сердце болело. Почему Катя так долго не писала?

Калитка открывалась туго. Никто не выглянул в окно, когда Григорий рванул ее так, что забор зашатался, а потом сильно за собой прихлопнул. Сзади оставалась пустая враждебная улица — такая же непривычная и странная, как Ленинградское шоссе. Мелкие камешки хрустели под ногами. Занавеска на окне была задернута.

— Катя!

Никто не отозвался. Григорий подошел к окну и застучал по стеклу. Никакого ответа, ни шороха... Там, в темной глубине комнаты тоже была зловещая тишина.

Было семь часов утра. Григорий шел всю ночь, оставив Александра Владимировича ночевать в деревне за двадцать верст от поселка. — Может быть Катя мобилизована? — старался себя успокоить Григорий. В конце концов это вполне естественно. Естественно, повторил Григорий и поднялся на крыльцо. Дверь слегка вздрагивала, хотя Григорию почему-то было страшно стучать сильно. В половине хозяйки зашаркали туфли. Это не были шаги Кати.

В широком умном лице хозяйки Григорий прочел страх и неуверенность. В первый момент она даже отшатнулась, как будто Григорий появился с того света.

— Где Катя?

— Ее нет, — маленькие, обычно жесткие глаза хозяйки смотрели необычно жалостливо.

— Мобилизована?

— Нет.

— Как нет? — Григорий шагнул в сени.

— Всех бывших заключенных вызвали в милицию, — ответила хозяйка, съежившись и отступая.

Мурашки забегали по спине Григория.

— Нет, они еще не раздавлены, они... И что же? — Григорий подошел вплотную к старухе.

— Екатерина Ивановна пошла в милицию и не вернулась, больше я ничего... — морщины кругом глаз старухи стали глубже, рот искривился.

— Да... протянул Григорий. «Да, — подсказал внутри какой-то голос — борьба не кончена, она только начинается». И в то время, когда в голове и сердце вертелся безобразный вихрь, Григорий сказал совсем спокойным, ровным голосом:

— Пойдемте в дом, Марья Игнатьевна, вы мне расскажите все по порядку.

Конечно, хозяйка знала больше, чем хотела рассказать в начале. Страх перед НКВД мешался со страхом перед немцами. Григорий, в случае крушения советской власти, мог стать большим человеком. Глаза женщины напряженно бегали, в голосе были нотки заискивания. Все это Григорий понимал не совсем ясно, сознание работало не вполне четко — Григорий не ожидал ареста жены.

Рассказ хозяйки не был длинен: при взятии немцами Калинина произошла паника. Председатель совета, секретарь партийной организации, начальник милиции и другое начальство бежали, захватив два грузовых автомобиля и продукты кооператива. Несколько дней не было никакой власти, но немцы не пришли и часть начальства вернулась. Вернулся начальник милиции, а с ними уполномоченный НКВД. Всех, кто имел судимость и оставался еще на месте, вызвали, отобрали паспорта, а через три дня вернули их со штампа-

ми — «В 64 часа покинуть области, объявленные на военном положении».

— Как же это они... ведь поезда ходят только для эвакуированных и военных! — вырвалось у Григория.

Хозяйка всхлипнула и утерла концом платка глаза.

— Какие теперь поезда! Мобилизованные и то пешком идут...

— Так и Катя пешком?

— Нет. Когда начали вызывать, Катерина Ивановна сразу не пошла, а как узнала, в чем дело, так решила вообще не ходить — все вас дожидалась...

— Ну и что?

— Взяли ее днем, когда за хлебом пошла. Прямо в милицию отвели, а дальше не знаю... не видала ее больше.

Рука Григория сжалась в кулак. Вот она последняя расправа! Троцкий в свое время сказал: «уходя мы хлопнем дверью».

— А как старики ее? — спросил Григорий, снова справившись с приступом тоски.

— Пешком ушли, сами не знали куда... так с котомками и ушли.

Григорий отворил дверь милиции. Зачем он шел? Получить справку о Кате? Григорий слишком хорошо знал, что таким образом нельзя ничего добиться, но какой-то ничтожный шанс оставался и Григорий не мог им не воспользоваться. Ясно, что этим он ставил под удар себя, но стоило ли об этом думать в такой момент! Милиционер с безразличным лицом проводил Григория в кабинет начальника милиции.

— Моя жена, повидимому, арестована и выслана вместе с бывшими заключенными, — сказал Григорий, — но она сама никогда не была судима.

Лицо у начальника не было таким безразличным, как у рядового милиционера. Он посмотрел на Григо-

рия сухим, надменным взглядом и Григорий сразу понял, что это не милиционер, а настоящий кадровый чекист.

— Ваша фамилия?

— Сапожников. Моя жена Екатерина.

Чекист достал из стола какой-то список и быстро пробежал его глазами.

— Ваш паспорт?

Григорий молча достал серую книжечку и положил на стол.

— Я хочу знать, за что арестована моя жена.

Григорию было ясно, что никакого ответа он не добьется, а получит обратно свой паспорт со штампом «В 64 часа покинуть области, объявленные на военном положении», или же будет сразу арестован.

— Подождите в приемной, — довольно вежливо сказал начальник милиции, перестав обращать на Григория какое-либо внимание.

Григорий вышел и сел на деревянную скамейку. Дежурный милиционер что-то писал и тоже не обращал на Григория внимания.

Надо выворачиваться. — Убедившись, что о Кате узнать не удастся, Григорий стал думать только о борьбе. — Попал как кур во щи, — думал он напряженно, — ждать до полного краха совсем недолго. Во что бы то ни стало надо что-то выдумать... даже если не арестуют сейчас, с такой пометкой в паспорте схватят где-нибудь на дороге... Непременно надо что-то выдумать... сдаваться в такой момент нельзя.

— Сапожников!

Григорий так задумался, что не заметил как дежурный милиционер уходил в кабинет начальника милиции.

— Получите ваш паспорт.

«В 64 часа обязан покинуть области, объявленные на военном положении» и круглая печать.

— Какие области еще не объявлены на военном положении? — спросил Григорий.

Дежурный милиционер смутился.

— Я не знаю... кажется Средняя Азия.

Григорий положил паспорт в карман и вышел.

Что же делать? Странно, — подумал Григорий, — если бы перед войной и даже перед арестом Кати я получил такую отметку в паспорте, наверное почувствовал бы себя несчастным, а сейчас мне это почти безразлично. После минуты раздумья Григорий пошел в военный комиссариат. В комиссариате сразу почувствовалось веяние фронтовых настроений. Повидимому, до паники успели мобилизовать далеко не всех и теперь, после перерыва, накопилось много работы. В больших прокуренных комнатах толпились мужчины самого различного возраста. За столами сидели только что мобилизованные писаря, им было наплевать на все правила и вообще на все на свете. Григорий подошел к одному из столов. Мордастый парень в треухе добродушно посмотрел на него.

— Только что прибыл с оборонных работ, хочу призываться, — сказал Григорий.

— Повестка есть? — спросил парень.

— Я же говорю, что только что прибыл, — сказал Григорий.

— Чего же это ты без повестки, в добровольцы что ли? — искренне изумился парень.

— Ну хоть и в добровольцы, — ухватился сразу за эту идею Григорий.

— Давай тогда военный билет.

Григорий достал временную справку, в которой было написано, что он аттестован комиссией как военный инженер, но военный билет будет выдан после утверждения решения комиссии.

— Комсостав... это надо поговорить с начальником первой части, — решил парень, прочитав справку.

— Я согласен идти рядовым, сказал Григорий. — Все равно начальник первой части ничего не решит без утверждения... я уже с ним говорил... из-за этого я и попал на окопы. Направь меня в часть, там разберутся.

Аргументация была не очень сильной, но парню это было безразлично.

— Ладно, — согласился он, — я тебе солдатский билет выпишу, только лучше, если бы подождал: начальник первой части ушел на обед, он скоро вернется.

И спросит у меня паспорт, — подумал Григорий и спокойно ответил:

— Пиши, чего еще дожидаться? Солдатом или офицером, все равно убить могут.

Демократизм Григория понравился парню, он положил временное удостоверение перед собой, достал из стола новый военный билет и стал его заполнять.

Григорий почувствовал тот же азарт и то же волнение, как шесть лет назад в Туле, когда после освобождения из концлагеря сумел получить паспорт без специальных отметок.

Парень кончил заполнять военный билет и передал его Григорию.

— Теперь мы вас направим в Калязин, — перешел он почему-то на «вы», — направление я выпишу, но литер мы не даем — железные дороги теперь бомбят.

Он должен был отобрать у меня паспорт при выдаче документа о направлении в часть, — соображал Григорий. — Как только я становлюсь красноармейцем, паспорт мне не нужен. Надо суметь попасть в Москву и передать Леночке, чтобы она искала Катю. Слушай, — обратился он к парню, — выпиши мне все-таки литер и укажи, что через Москву. У меня там сестра живет, мне надо оставить у нее вещи, да за одно и проститься.

— Как же это через Москву? — разинул рот парень, — это же ведь не по дороге!

— Я дойду до Клина, сяду там на поезд и въеду в Москву со стороны Ленинграда. Проверяют документы военные посты, такие же мобилизованные, как и мы с тобой. Станут они разбираться, где я мобилизован, что ли!

Наглость просьбы обескуражила парня, но ему понравилась смелость Григория.

— Интересно, — сказал он, — у меня тоже сестра в Москве; может когда меня в часть направят тоже такую же штуку выкину... я тебе документ дам — все равно война. Только смотри не попадись, а проедешь благополучно, сообщи письмом. Я тебе адрес напишу.

Выйдя из военкомата, Григорий почувствовал не радость, а новый приступ тоски — сам вывернулся, а что с Катей? Но сейчас же вспомнил, что в Москву пробраться совсем не так легко и это отвлекло его и вызвало новый прилив энергии.

Часть вещей Григорий просто отдал хозяйке, о части предупредил, что, может быть, после войны придет за ними. С собой он взял только ручной чемодан с самым необходимым, меньше, чем на рытье окопов.

— Куда же вы теперь? — спросила хозяйка, которой Григорий рассказал, что произошло в милиции и военном комиссариате, для того, чтобы в случае возвращения Кати она могла передать ей об этом.

— В Москву, — горько усмехнулся Григорий, — а потом на фронт защищать родину! Пойду сейчас же, чтобы милиция, чего доброго, не пронюхала о моем вступлении в армию.

— Дай вам Бог всего хорошего. Может быть, и встретитесь после войны с Катей-то... все мы не знаем, что с нами завтра будет.

Хозяйка заплакала. Григорий хотел сказать или сделать что-нибудь такое, что выразило бы его благо-

дарность и сочувствие, но к горлу подкатились рыдания и, чтобы скрыть их, он повернулся и быстро вышел.

А как же Александр Владимирович? — вспомнил Григорий очутившись на улице, — надо зайти. Старика дома не оказалось, он еще не вернулся. — Еще одна потеря человека, ставшего другом. Жестокое и беспощадное время, — думал Григорий выходя за околицу.

Пошел снег и скоро поселок скрылся за белой пеленой. Мороз крепчал. Хорошо, когда в кармане не паспорт со специальным штемпелем, а настоящие военные документы! Дойду до деревни, где остался Александр Владимирович. Надо предупредить старика об опасности и проститься. Григорий зашагал по дороге.

Хозяйка дома, где остался ночевать Розанов, сказала, что Александр Владимирович ушел рано утром.

— Как же я не встретил его на дороге? — с досадой подумал Григорий. — Идти назад нельзя: с просроченным литером могут задержать в Москве. Постояв в раздумьи у околицы, Григорий решил идти дальше: увидеть Леночку и попросить ее найти Катю сейчас было важнее всего. Так и так хозяйка предупредит Александра Владимировича об опасности, а забрать его с собой в армию я все равно не могу.

Темнело. Григорий шагал, стараясь не думать ни о Кате, ни о Розанове.

Опять грузовик летел по Ленинградскому шоссе и красноармейцы на заставах не столько проверяли документы, сколько расспрашивали, далеко ли немцы. Но патрули стояли уже регулярно, через каждые 20-30 километров. Солдаты были одеты в новые валенки и зимние шапки-ушанки, а в руках у многих были новые автоматы. Мороз забирал все крепче. Григорий пря-

тался за кузов автомобиля, хлопал рукой об руку и все-таки не мог согреться. Обыкновенно, около 7-го ноября становились реки и начинались первые морозы, но в этом году они были необычно сильными.

Проехали Клин. Григорий хотел в Солнечногорске пересестъ на поезд. Из-за белых деревьев вспыхивали зарницы артиллерийских залпов. Канонады не было слышно, но отблеск выстрелов был так силен, что при его свете можно было бы читать книгу.

Впереди замелькали тени. С двух сторон шоссе двигались люди и лошади. Лошади скользили по обледенелой дороге и поэтому кавалеристы спешили и вели их в поводу. Их было много и казалось, что в глубине леса движется еще больше лошадей и всадников. Контрнаступление, — мелькнуло в уме Григория, — неужели у Сталина есть еще силы, чтобы остановить немцев?

Тени скрылись так же неожиданно, как и появились; автомобиль прибавил ходу, а зарницы вспыхивали чаще и чаще.

Григорий вошел в неосвещенный вагон. Какой-то железнодорожник сказал ему, что этот состав пойдет в Москву. Никто не спросил у Григория ни литеры, ни документов. Он забился в угол и поднял воротник. Поезд, действительно, скоро тронулся. Из-за покрытых инеем стекол справа непрерывно вспыхивали зарницы. Где-то шел ожесточенный бой... — Странно, — думал Григорий, — предполагал ли я вчера, что сегодня поеду в Москву, а через неделю ее могут взять немцы. Катя... Где она? И зачем она ждала меня? Господи, помоги ей уцелеть в этом водовороте!

Москва поразила темнотой и заброшенностью. На вокзале, как и ожидал Григорий, патруль еле взглянул на литер и Григорий сразу очутился на пустой пло-

щади. Было всего десять часов вечера. Из темноты вынырнул трамвай. В полупустом вагоне все сидели серые, понурые, полулюди-полутени, освещенные лиловым светом синей лампочки. Григорий вышел на площадку. Кольцо линии Б укрепили. Улицы были забаррикадированы кирпичом, мешками с землей и какими-то бочками. Только у самых домов были оставлены узкие проходы для пешеходов. Командование собиралось защищать каждый квартал и улицу в отдельности. Когда Григорий сошел с трамвая и пошел по переулку, то заметил у каждого дома силуэты людей. Один раз такой силуэт подошел к нему и спросил документы. Это была самоохрана, составленная из жильцов каждого дома.

Леночка спала, не раздеваясь, готовая каждую минуту, в случае воздушной тревоги, идти в подвал. Дверь в комнату была не заперта, и Григорий вошел только слегка толкнув ее. Леночка села на постели. Свет от настольной лампы с синей маскировочной лампочкой бросал на ее лицо зловещие блики.

— Откуда ты? — пролепетала Леночка.

— Катя арестована, — сказал Григорий, садясь на край постели.

— А ты бежал?

— Вроде того, — криво усмехнулся Григорий. — Сейчас у меня все в порядке, я мобилизован... А ты про Катю не знала?

— Нет не знала. За что же ее бедную? — Леночка сквозь слезы посмотрела на брата.

— Хотели выслать, как жену и дочь бывших заключенных, а она решила меня дожидаться и не пошла по вызову.

Леночка видела, что Григорий говорит с трудом, а лицо у него каменное и ничего не выражающее. Она гихонько всхлипнула и утерла глаза платком.

— И стариков — Катиных родителей тоже: «в 64 часа покинуть области, объявленные на военном положении».

Григорий полез в задний карман и достал паспорт.

— Вот смотри, мне такую же печать вклеили.

Леночка дрожащими руками взяла паспорт.

— Я после этого пошел в военкомат, — сказал Григорий, — паспорт у меня по ошибке не спросили... привез его на всякий случай тебе, спрячь. Немцы придут, может пригодится доказательство, что в семье есть репрессированные. А как Алексей? — вдруг вспомнил о брате Григорий.

— Мобилизован.

Леночка зябко закуталась в одеяло.

— Так...

— А Павел бежал от ареста и скрылся. Может, уже у немцев... — Леночка посмотрела на Григория, как бы проверяя какое впечатление произведет на него это известие.

— Бежал? — переспросил Григорий.

— У него тоже начались какие-то неприятности с милицией и он скрылся... кажется около Нового Иерусалима.

— А Оля? — спросил Григорий.

— Оля осталась в Москве, не хотела мать бросить. Все это произошло так неожиданно...

Григорий задумался.

— А стариков Осиповых разбомбило, — сказала грустно Леночка, — воздушной волной выломало окна и двери. Они сейчас приютились у знакомых.

— Вот бедняги! — вздохнул Григорий. — А о Николае ничего не слышно?

— Ничего.

Григорий почти не воспринимал этих сообщений о горе друзей, подавленный всем случившимся за последние два дня.

— Я завтра уеду в Калязин, — сказал Григорий, — а ты, как только будет можно, начинай искать Катю. Сейчас все меняется так быстро, может быть, заключенные скоро будут освобождены.

Леночка вздохнула и опустила глаза. За окном пронзительно завывали сирены.

— Пойдешь в подвал? — спросила Леночка вставая и надевая шубу.

— Не пойду. Ты сними матрац на пол и я лягу.

— Не хочешь показываться?

Леночка говорила тем же измученным голосом, как бы не замечая сирен.

— Нет, — горько усмехнулся Григорий, — просто хочу выспаться, благо НКВД во время налета арестовывать не поедет.

— Наверное не поедет, — согласилась Леночка. — Я пожалуй тоже останусь. Бомбят слабо, прорывается по несколько самолетов.

Вой сирен смолк и сотрясая стены домов загремели зенитки.

— Есть хочешь? — спросила Леночка.

— Я тебя сам могу угостить.

Григорий достал из чемодана хлеб и кусок сала.

— Откуда это? — удивилась Леночка.

— Все колхозники нашего брата подкармливают. Ночевал в деревне, так хозяйка дала. А в Москве плохо с продовольствием?

— Плохо, — покачала головой Леночка.

— Ешь, — сказал Григорий ласково, отрезая кусок хлеба и кладя на него толстый кусок сала.

Зенитки гремели и гремели. Григорий и Леночка сидели на кровати и ели черный крестьянский хлеб со свиным салом.

Из окна мезонина был виден занесенный снегом участок перед дачей, ельник, закрывавший обрыв и, за зубчатыми зелеными верхушками, большое поле. Через поле наискось тянулась дорога к выкрашенной желтой краской станции, левее дороги виднелся санаторий, а правее — деревня. Еще правее, за деревней, был ясно виден железнодорожный мост через невидимую реку.

Павел за два месяца хорошо изучил все детали этого зимнего пейзажа. Когда окно замерзало настолько, что его трудно было отогреть дыханием, Павел открывал форточку и, подняв воротник пиджака, быстро осматривал, нет ли чего нового на снежном поле. Морозный пар густыми клубами валил в форточку, а остатки тепла улетали наружу.

Павел наблюдал не из праздного любопытства, не от нечего делать: с запада, не умолкая, доносилась глухая канонада, в любую минуту могли появиться «они», а до их прихода могло произойти что-нибудь неожиданное. Нельзя было ослаблять внимание ни на минуту.

Павел только что истопил маленькую печурку, в комнате стало сравнительно тепло, и наблюдательное отверстие в мохнатой коре инея оттаивало при первом приближении губ. Павелдохнул три раза и растер поплывшие по стеклу льдинки пальцем. Поле было пусто и спокойно. Павел посмотрел в сторону моста — никакой жизни, затем взгляд его скользнул по крышам деревни и мимо станции — ничего интересного, затем... Павел затаил дыхание и начал всматриваться. Вдоль дороги двигались фигуры: раз, два, три... десять, еще две, всего двенадцать человек в коротких серых шинелях медленно шли, то нагибаясь, то выпрямляясь. Павел не отрывая глаз от отверстия взял ощупью палку, прислоненную к стене, и три раза легонько стукнул ею об пол. Внизу раздался неясный

шум, затем сильно хлопнула дверь и по лестнице дробно застучали необыкновенно быстрые, энергичные удары кованных подошв о ступени. Казалось, что так быстро могут подниматься только очень сильные, проворные ноги, не обремененные никаким телом. Дверь растворилась и сейчас же захлопнулась так, что косяк крякнул.

— Что случилось?

Павел оторвался от отверстия в инее.

— Посмотрите на дорогу.

Карие глаза излучали столько энергии, что, казалось, лед не выдержит их огня и стает со всего окна.

— Минируют!

К Павлу повернулось загорелое лицо, оттененное черной бородкой.

— Значит подходят?

Дмитрий Иванович, вместо ответа, вспрыгнул на подоконник и открыл форточку. Павел снова припал к проталине. Фигуры продолжали двигаться вдоль дороги, нагибаясь и выпрямляясь.

— Минируют! — подтвердил Дмитрий Иванович, хлопывая окно и соскакивая через стол на пол.

— Что случилось?

В дверь высунулось круглое встревоженное лицо. Серые глаза с испугом смотрели то на Павла, то на Дмитрия Ивановича.

— Заходи, заходи скорее, — трагически зашептал Дмитрий Иванович, хватая даму за руку и увлекая к окну. — Гляди: минируют, завтра немцы будут здесь.

— Что минируют? Дачи наши минируют? Я без очков ничего не вижу, — заволновалась дама.

— Зачем дачи? Дорогу минируют. Понимаешь, дорогу к станции. Значит, отступают, значит, завтра...

— У нас будет бой и нас всех убьют.

Дама отошла от окна и бессильно опустилась на диван.

— Никакого боя не может быть, ты всегда из всего делаешь истерику, Тонуля. Я тебе гарантирую, что красные отступят без боя и завтра же немцы будут здесь.

— Ты всегда все гарантируешь! Я знаю одно — мы теперь погибнем, дом сожгут и, если нас не убьют сразу, то мы либо умрем с голоду, либо замерзнем.

Дмитрий Иванович быстро заходил по комнате, нервно теребя бороду, горячо возражая и время от времени смотря на Павла полными неугасимого пыла наивными глазами.

За два месяца совместной жизни Павел привык к подобным спорам и изучил наизусть аргументацию обеих сторон. Он прекрасно знал, что Татьяна Андреевна, или Тонуля, как называл жену Дмитрий Иванович, будет говорить о том, что разумнее было эвакуироваться на Урал с заводом, на котором работал Дмитрий Иванович, что еще неизвестно, чем кончится война и что несут нам немцы, а Дмитрий Иванович будет все больше и больше волноваться, сначала начнет доказывать, что Сталин дольше января не продержится, а потом заявит, что большевики ему за 25 лет вот как осточертели! При этом он проведет рукой по горлу и добавит: «С меня довольно; хоть с чортом, но против большевиков!» У Татьяны Андреевны в это время начнут дрожать губы, а Дмитрий Иванович скажет, что нечестно тащить его в тыл, где придется стать невольным пособником режима, погубившего уже национальную Россию и готового погубить весь мир. Тонуля обидится, заплачет и начнет пить валерьянку. Дмитрий Иванович прекратит спор, уложит жену на диван, укроет пледом и начнет ходить большими шагами из угла в угол, время от времени останавливаясь, чтобы привести новый, только что пришедший в го-

лову аргумент в свою пользу, но, видя несчастное состояние жены, во-время сдержится, махнет рукой и снова начнет мерить комнату широкими шагами.

Всё это Павел уже давно изучил, хотя говорить так откровенно в спасшей его семье стали не сразу. Павел хорошо помнил дату первого разговора на чистоту: это было 16-го октября 1941 года.

15-го октября Дмитрий Иванович отправился в Москву, чтобы получить по карточкам продукты и привести в порядок кое-какие дела. Вернулся он к вечеру 16-го октября. Павел еще из своего наблюдательного пункта на мезонине увидел дым поезда, а потом характерную фигуру в зеленой охотничьей куртке на дороге от станции. Фигура неслась с невероятной быстротой, иногда останавливаясь и победно махая шляпой. Дмитрий Иванович, конечно, знал, что Павел в этот момент смотрит на дорогу.

Павел побежал вниз и сообщил Татьяне Андреевне, что Дмитрий Иванович благополучно возвращается и наверное узнал что-то новое и хорошее потому, что издали машет шляпой, чего раньше никогда не было.

— Поздравляю! — начал Дмитрий Иванович прямо с порога комнаты. — Советской власти больше нет!

Татьяна Андреевна хотела было испуганно замашать руками, но вместо этого застыла в удивлении.

— Сейчас все расскажу. Помоги скорее снять рюкзак, Павел.

Дмитрий Иванович, не замечая этого, перешел на «ты».

Все трое сидели у круглого стола. Глаза Дмитрия Ивановича блестели, как у двадцатилетнего юноши, только что выигравшего спортивное состязание и упоенного своей победой, но рассказывал он последовательно, методически, не упуская подробностей, медленно подходя к самому главному. Павел с нетерпе-

нием ждал этого самого главного, но знал, что перебивать бесполезно: тогда Дмитрий Иванович из упрямства будет рассказывать еще медленнее.

— 15-го поезд шел очень плохо и я приехал домой совсем поздно. В квартире никого, — Дмитрий Иванович рассказал о нескольких мелочах, касавшихся квартиры. — Потом я лег спать и спал до утра, ничего не подозревая. — Дмитрий Иванович для большего эффекта сделал паузу. — Утром зазвонил телефон. Подхожу: Сашка, тот, с которым на уток ездили. «Поздравляю!» — говорит. — «С чем, — спрашиваю. — «А с тем, что советская власть рухнула!». Я чуть трубку не выронил. С ума, думаю, он что ли сошел? А Сашка смеется в телефон: «Не бойся, говорит, это я тебе со службы звоню. У нас все начальство ночью сбежало, ни одного партийца не осталось, ни одной советской морды — все смылись. Мы главного инженера директором выбрали». Вижу, говорит толково и ясно. Я его перебил и спрашиваю: «Может быть, немцы за ночь уже Москву заняли?»... «Нет, говорит, не Москву, а только Малый Ярославец, но все партийцы за ночь драпу дали». Неужели, думаю, дожили? А Сашка смеется и говорит: «Ты выйди сам на улицу да посмотри, да не забудь на помойку заглянуть». Я толком ничего не понял, а он повесил трубку. Оделся я поскорее, выхожу: у нас в переулке тихо. Вспомнил про помойку, зашел на двор, а там... сочинения Ленина, «Капитал» Карла Маркса, портрет Сталина сверху валяется и вся физиономия в чем-то испачкана. Вышел на Садовое крыльцо: там народ кучками стоит и вверх смотрит. Спросил — в чем дело? Говорят, немецкого воздушного десанта ждем; все веселые, радостные, прямо, как светлое Христово Воскресение. Я сообразил, что надо скорее купить хлеба, продовольствие и к вам... Зашел в кооператив, а он закрыт. Тогда я первичать начал, почувствовал, что настоящая аго-

ния власти начинается. Трамваи не ходят, я пешком к вокзалу. Дорогой вижу толпа, подошел: красноармейцы закрытый распределитель громят.

Дмитрий Иванович торжествующе наклонился и достал из стоявшего около его стула мешка большой кусок сливочного масла:

— Вот и я раздобыл!

Татьяна Андреевна всплеснула руками и ахнула:

— Значит и ты, Дима, в погроме участвовал?

— Участвовал, — глаза Дмитрия Ивановича не заблестели сильнее только потому, что блеснуть сильнее уже не могли. — Ты знаешь что такое закрытый распределитель? Это магазин, в котором потихоньку от населения за полцены кормятся энкаведисты и всякие прихвостни!

Дмитрий Иванович покраснел от обиды и не стал показывать других трофеев.

С тех пор прошел месяц, но советская власть так и не рухнула. Поездки Дмитрия Ивановича в Москву прекратились, прекратилась и всякая связь с Олей. Агония затягивалась слишком надолго, настолько надолго, что если бы не грабеж, учиненный Дмитрием Ивановичем в закрытом распределителе, семья инженера не имела бы ничего, кроме картошки из собственного огорода, а у Дмитрия Ивановича были дети.

Минирование дороги сильно взволновало Павла. Так или иначе, но это был уже реальный признак приближения конца. Сидеть безвыходно на даче и объедать хозяев Павлу становилось невмоготу, а выходить с его паспортом было слишком опасно, хотя не выходить было тоже опасно: в любую минуту в дом могла прийти какая-нибудь часть. Случайная проверка документов, например, из-за подозрения в дезертирстве и --- всё что угодно, начиная с расстрела.

Ночью Павел долго ворочался, не засыпая. Спал он не раздеваясь, как и все в доме, готовый к чему угодно.

Как Оля одна? Тоже жутко... Из темноты встали серые грустные глаза. Страшно в такое время быть в разлуке, но ведь невероятно, совершенно невероятно, чтобы была взята Истра и не была бы взята Москва. А если... Павел постарался отогнать все мысли: ведь все может разрешиться сразу, быстро. Начнется беспорядочная стрельба, налет самолетов, танки... Павел не мог представить реально, как выглядит современный фронт. Наверное после прорыва очередной линии войска одним броском занимают несколько десятков километров вглубь. Что-то ухнуло совсем близко от дома, дом дрогнул и сейчас же, перебивая друг-друга и сливаясь в общий гул, начались непрерывные взрывы. Павел вскочил и в то же мгновение стекло со звоном вылетело, в комнату ворвалась волна густого мороза.

Это не было немецкое наступление. Взрывы прекратились так же внезапно, как начались, а на утро испуганные жители дачного поселка ходили смотреть на трупы солдат советской мотоциклетной части, въехавшей ночью на только что минированное поле.

Вечером взлетел железнодорожный мост, взорванный красноармейцами и кое-как заделанные окна вылетели снова. Ночью канонада усилилась и над поселком, как гигантские шмели, понеслись немецкие снаряды, разрывов которых даже не было слышно.

Утром в лесу над обрывом появилась красноармейская часть. Комиссар и майор расположились на соседней даче, а солдаты стали делать шалаши в лесу. Вечером по ту сторону взорванного моста появился советский бронепоезд и неожиданно начал обстрел поселка и обрыва, вдоль которого расположилась красноармейская часть.

Два часа Павел и его новые друзья просидели в подвале. Татьяна Андреевна тихо всхлипывала, а ее четырехлетний сынишка громко молился: «Боженька, сделай так, чтобы нас не убило! Боженька, сделай так, чтобы нас не убило! Боженька, сделай так, чтобы никого не убило. Боженька, если нельзя, то пусть уже убьет маленького мышоночка»... Услышав этот лепет, Татьяна Андреевна громко зарыдала, но очередной снаряд разорвался совсем близко и она замолкла. К счастью, дача на этот раз уцелела.

Когда обстрел кончился, из страха, что он начнется снова, решили провести остаток ночи в подвале. Утром оказалось, что красноармейской части нет, а на косогоре в лесу лежат брошенные трупы и на снегу много пятен крови. День был необычно тихим и Павел, достав на чердаке запасное стекло, привел свое окно в порядок. Вдруг взгляд его упал на злосчастную дорогу. Два всадника в зеленоватых шинелях ехали между трупами взорвавшихся мотоциклистов. Шинели были необычные — это были немцы. Павел, как зачарованный, следил за всадниками. Они медленно доехали до взорванного моста, постояли и, повернув лошадей, быстро ускакали.

Вечером Павел осмелел настолько, что вышел на улицу. Поселок затих. Где-то вдалеке поскрипывал снег: это самообхрана, организованная оставшимися жителями, обходила улицу. Павел зашел за дачу и посмотрел в сторону обрыва. Верхушки многих елок были сломаны и расщеплены пролетавшими мимо снарядами. Где-то в чаще лежали неубранные трупы. Как страшно, — подумал Павел, — как ужасно началась революция и как ужасно она кончается!

С другой стороны дачи слышались голоса. Павел вздрогнул, повернулся назад и тихо пошел вдоль стены дачи к двери, чтобы незаметно в нее скользнуть. На дорожке, в пяти шагах от террасы, стоял Дмитрий

Иванович и взволнованно махал руками. Рядом стояла Татьяна Андреевна в шерстяном платке на голове, а против них высокий человек в шинели. Павел затаил дыхание.

— У меня дети, муж мой ответственный работник... вы не можете... вы не имеете права жечь, — напряженным до последней степени голосом, почти переходящим в крик, говорила Татьяна Андреевна.

— Не волнуйтесь, гражданочка, война... наше дело маленькое: мы выполняем приказ Сталина, — перебил ее военный. — Что мы, один ваш дом что ли жжем?

— Я вам не позволю, не позволю... я вас...

Павел видел, как Дмитрий Иванович схватил жену за плечи и повлек к даче.

— Так мы через полчаса... вы пока там свое барахло соберите, — невозмутимо сказал военный. — Кстати, у вас закурить не найдется?

— Я не курю! — раздраженно крикнул Дмитрий Иванович и поднялся на крыльцо.

Дети плакали. Павел, Дмитрий Иванович и Татьяна Андреевна с лихорадочной поспешностью выносили вещи в сад подальше от дома. Татьяна Андреевна вдруг села на беспорядочную кучу вещей и закрыла лицо руками. Павел поставил ящик с картошкой на снег и подошел к ней.

— Что мы будем теперь делать, — подняла обезумевшие от ужаса глаза Татьяна Андреевна.

Павел почувствовал, что ее отчаяние передается ему.

— Господи, хоть бы обстрел что ли какой-нибудь начался! Может быть, тогда они испугались бы и ушли... Что мы будем делать с детьми на 15-и градусном морозе?

В это время со стороны деревни раздались неистовые крики... Пламя яркое, как кровь на снегу, метну-

лось в темное небо. Истошный женский голос закричал пронзительно на самой высокой ноте: «А-а-а-а»...

Татьяна Андреевна вскочила, повернулась в сторону деревни и застыла в оцепенении. И в этот момент слева, с той стороны, откуда обычно слышалась канонада, раздался глухой гул моторов, отдельные выстрелы и лязганье железа. Шум рос и приближался с чудовищной быстротой. Крик в деревне смолк, оборвался, был поглощен ревом моторов и лязгом гусениц. Через минуту один шквал промчался где-то внизу между обрывом и деревней, другой сзади около большого леса за поселком. Потом гул стал постепенно затихать: танковые клинья пронеслись по направлению к Москве.

Павел обернулся и встретил растерянный, странный взгляд Дмитрия Ивановича... Пламя в стороне деревни все полыхало, но оно не увеличивалось: истребительный отряд успел поджечь только один дом.

Глава седьмая

КРАСНАЯ АРМИЯ

В калязинском военкомате был почти такой же беспорядок, как в том, в котором Григорий так удачно был призван. В запущенных, грязных комнатах сидели за пустыми столами давно небритые личности, одетые в какие-то лохмотья. Всё это были только что мобилизованные люди, словчившиеся застрять на месте и избежать таким образом фронта. Григорий выяснил, что на формирование посылают под Горький, в Гороховецкие лагеря. Основная масса в это время уже была мобилизована и военкомат подбирал разные остатки. Григорий попал с целой группой калязинских учителей полных и неполных средних школ. Из двадцати человек, отправляемых вместе, не учителем, помимо Григория, был молодой авиационный механик, оказавшийся в момент объявления войны в госпитале. Теперь он выздоровел и с общей волной попал в пехотную часть, что свидетельствовало либо о беспорядке, либо об уничтожении советской авиации.

На группу дали общий документ для получения путевого пайка. Документ этот вручили одному из учителей — члену коммунистической партии. Товарищи стали называть импровизированного командира комвзводом и слегка над ним посмеивались. Командир

взвода получил на свою команду однодневный паек и объявил, что вечером они доедут до Углича на поезде, а дальше пойдут пешком. Сообщение это всех обрадовало: поход оттягивал посылку на фронт минимум на две недели. Григорий пошел вслед за другими на станцию. Пустые улочки городка ничем не были примечательны. Деревянные домики, занесенные снегом, огороды. Дорогой встретили два стада эвакуируемых коров: худые, взъерошенные животные с мутными глазами и странно длинной шерстью шли спотыкаясь, низко опустив головы. Стада гнали колхозные пастухи, выглядевшие немногим лучше опекаемых ими животных. Трава осталась нескошенной, — вспомнил Григорий.

На вокзале поезда ждала какая-то саперная часть. Солдаты, кто в шинеле, кто только в ватнике, лежали на лавках и на полу, заняв весь зал ожидания. Лица у них были апатичные, и равнодушные, они никуда не спешили, ни на что не обращали внимания. От одного педагога Григорий узнал, что немцы возобновили наступление и быстро охватывают Москву с двух флангов. Примостившись у порога и глядя на спящих сапер, Григорий думал о том, как неожиданно бросает его судьба из стороны в сторону. Едва успел попасть внутрь московского кольца до начала немецкого наступления и сразу: арест Кати, милиция, военкомат, Москва и... Калязин. Сделал как раз то, чего не хотел: попал на зиму в советский тыл. Знал бы — перешел под Калинин, а теперь придется ждать и терпеть неопределенное время.

Где-то на перроне застучали колеса поезда. Педагоги встали и перешагивая через спящих сапер стали пробираться к выходу. Пожалуй, лучше скорее попасть на передовую и перейти, чем валяться, как эти, — продолжал думать Григорий, глядя на лица спящих солдат.

В темном вагоне сидели одни мобилизованные. Кто-то громко пошутил:

— Мы пойдем по двадцать километров в день, а немцы наступают по пятьдесят. Интересно, где они нас нагонят?

Никто не ответил, но молчание было сочувственным. Григорий стал соображать, кто мог осмелиться начать такой разговор и мысленно восстанавливал запомнившиеся ему лица: маленький рыжеватый директор районной школы и преподаватель литературы. Глаза озорные, умные, похож на коммуниста, но сейчас и коммунисты могут так шутить; мрачный пожилой математик, в военкомате долго, с сердитым видом прощался с женой — похож на бывшего человека, именно поэтому едва ли станет шутить при всех; молодой бледный учитель начальной школы с красивыми усталыми глазами, в лице что-то подлое, тихоня и может быть сексотом. Если он, то провоцирует, а по тону на провокацию не похоже. Лица начали путаться в памяти. В конце концов мог пошутить всякий, война перевернула всё вверх дном.

Поезд тронулся и Григорий задремал, всё время просыпаясь от холода и снова забываясь. В Углич приехали на рассвете измученные и промерзшие. На фоне розоватого неба высились силуэты старинных церквей, кругом теснились приземистые каменные домики с толстыми стенами. Улицы были кривые. Если бы не облупившаяся краска на стенах и не почерневшие от времени крыши, можно было бы подумать, что революции здесь не было. За старой частью города начиналась новая: плотина, электростанция, какие-то трубы — действительно новый мир.

Военкомат находился в старой части города и, пока он открылся, Григорий и маленький преподаватель литературы, похожий на коммуниста, пошли посмотреть церковь, на дворе которой погиб царевич Димит-

рий. Красного цвета низкая церковка, такие же домики кругом двора. Сколько таких церковок было в Москве, как мало их осталось! Григорий остановился и ему захотелось снять шапку, но привычная осторожность заставила сдержаться.

— А крепко раньше строили — на века, не то что теперь, — услышал Григорий голос педагога.

Григорий посмотрел на круглые умные глаза и уловил в них то же чувство уважения к истории своего народа, которое так сильно было в нем самом.

На обратном пути всё время встречали стада эвакуируемых коров. Оказалось, что Углич был центром, куда сгоняли скот.

Разделив паек, группа отправилась в городскую столовую и с бою получила обед. Кормили мясом: мясной суп и котлеты. Мясо голодных, а, может быть, павших от голода коров было сухое и безвкусное. Кто-то рассказал, что видел своими глазами, как на главной площади резали корову, упавшую от истощения. В столовой за большими столами сидели серые, оборванные люди и ели, не снимая верхней одежды и шапок. — Вот уже действительно сермяжная Русь! — посмотрел кругом себя Григорий. Даже одетые кое-как в дорогу педагоги казались богачами среди углических рабочих.

После обеда вышли на улицу и устроили совещание. Партиец-командир оказался хорошим парнем.

— Граждане, — обратился он к собравшимся, — нам теперь предстоит длинный путь пешком. Мы сейчас выйдем с вами на шоссе. В 25-ти километрах от Углича есть районный центр; запишите название, там встретимся у райсовета завтра утром, а добирайтесь туда, кто как сможет: кто сумеет сесть на автомобиль, хорошо, не сумеет, пусть идет пешком и где-нибудь заночует, а завтра соберемся у райсовета.

Григорий вгляделся в худое лицо импровизированного командира. Ни малейшего стремления командовать, разыгрывать начальника. Война и ожидание переворота сломили партийную дисциплину, бездушный винтик госаппарата превратился в здравомыслящего русского человека.

Вдоль шоссе громоздились высокие горы снега, ледяной ветер мел порошу, красное солнце, окруженное розовым туманом, глядело из-за белой мглы.

Хоть несколько дней да поживем по-человечески! — радовался Григорий, ежась от холода.

Впереди остановился до верху груженный автомобиль. Из-под брезента высывались мешки. Григорий подбежал в тот момент, когда краснощекий шофер, одетый в военную форму, уже торговался с двумя бабами, закутанными в шерстяные платки. Бабы давали десяток яиц и пачку махорки, чтоб их довезли как раз до того села, где был назначен следующий сбор группы.

— Возьми, браток, нас: мы мобилизованные, — попросил шофера подбежавший вместе с Григорием учитель.

— А чем платить будешь? — оборвал учителя шофер.

В этот момент бабы сунули шоферу в руки яйца и махорку и полезли в кабину.

— У меня больше нет места, — грубо сказал шофер, влез следом за бабами и дал газ.

— Мерзавец! — выругался учитель вдогонку автомобилю.

Метрах в ста сзади остановился другой автомобиль и Григорий видел, как в него сразу село человек десять учителей. Через секунду автомобиль полным ходом промчался мимо, обдав Григория снежной пылью.

— Подождем здесь, — предложил Григорий, — не на один, так на другой автомобиль сядем.

— Только бы не замерзнуть! — процедил сквозь зубы учитель, становясь спиной к ветру.

Лицо у него было длинное, большой нос, складки кругом рта и умные, глубоко посаженные глаза.

— Преподавали в школе? — спросил Григорий, подпрыгивая, чтобы не окоченеть.

— Математику, — кивнул учитель, поеживаясь.

На дороге показался автомобиль, полный досок. В кабине сидело три человека и можно было рассчитывать только на место в кузове. Григорий решительно загородил дорогу и поднял руку. Автомобиль остановился, из кабины высунулась борода, торчавшая из-под надвинутого на глаза малахая.

— Нам до В. — крикнул Григорий и полез на доски.

— Садись, — махнула рукавицей борода и захлопнула дверцу.

Григорий и математик легли на доски и загородились спереди вещами. Автомобиль понесся. Ветер выл, жег и пронизывал тело, Григорий почувствовал, что коченеет. Под веревку, закреплявшую доски был подсунут кусок брезента. Рискую свалиться на дорогу, Григорий высвободил его и с помощью математика накрылся с головой обледенелой, скользкой материей. Оба лежали рядом, крепко ухватившись одной рукой за веревки, другой за края брезента. Было темно и душно, но ветер перестал пронизывать.

— Смотрите, не засните, — прошептал около уха Григория голос математика, — а то свалитесь.

— Каково сейчас на фронте! — сказал Григорий.

— В тылу тоже удовольствия хватает, — проворчал в темноте бас математика. — Картошку не выкопали, скот погубили... — он не кончил и замолчал.

Молчал и Григорий. Тема была слишком острой для первого знакомства. Но в молчании оба почувствовали взаимную симпатию. Если бы до войны можно было так быстро и так близко сходить с людьми! — думал Григорий, крепко натягивая на плечо и голову край брезента. — Наверняка создали бы организацию, способную начать решительные действия, а сейчас уже поздно, приходится рассчитывать только на поражение.

Постепенно под брезентом становилось теплее, зато ноги, оставшиеся снаружи, нестерпимо мерзли. Автомобиль замедлил ход, повернул и остановился. Григорий выглянул из укрытия. Шофер в малахае вылез из автомобиля и сказал, пуская изо рта клубы пара:

— Слезай, ребята, приехали.

Григорий прыгнул на хрусткий снег. Солнце поднялось выше и побелело. Казалось, что оно вмерзло в голубовато-белое небо. Конец улицы терялся в серебряном тумане, из труб шел серый упругий дым. Ветер утих и воздух был гулкий и ломкий.

— Закурить есть? — подошел шофер.

Григорий оторвал кусок газеты и насыпал зелено-желтую махорку. Шофер свернул заскорузлыми толстыми пальцами и затянулся.

— Не знаешь, отец, ночевку здесь найти можно? — спросил математик.

— А вы кто такие будете? — посмотрел из-под малахая старик мохнатыми от инея глазами.

— Кто такие? Мобилизованные.

— Мобилизованные — так идите в райсовет, там вас определяют, а то я думал...

— Что думал?

— А тут у нас начальство разное... — блеснул из-за инея ресниц озорной взгляд, — из Москвы всё ехало. Правда, те на своих автомобилях.

— Это после пятнадцатого октября? — спросил Григорий.

— Шестнадцатого октября, — кивнул малахай, — казенного добра много наgrabить сумели: у одного так сливочного масла пять бочек было, икры черной банок десять.

— А много их бежало? — заинтересовался Григорий.

— Прямо машина за машиной. Наша база на Горьковском шоссе, так в деревнях ночью все дома заняты были. Народ думал — конец, вот-вот немец подойдет, ан, до сих пор нету! — малахай выжидательно посмотрел на Григория и математика, надеясь получить сведения о местонахождении немцев, но в этот момент закрипели шаги и к автомобилю подошел один из ранее уехавших учителей.

— Приехали? — начал он радостно, — а мы тут квартиры уже нашли, идемте скорее греться.

Самовар пыхтел и булькал. Григорий, выбритый и вымытый, сидел за столом с хозяином трехконного домика и математиком. В желудке чувствовалась прочная сытость от щей и картошки с яичницей. Хозяин и хозяйка встретили мобилизованных радушно. Теперь, за чаем, счетовод местного лесопильного завода, сухощавый, болезненный мужчина лет пятидесяти, делался все откровеннее и откровеннее. Час тому назад, когда счетовод вошел в дом после рабочего дня и увидел двух посторонних в штатском, он сначала осторожно приглядывался к новым людям. Первый лед сломался, когда счетовод узнал, что гости только что мобилизованные, рядовые. Завязалась беседа, де-

лавшаяся все непринужденнее. Теперь он подробно рассказывал о «драпе» московских вождей 16-го октября.

— Вот этак же, как с вами, — говорил, лукаво поблескивая глазами счетовод. — Прихожу домой, смотрю: из-за забора на дворе какой-то воз выглядывает, большой пребольшой, покрыт новым брезентом. Что, думаю, за штука? Вхожу, а за столом гости. Жена около них хлопочет, а на столе... с царского времени такого не видал! Черная икра, балыки, закуски... Сидят пятеро: двое детей конечно, папаша толстый, жена еще его тяжелее и шофер в кожаной куртке. Увидели меня, заволновались и очень вежливо приглашают за стол. Сам оказался директором закрытого распределителя НКВД. В Архангельск едет к родственникам! Прямо, значит, на север рванул. Попили чаю, поговорили, начал ко мне зав подъезжать насчет бензина: не сумел в Москве запасть, всё до него другие расхватили. Волнуется, задабривает. Мы, говорит, за бензин ничего не пожалеем: масло так масло, мясо, так мясо, у нас все есть. Достал я им через знакомого, так когда расплачивались, посмотрел в грузовик. Верите ли, весь продуктами набит! Мяса чуть ли не целая туша, а в нашу кооперацию пойдя, так, кроме кофе «Здоровье», ничего на полках не стоит.

Разговор с бухгалтером развивался по тому же плану, как и разговор с бородачом-шофером. От бегства московских партийцев перешли к немцам и проигранной войне. Счетовод почти не скрывал радости по поводу крушения советской власти. Григорию было ясно: все думают об одном: поскорее бы наступала перемена.

Спал Григорий настолько спокойно, насколько это возможно для человека, у которого арестована жена, но обычное ощущение гнета и опасности уменьшилось.

Брезжила надежда, что весь этот кошмар, наконец, кончится.

Ростов Великий, Тейково, Ковров, ряд районных сел и деревень промелькнули за четырнадцать дней пути, мешаясь и путаясь в сознании Григория. Везде Григорий видел одно и то же: стада гибнущего от голода скота, невырытая картошка, незаконченные противотанковые рвы и крепнущая уверенность в неизбежном крушении коммунистического режима, подкрепленная зрелищем панического бегства московской партийной верхушки. Чем ближе к прямой дороге Москва-Горький, тем больше было рассказов, в том или ином варианте повторяющих рассказ счетовода и бородача-шофера с тем же выводом: народ голодает, а вожди, даже при паническом бегстве, везут с собой продовольствие грузовыми автомобилями. Во время четырнадцати ночевок Григорий только один раз натолкнулся на семью, настроенную просоветски. Было это под Ковровым. Не доходя до города, решили заночевать в деревне, чтобы на другой день получить в Коврове паек и, не торопясь, пойти дальше. Изба, в которую зашли Григорий и математик, выглядела как и все другие. На стук вышла полная старуха, державшаяся уверенно и властно. Узнав в чем дело, она молча открыла дверь, пропуская гостей в дом. В просторной комнате за столом, при свете керосиновой лампы, готовили уроки мальчик и девочка лет 10-12-ти в красных пионерских галстуках. Из переднего угла, вместо икон, смотрела литография Сталина, изображенного на фоне красных знамен. Справа у стены стояла этажерка с полным собранием сочинений Ленина, а над этажеркой красовались две фотографии широколицых, крепко скроенных военных с ромбами в петлицах.

— Эге, — вырвалось у математика, — да у вас, мамаша, не дом, а изба-читальня.

Старуха подозрительно посмотрела на учителя, но не смогла удержаться, чтобы не рассказать о достижениях своих «старших», дослужившихся до орденов и ромбов. Григорий не прочь был уйти, но это было бы слишком демонстративно. Пришлось остаться и, вместо того, чтобы отводить душу в разговорах за чаем, слушать урок политграмоты в изложении полуграмотной хозяйки. Но это был единственный случай за всю дорогу.

За две недели пути учителя привыкли друг к другу и говорили всё откровеннее. Двигались как можно медленнее и все время надеялись, что немцы догонят их еще до Гороховецких лагерей. Этого не произошло. Железное кольцо танковых клещей не смогло сомкнуться вокруг красной столицы. Наступательный порыв немецких дивизий выдохся и они вынуждены были отойти от Москвы. Сталин получил передышку, война пошла на затяжку.

Большое неприветливое поле, ровное и плоское. Ветер гонит по насту струйки мелкого снега. Вдоль дороги клонятся сухие травы, окоченелые, покрытые корочкой льда. Посередине поля нескладно торчат дома большой деревни. Деревня похожа на выселки. У домов ни садика, ни кустика, как будто их только что построили и не успели обжить голые пустыри вокруг. Километрах в пяти за деревней лес: черно-зеленая кайма, приплюснутая тяжелой белой шапкой. Деревья стоят тесно, как люди, которым холодно. Идти трудно: щеки горят, глаза слезятся и слипаются. Григорий наклонил голову. Ветер прижимал полы шубы к коленям и мешал шагать.

— В бору уже лагерь, — математик обогнал Григория и повернулся спиной к ветру, чтобы сказать это.

— Может быть сумеем заночевать в деревне? — ответил Григорий и подумал, что сейчас не больше двенадцати часов дня и нет никаких разумных оснований останавливаться на ночлег в пяти километрах от лагеря.

Обледенелые ступеньки крыльца громко трещали. Попрошу сначала обогреться, — соображал Григорий, стуча в дверь. Хозяин вышел в накинутах на плечи тулупе. Всклокоченная борода и опухшие глаза не внушали ни доверия, ни симпатии.

— Пусти, отец, обогреться.

Глаза «отца» уставились на кожаный чемодан в руке Григория.

— Обогреться, браток, у меня нельзя, майор квартирует. А вот за чемоданчик четвертушку дам.

— Чемодан мне и самому нужен, — рассердился Григорий, — а ты лучше скажи, у вас вся деревня командирами занята?

— Вся.

Старик залез пятерней под рубаху и почесался.

— Вся, — подтвердил старик, — тут вашего брата каждый день столько проходит... а чемоданчик ты даже совсем напрасно бережешь, все равно в лагере отберут. Я поллитра дам.

— Пойдем, — сказал сзади раздраженный голос математика, — ну их к чорту! Привыкли здесь спекулировать.

— Так ведь все равно добро зря пропадает, — несколько не обиделся хозяин, — а нам оно даже без интереса: у нас народ день и ночь проходит, каждый продать норовит... война!

Попытки других педагогов проникнуть в один из домов негостеприимной деревни окончились так же неуспешно, как у Григория и математика. Собрались

за околицей и, спрятавшись за большой полуразрушенный сарай, устроили последнее совещание. Оно было печальное и короткое.

— Ничего не поделаешь, — сказал временный комвзвод, — от этого бора, что за деревней и до Горького, чуть ли не на пятьдесят километров идет Гороховский лагерь. Наш путь закончен. Спасибо, что ни разу не подвели, никто не отстал и не потерялся. А теперь пойдете: «все равно, перед смертью не надышишься».

Ветер сдувал снег с крыши сарая. Черные в щелях стены мрачно выделялись на белом фоне.

— Так немцы нас и не догнали! — разочарованно пошутил математик.

Все сочувственно промолчали и стали по одному выходить в поле.

Вдоль широкой дороги, между громадных елей и сосен, под сугробами, прятались бесконечные землянки. Если бы не вытоптанный снег, не колючая проволока и не дым из тонких железных труб, лагеря можно бы было и не заметить. Невозможно было определить, сколько полков, дивизий или корпусов размещалось в лесу. Распределительный батальон полка, в который калязинский военкомат направил группу учителей, был расположен у самой опушки. Пока комвзвод объяснялся с часовым, Григорий подошел к первой землянке, чтобы посмотреть, что она из себя представляет. Навстречу вылезла странная фигура: бледная опухшая физиономия, щетина недели две небритых щек, папаха образца первой мировой войны, на плечах рваный тулуп, на ногах новые солдатские ботинки и обмотки.

— Закурить есть? — прохрипел простуженный голос и на Григория уставились ословелые глаза.

— Как тут живется? — спросил Григорий доставая махорку.

— Голодуем, — прохрипела фигура, свертывая козью ножку из обрывка «Правды».

— Дай и мне на закурку! — прозвенел около Григория мальчишеский голос.

— От горшка два вершка, а туда же за табаком! — обрушилась на вынырнувшего из землянки подростка папаха образца 1914 года.

— Не у тебя прошу! — обиделся мальчуган, протягивая к пачке худую грязную ручонку.

Одет он был в какую-то бесформенную куртку, крестьянский малахай и стоптанные валенки.

— Как в землянке? — спросил Григорий.

— Холодно! — беззаботным тоном ответил мальчуган, быстро свернул, закурил и, засунув ручонку за пазуху, стал усиленно чесаться.

— И вшей много? — понял Григорий.

— Много, дяденька! — прозвенел мальчонка.

Расспрашивать дальше Григорию не пришлось. Комвзвод кончил разговор с часовым и повел взвод вглубь расположения к штабу полка.

— Часовой говорит, что в распределительном батальоне держат по месяцу и больше, землянки в 250-300 человек каждая, кормят хуже, чем в нормальных частях, — бросал на ходу командир взвода.

Штаб полка помещался в просторном бревенчатом доме, неожиданно сверкнувшем из-за деревьев широкими окнами. Пока комвзвод ходил в штаб, учителя кое-как выстроились на полянке напротив. Вскоре из штаба вышел большой толстый полковник с глазами на выкате и густыми буденовскими усами. За полковником на маленьком крыльце теснились два офицера в полной военной форме и комвзвод-учитель в черной куртке. Полковник повел усами в сторону группы, что-то сказал и скрылся в доме с одним из офицеров. Комвзвод и другой офицер направились к учителям.

— Вот вам ваш командир роты, — сказал командир взвод, — он распределит вас по землянкам, а я останусь пока работать при штабе.

Григорий посмотрел на нового начальника: шинель плотно облежала широкие плечи, пенсне на мясистом носу сидело уверенно и твердо, из-за стекол глядели невозмутимые серые глаза.

— Пошли за мной, — сказал новый начальник очень просто, не пытаясь командовать.

— А нельзя нам самим сделать для себя землянку? — спросил Григорий, ободренный простотой поведения ротного.

— Это зачем же? — посмотрел тот с искренним удивлением.

— Мы пока еще не обовшивели, — товарищ ротный.

В серых глазах забежали огоньки.

— Вы надеетесь на войне обойтись без вшей? — заговорил иронический басок. — Я вас разочарую: не так давно в Сибири нашли неразложившийся труп мамонта, несколько тысяч лет во льду пролежал, так на нем были живые вши! Не создавайте себе иллюзий; в наших условиях вы от них не избавитесь. Я естественник — и знаю это на верное.

Григорий проснулся от холода и головной боли. С одной стороны был пустой влажный мрак и скрипучая обледенелая дверь на улицу, с другой стороны — брезжил слабый свет далекого окна. Окно было в середине землянки и, если пристально смотреть в его сторону, то можно было различить нары и проход. За узкой полоской дневного света в непроницаемом тумане скрывалась вторая дверь наружу. Против окна стояла единственная железная печка. Над двумя дверями

полагалось гореть лампочкам-коптилкам, но обе к утру потухали. Рядом с Григорием захрустели еловые ветки, заменявшие красноармейцам матрацы и раздался надрывной, захлебывающийся кашель математика. Постепенно кашель утих и хриплый голос с ненавистью прошептал:

— В тридцать восьмом году при Ежове десять месяцев в тюрьме отсидел, так там хоть знал, что считают за врага, а здесь нисколько не лучше.

Жизнь в распределительном батальоне, действительно, напоминала тюремную: утром, часов в десять, появлялся командир отделения, маленький юркий сержант, сухой и черный, как подгорелый сухарь. Сержант был сирота, воспитанник Красной армии. Он вызывал двух бойцов своего отделения и шел в каптерку за хлебом и сахаром. Остальные, кряхтя и ругаясь, начинали вставать. Спали все одетыми, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, и поэтому одеваться не было нужно. Желающие смельчаки снимали верхнюю одежду и шли на улицу умываться снегом. Так как все пространство между землянками было изгажено, то снег для умывания брали с крыш. Когда сержант возвращался, потухшая за ночь коптилка зажигалась снова. На нары стелили кусок плащ-палатки и начиналась процедура дележа пайка. Кто-нибудь по очереди резал хлеб на пайки и рассыпал ложкой сахар на обрывки газеты. После этого выбиралось два новых делильщика: один отворачивался от паек и, когда другой тыкал в одну из них рукой и спрашивал: кому? — называл фамилию одного из числившихся в списке отделения. Называть фамилии полагалось не по алфавиту, а каждый раз в новом порядке. Дележка пайка занимала не менее получаса, а иногда растягивалась на целый час: спешить было некуда.

Красноармейцы состояли из двух совершенно различных возрастных групп: старших, резервистов, и еще

необученной молодежи. Безделие и тяжелые условия жизни особенно деморализовали молодежь. Во время дележа хлеба в отделениях с преобладанием подростков происходили драки из-за паек хлеба, а в обед — из-за супа. В этих случаях командир отделения Григория поправлял на голове неизменную пилотку, с осуждением глядел в сторону скандаливших и говорил:

— У меня в отделении не как у других: порядочек! Не даром меня Красная армия воспитала.

«Порядочек» в отделении Григория объяснялся полным отсутствием молодежи.

После дележа хлеба сержант бесследно исчезал до обеда. В обед, во мраке землянки, раздавался его бодрый голос:

— Выходи строиться, обедать пойдем!

Обедали в специальной землянке, оборудованной под столовую. Вместо нар, в этой землянке были устроены столики и некоторое подобие скамеек из жердей. Суп получали в бачках и делили за столами по тарелкам и кружкам. Многие подростки ломали и теряли ложки, а поэтому пили суп прямо из тарелок. Грязь в столовой-землянке была фантастическая. Кроме столовой, были столы на улице около кухни. Землянка-столовая не могла вместить всех даже по очереди и каждый день какая-нибудь рота обедала на морозе. Есть суп при температуре в 15-20 градусов ниже нуля было не очень приятно, а для не имевших ложек и опасно. Суп в жестяных тарелках моментально остывал и можно было обморозить язык о металлические края. О бане в распределительном батальоне никто и не мечтал; в баню попадали только маршевые роты перед отправкой на фронт.

Григорий сел на нарах и потянулся. Тело чесалось. Ротный оказался прав: Григорий не смог уберечься от вшей.

— Надо пойти умыться, — сказал Григорий математику.

Тот ничего не ответил, но завожился надевая, по-видимому, подложенные на ночь под голову валенки. Дверь тоскливо проскрипела. Свежий морозный воздух, смешанный с горьковатым дымом, ударил в лицо. День был неяркий: бело-серый. Григорий сбросил шубу, шапку и пиджак. Стало холодно, но холод бодрил. Шагнув на крышу, Григорий набрал полные горсти обледенелого снега. От трения между ладонями снег начал таять, с рук потекли грязные струйки. Вторую горсть Григорий растер о лицо. Щеки зажгло, а пальцы рук окоченели. Мохнатое полотенце негде было выстирать и вытираться им было неприятно.

— Сейчас бы в теплую ванну! — подмигнул Григорий математику.

Худое лицо учителя делалось с каждым днем чернее. Под глазами лиловели широкие круги.

— Ванну! — повторил он злобно, — умыться бы в теплой комнате в тазу и то хорошо бы было. Нарочно мерзавцы в животных превращают, чтобы мы меньше думали.

— А зачем нам думать? Лошадь думает, у нее голова большая, — отшутился Григорий обычной солдатской поговоркой.

Холодная сырость землянки сразу развеяла иллюзию свежей бодрости, вызванную умыванием. Григорий попробовал было пройти в середину землянки к железной печке, но с одной стороны печки была устроена специальная койка для сержанта, командира одного из отделений, а с трех других сторон она была облеплена подростками. Мальчишки сидели кучей, грязные, неумытые, искали вшей и ругались. Григорий постоял в стороне и вернулся в свой угол к двери.

— Как такие ребята драться будут? — сказал Григорий математику, — они больше всего похожи на беспризорников.

— А никто и не дерется! — ответил тот обычным раздраженным тоном. — Я вчера встретил нашего дорожного комвзвода. Он говорит, что такого хаоса, который увидел в канцелярии штаба полка, во всю свою жизнь не видывал. Коммунист ведь, а только руками разводит.

Григорий, как всегда, промолчал. Он твердо решил никого не вербовать и ничего не предпринимать, пока не окажется на оккупированной территории. Именно поэтому он и рвался на фронт, но, как это ни странно, попасть в строевую часть было совсем не так легко.

После дележа хлеба, быстро уничтожив пайку, Григорий забрался было на нары, но вдруг дверь в землянку широко раскрылась и в клубах пара показалась какая-то фигура в шинели.

— А ну, выходи на общее построение! — гаркнул громкий голос.

— Пошли, — обрадовался Григорий, — может быть, наконец, переведут в настоящую часть.

— А чорт с ней с настоящей частью! — проворчал математик, неохотно слезая с нар.

На улице вдоль бесконечной крыши землянки, растапывая сугробы, вытягивался жиденький строй. Медленно, почесываясь и кашляя, вылезали красноармейцы, похожие на сонных мух. Судя по количеству выстроившихся, около половины осталось лежать на нарах. Никто не обратил на это внимания. Перед строем ротный разговаривал с двумя офицерами, одетыми в тулупы, треухи и валенки с кожаной осоюзкой. Когда построение закончилось, все трое подошли к строю. Григорий заметил, что лица у офицеров обветренные и суровые, а глаза колючие, дикие.

— Кто из вас умеет ходить на лыжах? — громко спросил ротный.

Строй молчал.

— Так-таки никто и не умеет? — повторил ротный иронически.

Лыжники зимой должны быть специальной частью, может быть, для прорыва в тыл противника, — быстро сосбразил Григорий и громко сказал:

— Я умею ходить на лыжах!

Один из офицеров в полушубке подошел ближе и посмотрел на Григория пристальным взглядом энкаведиста. Григорий сразу почувствовал врага. Офицер молча отвел глаза и пошел вдоль строя, отбирая из подростков тех, которые выглядели покрепче.

— Какого чорта навязывался? — прошипел над ухом Григория математик.

Григорий чувствовал себя не совсем хорошо. Либо вызываю подозрение, либо слишком стар с их точки зрения, — думал он с досадой. Возвращаться в барак было особенно противно, но упорство Григория от этой неудачи только окрепло и несмотря на здравый совет математика — переждать в лагере зиму и распутицу — Григорий упорно выходил каждый раз, когда происходил набор в какую-нибудь часть. Через неделю его взяли в минометную роту.

— Тебе, конечно, виднее, — печально говорил математик, прощаясь с Григорием, — но я бы на твоём месте не торопился. Куда спешить? Может быть, война к весне кончится! Зачем защищать режим, обреченный на гибель.

Григорий ничего не ответил, но крепко пожал на прощание руку учителя.

С момента, когда Григорий переступил порог землянки минометного взвода, жизнь его снова пошла бе-

шенным темпом. Позднее, стараясь восстановить последовательность событий этого периода, Григорий видел только яркие пятна и решительно не мог воссоздать «хронологию». Первое впечатление было радостное и обнадеживающее: землянка, освещенная дневным светом, посередине массивная коричневая печь, воздух кругом печи дрожит и колыхается, от печи идут волны тепла. Григорий стоит близко от раскаленных кирпичей и каждым мускулом, каждым промерзшим суставом впитывает в тело живительное тепло. Печка обмазана потрескавшейся глиной, сбоку в нее вделана плита. На плите в большом жестяном ведре кипит вода. Григорий наливает кружку кипятку и пьет, захлебываясь и обжигаясь. Становится упоительно жарко и Григорий снимает шубу, пиджак и остается в одной рубахе. Так тепло, что можно остаться в одной рубахе! Кругом печи нары не из сырых, скользких жердей, а из толстых досок. Землянка небольшая, в ней всего пятьдесят человек. Григорий получает место на нарах совсем недалеко от печки. Вечером он раздевается донага и прокаливает швы рубахи у раскаленной до-красна трубы. Вши почти уничтожены. Ночь Григорий спит в одном белье, подложив верхнюю одежду, вместо матраца. Незабываемо мягко и удобно!

Народ в землянке спокойный, молодежи почти нет. Это все те, кто почему-либо не попал в первую мобилизацию. Много партийцев. Партийцы держат себя скромно. Они подавлены катастрофой. Рядом с Григорием справа человек в пальто с каракулевым воротником и большими беспокойными глазами. В глазах тоска и напряженность. Это коммунист из районного центра, захваченного уже немцами. С другой стороны — тракторист с МТС, тоже коммунист, но спокойный, похожий на крестьянина.

На другой день Григорий понимает, почему в глазах районного партийца так много муки: это голод.

У минометчиков кормят вкуснее, чем в распределительном батальоне, вкуснее, но не сытнее и голод поэтому чувствуется вдвое острее. Суп приносят тоже два раза в день. Едят в своей землянке. Делят суп по маленьким порциям — по небольшой кружке на человека. Кружка немножко больше стакана. Дважды в день по стакану, чуть больше пол-литра супа плюс столовая ложка сахара и по пайке хлеба. На второй день согревшийся и пришедший в себя Григорий уже не может думать ни о чем, кроме еды. В таких условиях де-леж пищи приобретает особое значение. Григорий сразу сделался главным арбитром. Начинается с того, что его кружка очень подходит как мерка для де-лежа супа. Ведро ставят около печки на табурете, вокруг образовывается кольцо протянутых кружек и напряженных, не пропускающих ни одного движения Григория, глаз. Сначала разливается по полкружки навара и жижи, потом еще раз в каждую кружку на-кладывается гуща. Григорий делит четко, быстро, с математической точностью. Голодные, раздраженные люди не могут ни к чему придаться.

— Я тебя уважаю, — говорил после ужина партиец с беспокойными глазами, — делишь честно, — и прибавляет: никогда в жизни не думал, что еда имеет такое значение.

Глаза опускаются, партиец чувствует унижительность такой зависимости от желудка. Сам он не мог бы себя заставить разделить так честно, как разделил Григорий.

На другой день, когда вечером пошли за супом, партиец пошел с Григорием и хотел дорогой выпить полкружки супа. Григорий не дал ему этого сделать и тот, униженный и раздавленный, стал уважать Григория еще больше.

Несмотря на материализм, в нем еще крепко сидит крестьянская здоровая закваска! — подумал Григорий.

О военном обучении Григорий потом почти ничего не помнил. Несколько раз взвод выводили для маршировки, ходили между неподвижных сосен и резкий голос командовал:

— Раз — два, раз — два!

Кроме маршировки, зубрили устав строевой и гарнизонной службы, а также наставления к полковому, батальонному и ротному минометам. Лавок не было. Теоретические занятия происходили в землянке. Каждый сидел в своем углу на нарах и все дремали. Сознание работало нечетко: землянка плыла перед глазами, заслоняемая какими-то туманными кругами. Из-за тумана иногда выплывали фразы о стволе, прицеле и двуноге-лафете.

Через пять дней произошло сразу два события. Во взвод прибыло новое пополнение: три человека только что мобилизованных с освобожденной от немцев территории. Все они были из Солнечногорска. Запомнился Григорию только один: худой, черный, в добротной охотничьей куртке рыже-коричневого цвета. Он, видимо, еще не опомнился от мгновенной смены властей и боялся, что будет притянут к ответственности за то, что остался на территории, занятой врагом. Поэтому он сразу начал рассказывать о зверствах немцев, о том, как они сожгли его дачу при отступлении.

— Я отомщу за это, я отомщу! — почти кричал человек в желтой куртке, — только бы скорей попасть на фронт.

В этот момент дверь в землянку отворилась и вошло несколько офицеров.

— Есть желающие добровольно включиться в маршевую роту, отправляемую сегодня на фронт? — ска-

зал один из офицеров, — нам нехватает двух минометчиков.

Водворилось угрюмое молчание. Человек в охотничьей куртке мгновенно исчез за печкой, остальные притихли, боясь обратить на себя внимание. Григорий, ошарашенный известием об отступлении немцев, остался стоять посреди землянки. Ему пришло в голову, что раз немцы отступают, значит попадать на передовую в разгар морозов нет никакого смысла.

— Вот это один из наших лучших минометчиков, — услышал Григорий сзади резкий голос взводного командира.

— Ну как?

Лицо одного из пришедших офицеров, злое и насмешливое, было совсем рядом. Григорий увидел близко посаженные глаза и ломанную линию перебитого чем-то носа.

Не стану же я прятаться за печку! — подумал Григорий с отвращением и машинально ответил:

— Если я подхожу, то отказываться не буду.

Сосед Григория слева, простоватый партиец из МТС, извлеченный из толпы взводным командиром, тоже дал согласие. Последнее, что видел Григорий в землянке, было лицо соседа справа. В голодных глазах боролись радость и стыд: он ведь изучал минометное дело больше месяца и был подготовлен значительно лучше Григория.

Следующим красочным пятном, врезавшимся в памяти Григория, было получение военной формы. Землянка, заваленная обмундированием, железная печка и раскрытая настежь дверь. Красноармейцев, отправляемых сегодня, впускают подвое. Надо раздеться донага, сдать все свои вещи и получить новую военную одежду. Григорий протестует: на нем совсем приличный костюм и он хочет его сохранить. Молодой сер-

жант сначала спорит, но, увидев кожаный чемодан Григория, машет рукой и советует спрятать костюм под ватные брюки и шинель. Григорий отдает сержанту чемодан и быстро переодевается во всё новое. Шапка-ушанка, шинель, гимнастерка, ватные штаны, теплое белье, валенки и ботинки. Нет только телогреек. Почему их нет — неизвестно, но Григорию при наличии пиджака это не так страшно. Как выдержат другие на морозе без телогреек? — думает Григорий. Другие это главным образом подростки 1923-24 гг. рождения. Стоя в очереди, они дерутся, толкаются и плюют друг на друга. Кажется, что они совсем не представляют, что через несколько дней будут на фронте.

После получения формы — баня. В предбаннике стрижка под машинку. В холодной бане каждый получает по шайке чуть теплой воды и по микроскопическому кусочку мыла. Ребята продолжают баловаться, проливают воду, теряют мыло и одеваются, предварительно размазав грязь по худым бледным телам. Невероятно, чтобы такие смогли воевать! — думает Григорий.

Широкое растоптанное место между деревьями, подобие плаца. Густой неподвижный воздух, тяжелые ветви елей, дыхание выходит изо рта клубами пара. В полутьме таинственно блестят трубы военного оркестра, гремит бодрый марш. Через плац проходит взвод за взводом. Полковник с буденновскими усами заставляет сначала пройти по плацу в ногу, потом проползти метров пятьдесят по-пластунски. На этом кончается обучение строю и тактике. Затем каждый взвод проходит в пустую землянку, и красноармейцы по очереди подписывают текст присяги, потом идут три километра по пустому, притаившемуся в тумане, полю к составу красных двухосных теплушек. Ребята после оркестра и маршировки затихают и подтягиваются. К

удивлению Григория, они вдруг делаются похожими на солдат.

Три дня в поезде проходят за варкой каши и супа из концентратов и в бездумном сне. После эшелона мелькает Тула. Немцы только что отступили от города и он притих пустой и темный. Сутки в казармах. Такое впечатление, как будто в них только что побывал противник. Все перевернуто, переломано, полы сняты на отопление, в библиотеке книги на полу и сверху устроена уборная, портреты вождей валяются порванные и изгаженные. Во дворе пустой гараж. На бетонном полу разбросаны гильзы, пулеметные ленты, немецкие винтовки. В углу, на стене и на полу, следы пуль и крови. Здесь кого-то расстреливали. Кого?

Жителей Тулы Григорий не видел совсем. Выгрузились ночью, пробыли сутки в казарме и ушли ночью же. На улицу никого не пустили, днем бродили по казармам и варили концентраты. Фронтной паек казался роскошью по сравнению с гороховым супом. На следующую ночь выступили по направлению к Калуге. Колонна тысячи в три человек, какие-то временно назначенные командиры батальонов, рот и взводов; никто их не знает в лицо и никто не слушается их приказаний. Григорий знает, что есть майор — командир эшелона, что завтра должны быть в районном центре З., что номер эшелона 3156.

Местность за городом холмистая, много оврагов, косогоров. Вместо лесов тощие перелески. В деревнях дома кирпичные, несуразно длинные, безобразные. Колонна, как черная змея, растягивается по дороге. Ни звезд, ни луны, одна морозная мгла. Через каждый час привал на десять минут. Григорий чувствует, что мороз перевалил за двадцать градусов и боится садиться. Подростки валятся кучей в сугробы и не хотят вставать по команде. Постепенно все мешается: нет

ни рот, ни взводов, ни командиров. Идет беспорядочная толпа, растянувшаяся по дороге на несколько километров. Григорий идет и ему кажется, что ни дороги, ни ночи конца не будет. Было уже пять привалов, стало быть, прошли больше двадцати километров. Валенки не разношены, в лагере все отвыкли от больших переходов. — О чем думает начальник эшелона? — соображает Григорий. Проходит еще час. Григорий чувствует, что ноги его плохо слушаются, кроме того пятка правого валенка невыносимо жмет. — Этак, пожалуй, не доходя до фронта, упадешь и замерзнешь, — начинает бояться Григорий.

Справа от дороги показывается деревня. Она всего полкилометра в сторону.

— Ребята, — говорит Григорий ковыляющим около него серым теням, — пошли ночевать в деревню. Завтра догоним, до 3., наверное, километров десять. Утром за два часа дойдем.

Около Григория собирается кучка красноармейцев. В этот момент прошедшие вперед резко сворачивают и прямо целиной идут к деревне. Григорий лезет по колено в снегу и видит, что по всему полю между деревней и дорогой копошатся черные точки. Зрелище напоминает атаку укрепленного пункта противника. Теперь Григорий не боится, что его обвинят в дезертирстве: больше половины колонны самовольно свернуло с дороги. Теперь надо суметь попасть в теплую избу. К деревне идет около двух тысяч, домов не больше тридцати, надо успеть занять место. Первый дом полон, у дверей толпа, слышен голос хозяйки:

— Родимые, и рада бы, да сами видите: полно у меня, полно, сени и те полны!

Григорий бежит дальше под гору к последним домам. Слава Богу! Там только что разбудили хозяев и Григорий поспевает за последним вошедшим бойцом.

Длинная полутемная изба без перегородок. С печки из-под тряпья на вошедших глядят испуганные ребятишки. Старик хозяин в стоптанных валенках и полушубке идет за сеном. Хозяйка поспешно отодвигает стол в самый угол и убирает лавки. Появляется сено — холодное, душистое. Им застилают весь пол. Григорию достается место у двери, рядом с лавкой, на которой стоят ведра. Пахнет сеном, сыростью и жестью. Мягко, и от большого количества людей изба быстро согревается. Григорий ложится на шинель и кладет вещевой мешок под голову. Хорошо!

В дверь стучат. Открывать бессмысленно: весь пол занят. Хозяин через окно кричит, чтобы шли дальше. Опять стучат. Хозяин молчит, стук прекращается. Григорий начинает забываться. Снова стучат. На этот раз тихо и нерешительно. Григорий слышит недовольный женский голос:

— Полно, полно у нас, проходи дальше.

Водворяется тишина. Из-за двери слышен очень тонкий детский голосок:

— Пусти, тетенька, замерзаю!

Дверь скрипит. Григорий открывает глаза и видит в облаке пара тщедушную фигурку, шапку, надвинутую на глаза, и очень тоненькую шею, беспомощно торчащую из чрезмерно широкого ворота шинели.

— Как же это тебя такого призывали?? — растерянно говорит хозяйка и вдруг всхлипывает. Непреодолимая сила закрывает глаза Григория. — Как же тебя зовут? — спрашивает женский голос.

— Андрей Андреев, — отвечает солдатик.

— Полезай, Андрюша, на печку к ребятам, — говорит хозяйка.

Все сливается в сознании Григория и он засыпает. Иногда он слышит сквозь сон, как стучат в дверь, потом в окно, потом опять в дверь, но никого уже в избу не пускают.

Утром Григорий ест вместе с другими красноармейцами вареную картошку из громадного черного чугуна и расспрашивает хозяйку про немцев. Хозяйка охотно рассказывает. Красноармейцы слушают внимательно и жуют. Из их ртов идет пар не от мороза, а от горячей картошки. Андрей Андреев сидит против Григория. Лицо у него бледное, глаза голубые, нос тонкий, рот маленький. Ворот гимнастерки так же широк, как ворот шинели.

— Какие немцы? — ласково-иронически начинает хозяйка, — таких вот ребятишек, как Андрюша, у них в армии нет, войско рослое: молодец к молодцу. Все больше на автомобилях да на мотоциклах ездят.

— А обижали вас? — спрашивает Григорий.

— Обижать не обижали, — отвечает хозяйка и глядит строго на Григория. — Гусей поели...

— К печке никого из нас не подпускали, — подходит к столу хозяин. — Жрали с утра до вечера! Ощипят сразу несколько кур и в котел, а потом разденутся донага и вшей бьют прямо при бабах — срамотища!

— А кого-нибудь расстреляли? — спрашивает Андрюша и глаза у него от страха круглеют.

— Расстреливать никого не расстреливали, — хозяин делает безразличное лицо. — Председателя колхоза старостой назначили, так его, когда наши вернулись, один командир из нагана застрелил.

Водворяется неловкое молчание. Все жуют картошку, обжигая язык и губы.

В 3. Григорий получил паяк и узнал, что следующим пунктом сбора назначен Н. Никто не сделал ему никакого замечания и дальше он пошел с маленькой группой красноармейцев, не дожидаясь темноты с расчетом переночевать где-нибудь, не доходя Н. Снова

повеяло свободой, снова Григорий мог проявить инициативу. Причиной такого либерализма было то, что на первом переходе замерзло около сотни красноармейцев, главным образом молодежи. Сорок трупов нашли на дороге, остальных в сараях и стогах сена. Начальник эшелона испугался, поехал собирать покойников, а в его отсутствие колонна пошла самотеком. Солдаты двигались без всякого руководства от пункта к пункту, собираясь для получения пайка. Крестьяне принимали радушно, особенно старались пожилые крестьянки-матери. Они варили концентраты, давали картошку, поили молоком. О немцах все жители отзывались скорее сочувственно. Отступившие никого не расстреляли, не было слышно о насилиях. Все говорили о хорошем состоянии немецкой армии, о большом росте солдат, красивой форме, строгой дисциплине и обилии техники. Немцы отбирали только белые скатерти и простыни для маскировочных халатов, резали гусей и мылись, не стесняясь присутствия женщин. По какому принципу назначали они старост и полицейских, Григорий, несмотря на все расспросы, установить не мог. Видимо, коменданты руководствовались при этом только собственной фантазией. О голоде в лагерях военнопленных Григорий не слышал ничего, под Тулой их просто не было.

Шесть дней шел Григорий от Тулы до Калуги. Под Калугой почувствовалась близость фронта. Стали попадаться разбитые танки, обломки повозок, ящики со снарядами и неубранные трупы. Вечерело, когда Григорий подходил к городу. На снегу догорали красные отблески ушедшего за кружевной, хрустальный лес солнца. Пахло гарью. На широкой разъезженной дороге попадались воронки от снарядов и опаленные вмятины минных разрывов. В нескольких шагах от дороги Григорий увидел труп в зеленоватой шинели. Немец лежал, сложив руки по швам, ветер трепал тем-

ные волосы, глаза были закрыты, длинные ресницы побелели. Труп лежал спокойный и неподвижный. Григорий с мучительным любопытством вгляделся в правильное красивое лицо. Крестьяне правы: войско на-верное хорошее, но что они думают у нас делать? Неужели надеются просто-напросто завоевать? Не может этого быть!

Труп лежал гордый, одинокий и безответный. — Одной гордостью и отвагой Россию не возьмешь, — подумал Григорий и пошел к притаившемуся в розовой мгле городу. Бои, по слухам, шли в нескольких километрах за Калугой.

Глава восьмая

ПОД КАЛУГОЙ

Из избушки вышел крепкий, ладно скроенный паренек в черной ватной телогрейке, черных ватных штанах и серых валенках. Холодный ветер трепал негустые русые волосы на круглой голове. Паренек больше всего напоминал Григорию концлагерного десятника из раскулаченных. Посмотрев на пополнение спокойными серыми глазами, паренек спросил:

— Стрелять из винтовки умеете?

— Нет, — ответил Григорий, — знаем теоретически миномет.

Паренек иронически усмехнулся:

— Минометов у меня для вас нет, а ночью вам придется идти в бой с винтовкой.

— В бой... — сердце у Григория екнуло. Паренек сказал это так просто, как десятник сказал бы вновь прибывшим рабочим: — Ну что же, ребята, сегодня день отдохнете, а завтра на работу.

— Утром ели? — спросил паренек, так же тихо и ласково, как говорил, видимо, всегда.

— Ели, — ответили красноармейцы.

— Тогда занесите вещи в избу и пойдете.

Снег в овраге был чистый, глубокий, нетронутый. Почерневшее жестяное ведро четко выделялось на го-

лубоватом фоне. Паренек-комвзвод растоптал вокруг себя хрупкий, хрустящий снег и лег на живот, сильно раскинув ноги.

— Целиться надо так, — он вскинул винтовку и прицелился, — спускать курок будете, не рвите, а спускайте мягко, постепенно. Теперь ложитесь и стреляйте по очереди.

Все прибывшие стали ложиться и выпускать по обойме. Никто не попал в ведро. Паренек покачал головой:

— Пополнение! Потому нашего брата так и бьют. Я неделю тут воюю: за неделю трех комвзводов убили. Последнего вчера ночью... а теперь вот самого назначили. — Комвзвод посмотрел на своих солдат пустым взглядом, взял винтовку и пошел к деревне.

На обед получили много пшена и мяса. Ни хлеба, ни соли не было. Готовила хозяйка: быстрая, решительная женщина лет сорока.

— Соли дала своей, — ворчала она у печки. — Командиры ваши жрут небось не так, а солдат без хлеба и соли...

— Не ругайся, мамаша, — возразил комвзвод, — я вот командир, а есть буду вместе с солдатами.

— Знаю какой ты командир! — набросилась на него хозяйка, — вчера еще солдатом был. В бой некого посылать, вот ты и командир... Вон у Марьи капитан и комиссар живут, те с солдатами есть не станут. Знаем мы их!

Наевшись досыта каши с мясом, Григорий неудержимо захотел спать. В комнате за кухней на полу была постлана солома и Григорий сладко вытянулся. — Как тепло и как сытно... Григорий забыл о войне и заснул без снов, как ребенок.

Вдоль деревни растянулось странное шествие, похожее на шествие духов: несколько сот человек в белых маскировочных халатах, в простынях и скатертях, накинутых на плечи, с капюшонами и полотенцами на головах. Шли тихо, молча, не торопясь. Только иногда доносилась приглушенная ругань командиров. Строй никто не соблюдал. Оружие было сборное: от русских трехлинеек до немецких автоматов. Чувствовалось, что ни командирам, ни бойцам не хотелось идти почти на верную смерть. Наступать казалось бессмысленным, отменить приказ никто не мог. У Григория не было ни оружия, ни маскировочного халата. Парне-комвзвод за полчаса до выступления разбудил его и сказал, что у него нет лишней винтовки для Григория и что Григорий пойдет в качестве помощника ротного санитаря. У плюгавого, маленького санитаря было два помощника: Григорий и здоровый, добродушный парень. Шли они сзади. Санитар на ходу объяснял задачу:

— Будем атаковать немцев. Укрылись они в деревне, вон за тем лесом, — санитар говорил нервной скороговоркой и указывал рукой на темнеющий вдали бор. — Наше дело держаться за 11-ой ротой и выносить из огня раненых. Раненых других рот мы посить не обязаны и незачем это делать. — Санитар посмотрел на Григория и парня мышинными, бегающими глазками.

— А немцы держатся упорно? — спросил Григорий.

— Три ночи уже в атаку ходили, — посмотрел на него раздраженно санитар, — 60% личного состава потеряли. Сегодня будем заходить с тыла.

Григорий опять посмотрел на бор. Он стоял на горе, отделенный от движущейся к нему части широкой долиной, состоящей из двух пологих скатов, спус-

скающихся к невидимой подо льдом и снегом речке. Перед бором сплошной полог синевато-белого снега, над бором глубокое, брызжущее светом бесчисленных звезд, небо. Бор черной чертой разделял небо и землю и за ним был другой, неведомый мир, где большевизм был уничтожен, где впервые за 25 лет происходила встреча России и Запада.

Спустились вниз по узкой проселочной дороге и стали подниматься кверху. Чем ближе надвигался ровный строй сосен, тем более не по себе делалось Григорию. Около самого леса почему-то остановились. На дороге и около дороги темнели неправильные опалыны минных разрывов — небольшие ямки в снегу и широкий размет черной пыли вокруг ямок.

Идем кучей, — подумал Григорий, — как бы не обстреляли!

Постояв минут пятнадцать, колонна двинулась вдоль леса. Потом она повернула и над головами сомкнулись отяжелевшие от снега ветви сосен и елей. От сильного мороза снег хрустел громко и сухо и Григорий опять испугался, что немцы услышат этот хруст и откроют огонь.

— Не курить и не разговаривать, — передали по рядам приказ с головы колонны.

«Значит, противник близко», — подумал Григорий.

Лес начал редеть и мельчать. За кустарником показалась опушка — большая поляна, освещенная слабым светом звезд. Колонна повернула, вытянулась, приостановилась и белые тени поползли к опушке. Санитар подозвал Григория и высокого парня совсем близко и, наклоняясь то к одному, то к другому, зашептал синими дрожащими губами:

— Вытаскивать только своих раненых... тут сейчас такое начнется! Лучше всего: взял раненого, снес

к саням и прячась в кусты до конца боя. — Скулы санитар обострились, глаза фосфорически блестели. Нервное напряжение передавалось подчиненным.

Трус, — подумал Григорий, чувствуя, что и его начинает трясти животный страх.

— А где же сани? — спросил он, стараясь справиться со своими нервами.

— Пойдемте, я вам покажу, — обрадовался санитар и быстро пошел назад по той же дороге, по которой только что пришли.

Лошади были совсем недалеко, в том месте, где кончалось мелколесье и начинался крупный лес. Сани стояли в целине по обеим сторонам дороги. Покрытые инеем, лошади мотали головами, топтались и прядая ушами, напряженно прислушиваясь к тому, что делается на опушке. Бородатые старики в длинных шубах поверх тулупов суетились около саней. Волнение чувствовалось здесь больше, чем на самой передовой.

— Ну, ладно! Видели... пошли обратно, — сказал Григорий, замечая, что санитар не собирается уходить.

— Идите, я вас догоню, — страх сделал голос санитару неузнаваемо отвратительным.

Григорий повернулся и, чтобы не потерять контроля над своим отяжелевшим телом, быстро пошел к опушке. Сзади него захрустел снег — это был второй помощник санитар. Цепи уже залегли и их почти не было видно. Казалось, что Григорий и его товарищ идут одни по замороженному, как в страшной сказке, лесу навстречу притаившейся опасности.

— К какой роте мы прикомандированы? — спросил Григорий парня.

— Забыл, — ответил тот тихо.

Григорий не мог вспомнить, какой номер называл санитар, когда они еще шли по дороге и не вышли в

лес. Наплевать! — успокоил он сам себя. — Буду выносить тех, кого ранят, и все... Какие тут еще роты! Всего то наступает 300 — 400 человек, а они называют это полком!

— Давай договоримся, в случае чего, друг друга не бросать, — услышал Григорий над ухом упавший голос.

Широкое лицо парня было совсем близко; в глазах больше безнадежной тоски, чем страха.

— Ладно, — согласился Григорий, начиная чувствовать близость к своему случайному товарищу.

Дойдя до того места, откуда их увел санитар к подводам, Григорий осмотрелся. Впереди лежало несколько белых фигур, зарывшихся в снег. Григорий подошел ближе. Фигуры лежали неподвижно, вытянув ноги и положив голову на руки. Григорий прислушался и услышал ровный, тихий храп и посапывание.

— Спят черти, — прошептал парень, — давай и мы окопаемся.

Молча разрыли снег почти до твердой, покрытой льдом земли и легли в неглубокую яму.

Как они могут спать перед боем на 15-ти градусном морозе! — озноб пробежал по телу Григория. Он поправил шлем и уткнул нос в рукав шинели. — А хорошо бы действительно заснуть, забыть про предстоящий бой, про мороз, про войну.

Плечо парня упиралось в плечо Григория и с этой стороны было не так холодно. Заснув на морозе, можно вообще замерзнуть. Григорий вспомнил, что почти у всех солдат, прибывших вместе с ним, нет телогреек, что на первом же переходе, после выгрузки из эшелона, замерзло сто человек. А может быть заснуть и замерзнуть легче, чем идти в бессмысленное наступление, напрягаться, испытывать животный страх, а

потом быть убитым или изуродованным? Изуродованным! — Григорий согласился бы, чтобы его сейчас, немедленно ранили и он очутился бы в теплой комнате в мягкой постели. А где сейчас теплые комнаты в России? Везде холод, террор... Где Катя, что с ней, что она сейчас делает? Может быть, она молится за меня. Господи, помоги пережить всё это!

Где-то сбоку раздался четкий хруст снега. Григорий поднял голову. Высокая фигура в белом саване, на шее автомат. Шаг широкий. Время от времени останавливается и дает лежащим в снегу какие-то приказания. Вот она подошла совсем близко, слышен голос тугой, грубый. Приказ и ругань кощунственная, отвратительная. Перед смертью они тоже вспоминают Бога, но как! — думает Григорий.

— Сигнал атаки: красная и зеленая ракеты, — долетает до Григория, — и чтобы сразу идти в наступление, а то я вас...

Кого он этим запугает или ободрит? В его собственном голосе предельное напряжение, почти отчаяние. Мерзавцы! Обокрали душу русского человека... а русские люди спят перед боем в снегу и ничего не отвечают. Едва ли они будут наступать; восстать они не могут, но объявить итальянскую забастовку под огнем противника пожалуй сумеют. А как вообще можно наступать! Пулеметчики пулеметной роты будут стрелять первый раз из пулемета, у минометчиков нет минометов, стрелки не умеют пользоваться винтовками...

Ноги стали мерзнуть. Григорий встал и, прячась за куст, стал топтаться на месте. Белые фигуры лежали неподвижно. Что-то хлопнуло и над мохнатыми от инея кустами взвилась вверх красная ракета, поднялась высоко в небо, рассыпая искры, остановилась и затем медленно поплыла вниз. В то же мгновение снова что-то хлопнуло и пересекая трассу красной

взлетела изумрудно-зеленая ракета и сейчас же, ломая хрустальную тишину синей ночи, защелкали, затрещали, захлопали ружейные и пулеметные выстрелы. Какие-то белые фигуры на самой опушке стали перебегать, низко-пригибаясь к земле. С двух флангов, наперекрест друг другу, полились золотые капельки трассирующих пуль пулеметов. На белом пологе поля, за которым в неведомой дали скрывалась деревня, занятая неприятелем, красными зловещими бликами затрепетало пламя и Григорий ясно увидел соломенную крышу сарая в которую продолжала вонзаться расплавленная струя трассирующих пуль. Ближайшие к Григорию солдаты продолжали лежать, распластавшись в снегу, не подавая признаков жизни.

— Ложись скорее! — громко крикнул второй санитар, — ложись скорее, а то...

В общем треске и гуле стали выделяться хлопки разрывов ротного миномета. Немцы открыли ответный огонь. Григорий бросился на землю и в тот момент, когда его руки уперлись в ледяную корку, над головой что-то ухнуло и по шлему скользнул осколок.

— Не ранен? — спросил озабоченный голос соседа.

— Кажется, нет.

Григорий снял варешку и ощупал плечи и ворот. В вороте шинели была совсем новая, только что появившаяся дырка. С этого мгновения воздух наполнился непрерывным свистом. Над головой всё время что-то пролетало, мины рвались почти непрерывно. Зарево увеличилось. Полежав, Григорий поднял голову и увидел, что трассирующих цепочек с флангов уже нет, а солдаты впереди лежат, как лежали. — Может быть, они уже замерзли, — подумал Григорий, — надо посмотреть.

Вставать было очень страшно и именно поэтому Григорий заставил себя это сделать. К удивлению

его, близко ничто не разорвалось и Григорий смог беспрепятственно перебежать несколько шагов вперед. По дороге попадались почерневшие ямки.

— Живы? Не ранены?

Григорий, став на колени, тряс сразу двух солдат за плечи.

— Нет... а тебе что надо? — не сразу поднялись два недовольных лица.

Григорий вернулся в свою яму и опять лег рядом с большим распластавшимся парнем.

— Есть впереди раненые? — спросил тот, не поднимая головы.

— Нет.

Григорий чувствовал некоторое удовлетворение от того, что не побоялся встать и выполнить свой долг, несмотря на огонь противника.

Хлопанье немецких мин усилилось. Впереди иногда раздавались хриплые крики команды, но в атаку поднимались только отдельные красноармейцы и, видя свое одиночество, сейчас же ложились. Сарай сгорел и пламя почти погасло. Небо над деревней, занятой немцами, стало светлеть. Советские пулеметы давно молчали и раздавались только отдельные ружейные выстрелы. Бой сам собой прекратился. Слева, там, куда ушла вечером голова колонны, затрещал снег. Григорий приподнялся. Белые тени двигались от опушки вглубь леса. Наступление кончилось.

Когда Григорий проходил мимо того места, где стояли сани для раненых, он увидел несколько трупов, лежавших на помятом снегу. Лица у всех были спокойные, окостеневшие от мороза. Григорий подошел посмотреть, нет ли среди них знакомых. Нет, это были чужие, по большей части молодежь. Некоторые казались детьми. Может быть даже не все из них погибли от немецкого оружия, — подумал Григорий. Те, у которых не было телогреек, могли просто замерз-

нуть, заснув, как спали лежавшие впереди Григория бойцы.

Когда колонна собралась снова под прикрытием большого леса, Григорий заметил, что она сильно поредела. Из разговоров солдат он понял, что некоторые взводы и роты все-таки наступали и даже продвинулись до околицы деревни, но назад вернулись только единицы. Совсем рассвело и можно было разглядеть лица. Все осунулись, побледнели, на всех был отпечаток радости от сознания, что непосредственная опасность миновала. Из-за того, что на большинстве были маскировочные халаты, трудно было понять кто солдат, кто офицер. Какой-то совсем молодой автоматчик, похожий на студента-первокурсника, рассказывал собравшимся около него, таким же молодым солдатам, как его командир роты остался в лесу под кустом и приказал ему вести роту в наступление, несмотря на то, что он был первый раз в бою, как он выдвинулся вперед и перестреливался уже на поле в овраге, подходившем вплотную к деревне, с немецкими автоматчиками и не отступил бы, если бы не приказ. Звонкий голос звучал громко, молодой человек был очень возбужден и, видимо, ничего не боялся.

— Безобразие, — кончил он рассказ, — кадровые командиры прячутся, а нас, необстрелянных комсомольцев, посылают вперед.

— Комиссар идет, — сказал кто-то из группы слушателей.

— А что мне комиссар? — задорно ответил молодой человек, но все-таки замолчал.

Мимо прошел приземистый черный мужчина с автоматом, сзади шел его ординарец с большим термосом в руках. Комиссар прошел молча и неодобрительно покосился на собравшуюся группу. Григорий пошел следом за ним. Комиссар вдруг остановился и поглядел на Григория опухшими глазами.

— Почему без винтовки? — спросил он.

— Я санитар, — ответил Григорий.

— Санитар? — повторил комиссар недоверчиво и снова пристально посмотрел на Григория. — Санитар, так помни: если раненый способен сам двигаться, то обязан вынести в тыл личное оружие. Без личного оружия раненых, не потерявших сознания, пункты первой помощи не принимают.

Комиссар повернулся и пошел по дороге, лавируя между кучек кутивших солдат. Григорий стал искать старшего санитаря, чтобы вторично не нарываться на замечание. Нашел он его не без труда уже тогда, когда колонна двигалась.

Санитар посмотрел мимо Григория и сказал:

— Двадцать процентов за одну ночь потеряли.

Лицо его очень обострилось, горбатый вороний нос мрачно торчал из заросших черной щетиной щек. Как явно он боится смерти, — подумал Григорий, — и как ее трудно избежать, даже прячась во время боя по кустам.

Когда Григорий снова входил в избу, в которой стояло его отделение, то чувство радости у него уже прошло. Было ясно: дадут отдохнуть до вечера, а ночью снова погонят в наступление. Он сразу лег на солому и заснул. Спать было свободно: из 15 человек, бывших в комнате вчера, осталось 8. В обед хозяйка разбудила его есть. Снова каша с мясом. Ел Григорий с удовольствием и радовался, что в избе тепло. В конце обеда он спросил у хозяйки, не видела ли она командира взвода, симпатичного паренька в черной телогрейке. Полное лицо хозяйки с черными кругами под глазами исказилось гримасой и она отвернулась от Григория. Григорий понял. Хозяйка утерла глаза платком и с трудом выговорила:

— Силы моей больше нет: на убой гонют. Так вот каждый день новые и новые... только которого немного хоть в лицо запомнишь, глядь и убит...

Григорий, как в тумане, посмотрел вокруг себя. Да, и он видел, как впервые, бойцов своего батальона! Только утиный нос широколицего парня, с которым он пролежал эту ночь в снегу под немецким огнем, показался ему знакомым. Восемь человек ели молча, не смотря друг на друга. Вчера их было пятнадцать, завтра будет пять или три. Зачем знакомиться, зачем вызывать друг в друге чувство дружбы или симпатии? Жизнь уже нереальна — самое большее три-четыре дня вместе... как тени, они уйдут неизвестно куда, — думал Григорий.

В конце стола сидел солдатик, казавшийся совсем мальчиком. Из не в меру широкого ворота гимнастерки торчала тоненькая шея, худое личико было миловидно, как у девочки. Это был тот солдатик, которого тульская старуха пустила ночевать в переполненную уже избу, услышав через дверь тоненький детский голос.

Еще жив, — подумал Григорий. — Сколько такой протянет хотя бы из-за одного мороза!

Хозяйка подошла и подложила подростку каши.

— Спасибо, тетенька, --- начал тот отказываться, я больше не хочу.

Хозяйка хотела что-то сказать, но отвернулась и всхлипнула.

--- Тебя как зовут? -- спросил Григорий.

--- Андреем, — ответил тот и посмотрел на Григория, — и фамилия моя Андреев.

--- Андрей Андреев, — почему-то повторил про себя Григорий, стараясь запомнить это простое имя.

Наевшись, Григорий опять почувствовал апатию и безразличие и пошел на солому. Спать было плохо.

Около самого дома поставили тяжелую пушку и при каждом выстреле казалось, что дом сейчас развалится, окна вылетят, а голова расколется пополам. Несмотря на это, Григорий успевал спать в промежутках между двумя выстрелами и каждый раз снова просыпался от ужасного грохота. К вечеру в избу пришли какие-то люди. Сквозь полусон Григорий услышал голос хозяйки:

— Сейчас затоплю, новых кормить надо.

«Пополнение», — подумал Григорий и заснул. Пушка замолчала; снаряды, видимо, кончились.

Вереница белых теней опять шла по дороге к лесу. Скрипел снег, мороз жёг щеки и нос и только из-за этого всё происходящее казалось не кошмаром, а реальностью.

Внутри Григория было тепло от выпитой водки. Когда полк выстроили на улице, то по взводам разнесли ящики с водкой. Старшина наливал каждому бесцветную жидкость в гранёный стакан и каждый выходил из строя, пил, крякал и снова возвращался на свое место.

Опушка леса неуклонно приближалась и с каждым шагом росло отчаяние Григория. Григорий шел и молился: — Господи, помоги, выведи, спаси... Где выход? Перейти к немцам нельзя — они отступают, они окружены. Невозможно перейти во время наступательного боя. Надеяться на ранение? Опять тыл, госпиталь, потом опять фронт или увечье, полная невозможность продолжать борьбу. Господи, дай сил, Господи, выведи...

Григорий с ужасом думал, что надо будет опять лежать в снегу, что опять будут свистеть пули. И зачем все это, зачем ему воевать против немцев? Их

победа — единственный шанс избавления России. Воевать против них нельзя, быть зрителем и переживать весь этот ужас нет больше сил. — Господи, спаси, выведи... Отчаяние Григория не было таким острым, как тогда в лесу, в концлагере, когда он впервые понял, что нельзя жить без Бога. Теперь не было внутреннего кризиса, была тупая усталость, не было сил терпеть дальше.

Лучше потерять руку или ногу и отдохнуть, — думал Григорий. — Как терпят те части, которые вообще живут неделями под открытым небом? Говорят, если завернуться в плащ-палатку и зарыться в снег, то можно хорошо заснуть. Но для этого нужен очень рыхлый снег, а там, в лесу, где мы наступали, снег уже вытоптан, кроме того нет плащ-палатки.

На границе бора и мелколесья стоял легкий танк и в нескольких шагах сзади танкетка. Танк только что наехал на мину и порвал гусеницу. Командир танкетки, молодой высокий лейтенант, стоял у своей машины и спорил с комиссаром. Комиссар настаивал на том, что танкетка должна пройти вперед и поддерживать наступление пехоты.

— Чего же вы глядели? — почти кричал лейтенант. — Немцы у вас под носом минировали все подступы к деревне, а вы ушли в деревню и постов даже не оставили. Разминируйте опушку, тогда я двинусь вперед, а подрываться до начала боя не имеет никакого смысла.

Пока шел этот спор, полк, вернее, неопределенного состава часть, почему-то сохранившая название полка, начала разворачиваться. Вся операция слепо повторяла то, что делалось накануне и это было всего тягостнее для Григория. Опять он должен был выносить раненых какого-то батальона, уже не роты, и опять он не понимал, где граница фронта, занимаемого этим батальоном, кто командир и что он должен делать,

имея при себе только один индивидуальный пакетик, которым самое большее можно было перевязать одного легко раненого.

Немцы пока не замечали или делали вид, что не замечают шума, поднятого разворачивающейся частью и танками. Видимо, у них не было артиллерии и мало патронов. Старший санитар пропал, как только кончилось занятие рубежа атаки. Григорий и рослый парень заняли одну из вырытых накануне ямок, сделанную в минометной воронке. Впереди них лежали прибывшие накануне солдаты, среди которых было много татар. Татары тихо переговаривались, не совсем правильно выговаривая русские слова.

Может быть, все и не так страшно? — подумал Григорий, — может быть, немцы разбиты нашей артиллерией и взять деревню будет совсем не трудно?

Наконец, все заняли позиции, залегли, и в лесу водворилась тишина. Только мороз был такой, что деревья трещали. Можно было удивляться, почему среди русских почти не было обмороженных. Григорий всё время ждал сигнальных ракет, а их всё не было. Так прошло часа полтора. Далеко влево блеснул желтый свет. Ракета! Григорий ее чуть не пропустил. Рядом загорелась такая же красная звезда. Ракеты выбросили где-то далеко. Может быть, готовится перекрестное наступление? — пронеслось в мозгу Григория.

Опять, как вчера, затрещали ружья и пулеметы. Оба танка открыли огонь. Треск крупнокалиберного пулемета танкетки, стоявшей сзади Григория, был так силен и резок, что барабанные перепонки заныли от боли. На этот раз командование видимо принимало все меры к тому, чтобы поднять цепи для атаки. Ругательства командиров едва не заглушали треск пулеметов. Немцы сразу стали отвечать с той же интенсивностью, как накануне. Татары по одному стали

перебегать к опушке. Одного ранило в руку. Григорий подбежал к нему, чтобы помочь, но тот сам очень поспешно побежал в тыл. Дойдя до опушки, татары залегли и уже больше не поднимались. Вдоль леса тянулось два ряда какой-то проволоки. Очевидно, там начиналось минное поле. Ругань замолкла. Танкетка сзади продолжала раздирать слух невыносимым треском. Все больше и больше было убитых и раненых, но ни к одному раненому Григорий не успевал подойти. Легко раненые убегали в тыл сами, тяжело раненых выносили товарищи, выходя таким образом из-под немецкого огня. Понемногу стало светать. Приказа об отступлении всё не было. Огонь замирал сам собой. Григорий со вторым санитаром лежали в снежной яме у самой опушки. Впереди, в такой же яме, лежали два татарина, а в двух шагах от них взводный или отделенный командир.

— Чего вы, ребята, не стреляете? — долетел до Григория встревоженный шопот командира, боявшегося, наверно, вышестоящего начальства. Ребята угрюмо молчали.

— Стрельните хоть по разу, черти! — настаивал командир.

Григорий приподнял голову. Один татарин взял лежавшую рядом с ним винтовку, высунул дуло из укрытия и выстрелил, не целясь. В этот момент откуда-то спереди раздался крик:

— Санитары, санитары...

— Это не наша рота, — проворчал лежавший рядом с Григорием санитар, не поднимая головы.

— Санитары, санитары, — продолжался безнадежный крик.

— Надо пойти, — сказал Григорий, приподнимаясь.

Крик доносился из кустов, острым мысом врезавшихся в поле, расстилавшееся перед опушкой.

— Это не наши. Это пулеметчики туда выдвинулись, — сказал второй санитар, тоже поднимаясь.

— Санитары, санитары, — крик был полон отчаяния и безнадежности.

— Надо идти, — сказал Григорий и быстро побежал к опушке.

Григорию казалось, что он некоторое время слышал за собой шаги своего товарища, но вскоре незаметно для себя он очутился один перед проволокой, окутывавшей опушку. Григорий остановился в нерешительности, оглянулся и увидел рядом с тем местом, где стоял, заросшее черной щетиной лицо комиссара. Комиссар лежал в цепи и, как другие, не решался преодолеть минное поле. Круглые совиные глаза на минуту остановились на Григории и отвернулись в сторону. Григорий спрятался за куст и выпрямился. Деревня была скрыта небольшим пригорком. Из-за него высывалась одна крыша почти полностью и несколько других крыш только коньками и трубами. Между опушкой и крышами было открытое поле шириной в 300-400 метров. Справа от Григория, там, где кустарник клином врезался в поле, вдоль него шел широко растоптанный след к самому дальнему кусту, метров на 70 в поле. Там стоял замолкший пулемет. Около пулемета копошилась черная фигура, склонившаяся над чем-то, что неподвижно лежало в взрыхленном снегу.

Свой же красноармеец, надо вынести, — подумал Григорий, — так самого ранят и останешься замерзать.

Григорий опять согнулся и побежал вдоль цепи стрелков к тому месту, где пулеметчики проложили дорогу через минированное поле. Быстрее, быстрее... Переводя дух за кустами, Григорий прыгал из следа в след, приближаясь к пулемету. Вот он, повернутый куда-то в сторону, зарытый дулом в снег. К Григорию

поднялось широкое монгольское лицо единственного оставшегося в живых пулеметчика. Он ничего не сказал Григорию, но в карих бархатных глазах засветилась благодарность. Раненый лежал без сознания, да был ли это раненый, может быть убитый? За треском возобновившейся перестрелки слушать дыхание было невозможно. Черные ватные шаровары продырявлены у бедра, с другой стороны тоже дыра и кровь. — Прострелен навывлет в таз, едва ли выживет, если еще не умер. Как его нести? — подумал Григорий. Он снял с себя пояс, быстро обвязал раненого подмышками и сказал оставшемуся в живых татарину:

— Потащим его волоком. Встать всё равно нельзя. Мы положим его на ящик из-под лент и поползем с двух сторон.

Пулеметчик молча послушался Григория и помог повернуть тело ногами к противнику. На бледном лице раненого застыло недоумение. Оно было такое же круглое и монгольское, как у его оставшегося в живых товарища. Может быть, братья? Потому он так и кричал, — подумал Григорий.

Желтокрасный диск солнца поднялся из морозной мглы над деревней, занятой немцами. Они сейчас откроют еще более сильный огонь, — подумал Григорий, — нашим солнце бьет прямо в глаза.

Тащить раненого и ползти самому было очень трудно — сказывалось переутомление и упадок сил. Григорию и татарину приходилось заползать вперед и одновременным рывком подтягивать неподвижное тело к себе. Вдруг где-то совсем близко засвистали пули — зз... зз... зз... одна, другая, третья... очень близко около головы. Попали под огонь автоматчиков! Григорий распластался на земле, стараясь вдавить тело как можно глубже в снег. Живой татарин лежал рядом, тоже не двигаясь. Свист прекратился.

— Поползли дальше, — прошептал Григорий. — Раз, два. Дружно! — тихо скомандовал он.

Раз, два... Опушка приблизилась еще на два метра.

Зз... Зз... Зз... — противно завизжали пули у самой головы. Григорий опять распластался. Взяли под обстрел, как дикого зверя. Пожалуй, не доползти до опушки.

Зз... Зз... Зз... — пули ложились определенно у самой головы. Странно, — подумал Григорий, — сейчас мыслю, анализирую, сознаю, а может быть через мгновение...

Зз... Зз... Зз...

Григория охватил животный ужас, необыкновенная жажда жизни. Так глупо! И зачем я побежал выносить этого незнакомого человека другой роты? Вон, залегла же цепь на опушке...

Жужжание пуль прекратилось. Наверное, автоматчик подумал, что добил-таки Григория и другого пулеметчика. Лежать было неприятно, озноб пробегал по плечам, двинуться было страшно — опять застрожит. Григорием овладели слабость и безразличие. Как хорошо было бы уснуть и перестать всё это чувствовать! Нельзя. Надо... Что надо? Надо тащить опять. Наверное, он уж умер, но встать и осмотреть его еще опаснее, тогда смерть наверняка!

Григорий очень медленно повернул голову и посмотрел на притихшего рядом с ним татарина. Круглое заросшее лицо так же тихо повернулось к нему. В выпуклых глазах застыл тот же страх, который не мог побороть Григорий.

— Поползем, — сказал Григорий и оба, повернув головы еще больше, посмотрели назад.

Солнце глядело на них чудовищным глазом великана. За красноватым светом нельзя было ничего разглядеть. Влез куда-нибудь повыше, — подумал Гри-

горий про немца, — может быть, лежит в белом халате на самой высокой крыше, используя момент, пока его прикрывает солнце.

Григорий и пулеметчик дружно потянули, торопясь уйти из-под обстрела. Тело не проявляло никаких признаков жизни. — Действительно, идиоты! — думал Григорий. — Зачем-то тащим покойника и, поддаваясь инерции, не в состоянии его бросить.

— Раз, два. Взяли! — Григорий решил действовать быстрее. — Раз, два... — но по руке Григория, тянувшей раненого, вдруг что-то ударило и она сразу повисла, как плеть. — Сейчас добьет!... Григорий, как раненый зверь, метнулся вперед и влип в снег на протоптанном месте здоровым плечом вниз. По фронту, как искры перебегали отдельные выстрелы, но назойливого свиста над ухом не было. Григорий оглянулся на здорового пулеметчика. Тот лежал на животе и со страхом смотрел на него.

— Я ранен, — сказал Григорий, — кто-нибудь другой тебе поможет.

Радость свободы и страх, что всё-таки добьют, одновременно охватили Григория. Он не чувствовал, как болит раненое плечо и быстро полз к опушке. Перед самой опушкой росло несколько густых елок и около них было широкое, растоптанное место, совершенно скрытое от врага. Григорий встал. Голова немного кружилась, но сил было достаточно, чтобы не потерять равновесия. Интересно, что с рукой? — Григорий попробовал ее пошевелить и пошевелил. Резкая боль заставила прикусить губу, но рука пошевелилась. — Значит кость цела. Это мне только показалось, что рука висит, как плеть...

Спереди была едва заметная просека, по ней след в глубь леса. Между Григорием и просекой открытое место и проволока. Если ползти, то взорвешься! Ста-

раясь ни о чем не думать, Григорий шагнул, стоя во весь рост не сгибаясь, на открытое место. Ноги слушались плохо, походка была неуверенной. Шаг, два, еще... проволока кончилась. Справа мелькнуло лицо комиссара.

— Я ранен, товарищ комиссар, — сказал Григорий, придерживая раненую руку здоровой и идя всё дальше и дальше.

В глазах комиссара блеснула зависть. Он лежал всё в том же месте, почти в той же позе, не имея права нарушить приказа и не находя сил, чтобы идти в атаку.

Глава девятая

РАНЕННЫЕ

Выйдя из мелколесья, Григорий почувствовал себя в безопасности, разыскал дорогу и пошел к тому месту, где стояли сани. Санитар, похожий на спрятавшегося начальника Григория, радостно подбежал к нему и сразу же стал укладывать на сани. В этот момент подошел лейтенант, раненый осколком в глаз. Глаз не вытек, но налился кровью и ничего не видел. Санитар поспешно уложил лейтенанта рядом с Григорием, сел сам сзади и закричал на занесенного снегом старика-возницу:

— Чего стоишь? Поезжай скорее!

Лес становился всё выше и величественнее. Дорога шла под гору и лошадёнка легко трусила. Лейтенант стонал, ругался отборной бранью и всё время спрашивал санитара, потеряет он зрение или нет? На лице санитара был только страх и не было ни тени сочувствия к лейтенанту. Отвечал он глупо, не учитывая состояния раненого:

— Подождите, товарищ старший лейтенант, не волнуйтесь: всё будет в порядке.

Лейтенант от этого еще больше волновался и ругался еще забористее. Григорий лежал на сене и не чувствовал ничего, кроме радости избавления от фронта.

— Если даже кость цела, — думал он, — то лечение займет около месяца. Может быть, попаду в тыл, в Москву. Москва, прежняя жизнь, даже Катя и Леночка казались чем-то очень далеким, отделенным годами разлуки. Тоска о Кате притупилась, стала отвлеченной, не вполне реальной.

Пункт первой помощи был переполнен ранеными. Перевязывала сестра и два дюжих санитаров.

— Как кость? — спросил Григорий.

— Наверно затронута, в санбате определяют, — ответил залитый кровью санитар, накладывая шины.

Когда дело дошло до документации, оказалось, что это пункт соседнего полка.

— Придется вам идти в свой пункт, — сказала молоденькая сестра, выдававшая справки.

— Куда? — не понял Григорий.

— Можете ждать до вечера, — сразу ошетибилась сестра, — транспорта для вас у нас не имеется.

— Это недалеко, на другом конце деревни, — подошел, услышав спор, санитар только что перевязывавший Григория. — Выйдете из пункта, так направо; там увидите.

«Сволочь!» — думал Григорий про сестру, не без труда открывая дверь.

Кое-как доковыляв до пункта своего полка, Григорий получил справку о ранении и подумал: не сходить ли еще за вещами к хозяйке? В вещевом мешке остались фотографии. Голова заболела и Григорий сел на пол. Не найду дома, в котором мы ночевали, — решил он. — Может быть, это было совсем в другой деревне!

Через час Григория перевезли в санбат, занявший помещение школы, совсем недалеко от Калуги. Весь пол санбата был заставлен носилками, на которых стояли, ругались и умирали люди в серых шинелях. Больше всего было той зеленой молодежи, которая

прибыла вместе с Григорием. Места на полу не было. Фельдшерицы были очень неприятные и не обращали на раненых внимания. Григорий остановился, не зная куда идти, но в этот момент в комнату вошел санитар с раненым на спине. Раненый обвил санитара руками за шею, ноги его безжизненно болтались, а большие детские глаза были полны отчаяния и страха. Григорий узнал в раненом одного из молодых солдат нового пополнения. Несчастный вид мальчугана произвел впечатление даже на фельдшериц и они разрешили пронести его в соседнюю комнату, где стояла кожаная кушетка, повидимому оставленная для медицинского персонала. Григорий пошел следом за санитаром и, когда раненого положили на кушетку, сел рядом с ним.

— Куда ранен? — спросил Григорий.

Глаза при виде Григория потеплели и из них стал пропадать ужас.

— Сверни мне покурить, — попросил Григорий, — а то, видишь, рука не действует.

Трясущиеся маленькие пальцы свернули цыгарку и зажгли спичку.

— Здесь нельзя курить! — грубо одернула Григория проходившая мимо фельдшерица.

Григорий посмотрел на нее и не ответил, продолжая курить. Фельдшерица передернула плечами и пошла дальше.

— Ложись рядом, тут места хватит, — подвинулся раненый.

Григорий затаился еще раз и лег боком на здоровое плечо. Раненая рука начинала сильно болеть. Бой, наверное, продолжался потому, что двери всё время хлопали и санитары вносили и выносили раненых. Чтобы меньше думать о боли, Григорий стал рассматривать комнату. Посередине круглый стол, на столе керосиновая лампа, вокруг стола три стула, в углу

запертый шкаф, на полу и на брезентовых носилках раненые, наверное тяжело раненые и умирающие. Лица не видно за тенью стола, слышно отрывистое дыхание и стон. Лежат тихо, либо спят, либо без сознания. Сосед на кушетке завозился и застонал.

— Как тебя зовут? — спросил Григорий.

— Миша, — ответил слабый голос.

— Странно, — пришло в голову Григорию, — сколько раз видел я его: в вагоне, в дороге, на ночевках, а имени не знал. Всё теперь безымянное и проходящее, как сон. Люди живут и сами не верят в реальность своей жизни, а еще называют себя материалистами.

— Страшно, — прошептал Миша.

— Почему страшно? — взгляделся в его лицо Григорий.

Лицо у Миши было круглое, детское, пухлые губы, мягкий нос и большие, широко раскрытые глаза.

— Скоро на операцию, — Миша повернулся к Григорию. — Санитар говорил, что операционная, как войдешь, налево, от нас через комнату.

— Чего же бояться-то? — попробовал его успокоить Григорий, — там врачи лучше, чем на пункте первой помощи.

— А как ты думаешь, я не умру? — Миша беспомощно посмотрел на Григория.

— Ты об этом не думай, — посоветовал Григорий.

— Как не думать-то? Страшно...

— А страшно, помолись.

В Мишиных глазах отразилось мучительное беспокойство, он еще больше повернулся к Григорию.

— Мать у меня всегда молилась, лампадки зажигала, а я не привык, не умею.

Два санитаров с носилками вошли в комнату и направились к кушетке.

— В операционную.

Санитары подхватили Мишу и унесли. Григорий услышал стон и на мгновение увидел полные ужаса глаза Миши.

Хороший мальчонок, — подумал Григорий. Больная рука болела всё сильнее. Григорий лег на спину. Прямо перед ним опять был круглый стол и лампа с бумажным абажуром. Вошли две фельдшерицы в гимнастерках и в накинутых на плечи шинелях.

— Много сегодня, — сказала одна, садясь к столу.

— Устала! — сказала другая, садясь напротив.

Одна была черноволосая с чувственным ртом, другая веснушчатая, белобрысая с острым носом и сухими губами. Черная достала зеркальце и стала пудриться.

— Знаешь, Катя, — сказала белобрысая, — я новую шинель где-то потеряла.

— Ну и наплевать! — ответила Катя, поправляя волосы.

— Конечно, наплевать, — согласилась белобрысая, — в кармане, правда, было тысячи три денег.

Катя кончила пудриться, спрятала зеркальце и, опершись пухлыми локтями о стол, мечтательно подняла глаза вверх.

— Завтра поеду в Калугу и увижу Сережу, — протянула она потягиваясь.

— А Сережка твой, может быть, уже переведен и завел другую, — съехидничала белобрысая.

— Ну и наплевать! — ответила Катя совершенно тем же тоном, как и по поводу пропавшей шинели.

Из-за стола раздался стон. Фельдшерицы не обратили на него внимания, продолжая разговор, но уже совсем тихо. Временами они хихикали. Чтобы не видеть их, Григорий повернулся на бок.

Вошел санитар и бросил что-то на стол между фельдшерицами.

— Надо написать родственникам, — сказал санитар простуженным голосом. Тут в бумажнике и документы есть. Вот: Андреев Андрей, 1924 г. рождения.

Григорий встрепенулся. Андреев? Зимняя ночь, нескончаемая колонна, изба под Тулой, стук в дверь и голосок: «Тетенька, пусти переночевать!» Андреев еще тщедушнее Миши, беленький, воротник слишком широк для тонкой шеи...

— Что с Андреевым? — спросил Григорий.

— Умер, — санитар обернулся и безразлично посмотрел на Григория.

— Знали его?

— Немного.

— Хотите взять на память? — санитар протянул Григорию кожаный бумажник, из которого только что были вынуты документы и деньги.

Лежа на боку Григорий не мог протянуть руку. Санитар подошел и сунул бумажник в карман его шинели. Санитар и фельдшерицы ушли. Григорий согрелся и стал засыпать. В воспаленном мозгу мелькали неприятные лица хихикающих фельдшериц, потом, вместо них, появилось лицо Миши, а потом цыплячья шейка Андреева.

— Я провоевал два дня и меня убили, — сказал тоненький голос. Убили!.. Солнце поднялось над белым полем. Свет его слепил и жег Григория. Григорию казалось, что правое плечо и рука начинают обугливаться. — Я должен тащить раненого и не могу. Я должен... На снегу лицом вверх лежал труп Андреева, без шапки. Коротко стриженные волосы, тонкие черты лица, глаза закрыты. Его надо спасти, он может умереть. Ой, рука! Григорий пришел в себя. Санитары принесли Мишу и, кладя на кушетку, больно задела Григория за раненую руку.

— Сам дойдешь или помочь?

Один санитар ушел, другой ждал Григория.

— Сам.

Григорий сначала сел на кушетку, потом встал и, шатаясь, пошел к двери. Если доктора такие же живодеры, как эти проклятые девчонки... Григорий открыл дверь операционной. На столе пятна крови. Молодая докторша лет двадцати пяти, усталая и сосредоточенная. В лице сочувствие. Руки длинные, нервные. Слава Богу, не такая как те!

Было очень больно, когда снимали шинель и повязку. Рукава рубахи и гимнастерки отрезали еще на пункте первой помощи. Оперировали под местным наркозом. Неприятные уколы шприцов. Потом Григорий лежал на боку, отвернув лицо в сторону, а руки санитары держали его голову, не давая смотреть на рану.

— Ну как?

— Кость повреждена, но не раздроблена, — ответил спокойный женский голос.

Григорий потерял сознание. Снова пришел в себя, когда накладывали гипс.

Как же это? Даже не вымыли! — испугался Григорий. — Прямо на вшей.

Шинель надели на одно плечо, положили на носилки и вынесли. Опять Григорий лежал на сене, брошенном в крестьянские сани, опять трусила лошаденка и опять был мороз.

В Калуге большой четырехэтажный госпиталь, очевидно, тоже какая-нибудь школа. Коек в палатах нет. Вдоль стен положено сено, отделенное от прохода досками. Раненые лежат на сене в фронтовой форме и в шинелях. Тепло. Утром дают кашу и хлеб, в обед суп и кашу, на ужин кофе с молоком и хлеб с маслом. Было бы совсем хорошо, если бы не вши. Искать их одной рукой трудно, а на раненого они набрасываются еще с большей жадностью, чем на здо-

рового. Но зуд от вшей терпеть можно, это лучше, чем мороз и ночные бои. С трудом царапая левой рукой, Григорий написал письмо Леночке и передал сестре. Сестра в палате хорошая, хотя и без всякого опыта. В первую же ночь Григорий встал, попросил ее свернуть «козью ножку» и разговорился. Подсел на табурет к маленькому столику. Сестра пережила немецкую оккупацию.

— Плохо было?

— Неважно, — опустила глаза сестра. — В Калуге отдыхали фронтовики.

— Грабили?

— Мало. Отбирали белье для маскировочных халатов и теплые вещи.

— Как управлялся город?

— Был немецкий комендант и русский бургомистр, была русская полиция.

— Из кого?

Сестра посмотрела на него пристально. Григорий не был похож на чекиста или осведомителя. Обыкновенный раненый, только необыкновенно любознательный.

— Не знаю, — замялась сестра. — Бургомистра вообще не знаю, а два полицейских с нашей улицы были самые обыкновенные. Почему-то их не успели мобилизовать до прихода немцев.

— Были случаи насилий?

— Один. Слышала только об одном.

— А как держали себя немецкие солдаты на улице?

Некрасивое, в веснушках лицо сестры покрылось румянцем.

— Один раз немецкий офицер спросил, куда можно пойти к девочкам. Они ведь открыли в Калуге публичный дом! — на этот раз в голосе слышалось настоящее возмущение.

Интересно, как бы реагировали на подобный вопрос две фельдшерицы из санбата? — подумал Григорий.

Сестра вздохнула:

— Плохо вот что: медикаментов у нас нет, белья, кроватей. Тяжело, наверное, на полу лежать?

— На снегу хуже...

Григорий докурил и пошел на сено. Миша лежал рядом, успокоенный и повеселевший. Когда Григорий улегся, не без труда действуя одной рукой, Миша тихо заговорил:

— Вчера прибыло много новых раненых, и опять из-под той же деревни. Немцы за зиму всю нашу пехоту уничтожат!

Григорий ничего не ответил.

— Не веришь? — Миша с укором посмотрел на Григория. — Вот увидишь, до лета немцы простоят, а потом такого дадут!

Григорий знал, что в среде солдат была широко распространена уверенность, что немцы сплеховали только временно из-за непривычного для них мороза. Бессмысленная мясорубка, в которую вылилось советское контрнаступление, только укрепляла их в этой уверенности. Григорий лег удобнее и стал думать. Миша тоже затих. В палате вообще было тихо: раненые не стонали и не жаловались. Григорий с удивлением вспомнил, какое ужасное впечатление производила на него та же молодежь в Гороховецком лагере. Сначала они были похожи на банду уголовников, потом неожиданно превратились в солдат — после того, как получили военную форму и заиграл оркестр, — а теперь оказалось, что среди них много совсем хороших ребят, вроде Миши. Обычный советский закон, — думал Григорий, — все порядочное прячется, отходит на второй план, а дрянь всплывает на поверхность. Однако, как быть с переходом?.. Второй раз судьба

отбрасывала Григория с самой линии фронта в тыл. Теперь повезут вглубь России, месяца через два поправлюсь, на фронт попаду в самую распутицу — тоже плохо. Эх, повезли бы на лечение в Москву! Тем более, что немцы от нее отходят.

Через несколько дней комиссар госпиталя объявил, что железная дорога между Тулой и Калугой почти восстановлена и те раненые, которые способны сами двигаться, могут идти в эшелон, но должны помнить, что один из железнодорожных мостов разбит, предстоит пересадка и переход по льду через реку.

— Поможешь мне идти? — попросил Миша.

Нога у него оказалась простреленной навылет, а кость незатронутой. При помощи двух костылей Миша уже хорошо передвигался по госпиталю.

— Помогу, — успокоил его Григорий.

Раненые волновались, всем хотелось поскорее попасть в тыл. У многих теплилась надежда увидеть родных и побывать дома.

Эшелон состоял из товарных вагонов-теплушек с железными печками. В вагонах были двойные нары без тюфяков и даже без сена. Единственная разница, по сравнению с перевозкой боевых частей, состояла в том, что вместо сорока человек в теплушку грузили двадцать восемь. Григорий и санитар с трудом втащили Мишу в вагон. Из-за Мишиной ноги пришлось лечь на нижние нары. Поезд тронулся. Короткие двухосные вагоны сильно трясло, раненых било о голые доски и сбивало повязки. У всех началось кровотечение, некоторые потеряли сознание. У санитара не было достаточного количества бинтов да и перевязывать на ходу было трудно. Миша, едва оправившийся в госпитале, стал снова слабеть. Вышей становилось

все больше и больше. Григорий нашел нескольких насекомых какой-то странной формы, громадных и жирных. Очевидно, вагоны не были продезинфицированы. Поезд шел медленно, застревая на полустанках. Когда доехали до разрушенного моста, ослабевшие от тряски раненые не могли идти. Комиссар эшелона достал в соседней деревне несколько подвод и особенно слабых стали возить на лошадях. Печи в вагонах перестали топить, двери открыли и стало очень холодно. Григорий с Мишей решили идти сами и после часа мучений выбрались на противоположную сторону реки.

— Зато в Туле попадем в настоящий госпиталь, — подбадривал Григорий приунывшего Мишу.

— Я воронежский! — жаловался Миша, — едва ли повезут туда.

Дома у Миши осталась только мать, работавшая в колхозе. Отец умер, второй брат был тоже на фронте.

Теплушки нового эшелона ничем не отличались от прежних. Когда через сутки поезд, наконец, подходил к Туле, Григорий чувствовал, что дальше он переезда не выдержал бы: рука невыносимо болела, спать он не мог от тряски, сидеть на нарах было неудобно, к тому же раненых за все время накормили один раз, дав кофе и хлеба с маслом. Скорее бы в настоящий госпиталь! — мечтал Григорий, — вымыться бы, лечь в постель!

Тула встретила неразбитым вокзалом и почти нормальной городской жизнью. Транспорта для перевозки раненых опять не было. Им дали адрес госпиталя и предложили ехать на трамвае или идти пешком. Григорий с трудом втащил Мишу на площадку вагона. После передовой, полуразбитых деревень и мертвых улиц Калуги, странно было видеть толпу тульских рабочих. Никто не обращал на раненых внимания, все

были переутомлены, у всех было достаточно своего горя.

Госпиталь оказался недалеко от вокзала. Григорий вспомнил, как шесть лет тому назад попал в этот город после освобождения из концлагеря. Несмотря на все ужасы войны, на ранение, на боль в руке, на вшей и грязь, положение его было теперь во много раз лучше.

Вагон остановился почти прямо у подъезда большого здания. Вид здания внушал доверие и надежду. Оно, действительно, было похоже на настоящий госпиталь. Просторный вестибюль, кафельный пол, налево и направо какие-то двери, прямо — широкая лестница. Несколько молоденьких сестер и грязно-серая толпа раненых. В тот момент, когда вошел Григорий, на лестнице появилась величественная фигура толстого лысого мужчины в белом халате. Дежурный врач, — понял Григорий, — вышел нас встречать. Григорий протиснулся к самой лестнице. — Величественная фигура медленно спускалась, крепко держась за перила. Не дойдя нескольких ступенек до низу, она остановилась, качнулась вперед, порывисто, сохраняя равновесие, мотнулась назад и на минуту застыла, еще крепче цепляясь правой рукой за перила и подняв левую вверх, как делают опытные ораторы перед началом речи, чтобы восстановить полную тишину в зале. Толпа раненых удивленно и угрюмо смотрела на фигуру.

— Р... ра... раненые, — с трудом произнесла фигура, — ре... ре... — фигура пошатнулась, — ре... регистрироваться.

Рука с толстыми пальцами указала на дверь напротив лестницы.

— Да, ре... регистрироваться!

Фигура повернулась и медленно, спотыкаясь, поползла вверх по лестнице.

Пьян, как стелька, — подумал Григорий не имевший сил возмущаться.

Регистрация происходила в одной из комнат внизу. Прошедшие регистрацию пропускались в следующую комнату, где получали по большому куску черного хлеба с маслом и по куску сахара. После этого можно было подняться по лестнице в палаты. Миша не мог стоять в очереди. Григорию жаль было его оставить и поэтому оба легли в угол на холодный кафельный пол. После тряского вагона было приятно вытянуться и почувствовать, что рана перестала кровоточить. Миша скоро заснул, а Григорий лежал и мечтал о том, что удастся попасть в Москву хоть не надолго, хоть на несколько дней. Писем от Леночки он не получал с Гороховецкого лагеря; никаких сведений о Кате у Леночки тогда не было. Может быть, теперь выяснилось что-нибудь новое. Лежа, Григорий прижимал раненую руку к наружной стене. От стены шел холодок и успокаивал боль. Когда все раненые прошли регистрацию и поднялись наверх, Григорий разбудил Мишу, поднял его на костыли и повел в комнату, где пожилой санитар записывал в большую книгу в черном переплете фамилии раненых, а сестра с неприятными рыскающими глазами проверяла справки с пункта первой помощи. Попробуй попасть к ним в лапы без правильного оформления документов! — подумал Григорий, — так вылечат, что век не забудешь.

Хлеб, полученный в следующей комнате, мало обрадовал Григория. Есть почти не хотелось, хотелось спать и вымыться. Вдруг у них там чистые постели с матрацами, подушками и бельем? — думал он, помогая Мише взбираться по лестнице. — Может быть, есть теплая вода? Самое главное избавиться от вшей. Хотя бы их стало немного меньше!

В бывших школьных классах, вместо парт, стояли деревянные топчаны, блестевшие новыми выструганными досками. Ни намек на белье или вообще какие-нибудь постельные принадлежности. Миша, добравшись до топчана, повалился на него и заснул. Григорий сел было на край своей новой постели, но сделал над собой усилие и пошел искать умывальник. Никто его не спросил, куда и зачем он идет. В полутемной палате не было санитаря. Умывальник оказался на лестнице. Большая грязная комната — холодно. Труднее всего было раздеться одной рукой. Рана разболелась. На лбу Григория выступил холодный пот. В мягкой желтоватой фланели рубахи, так обрадовавшей Григория в Гороховецком лагере, копошилось невероятное количество насекомых. Бить их одной рукой было трудно и Григорий около часа просидел на сломанном табурете, прежде чем закончил это отвратительное занятие. Потом Григорий наклонился над грязной облупленной ванной и стал мыться холодной, как лед, водой. После этого, дрожа от холода, он вернулся в палату где один из раненых помог ему одеться. Миша спал вздрагивая и бормоча что-то во сне. Похоже на бред, — подумал Григорий, — а что если у него или у меня начнется заражение крови? Мысль эта испугала Григория. Умрешь чего доброго в тылу из-за халатности советского медицинского персонала!

Григорий стал забываться, когда принесли утреннюю кашу. Это была гречневая каша из концентратов, но хорошо сваренная, а главное теплая. Разносили женщины, мобилизованные для обслуживания госпиталя. Григорий не смог поговорить ни с одной из них потому, что женщины торопились разнести кашу по всем палатам. Миша с трудом проснулся и ел неохотно. Глаза у него были мутные, Мишу лихорадило. Григорий разыскал дежурную сестру и потребовал, чтобы Мишу осмотрел врач.

— Так ведь вас после обеда дальше отправят! — искренне удивилась сестра, выслушав Григория. — Привезут в настоящий госпиталь — там и лечить будут.

— Куда отправят? — оживился Григорий.

Сестра подозрительно посмотрела на него и ответила:

— Приедете, узнаете, а я ничего сказать не могу: сама не знаю.

Лицо у сестры было такое, что на Григория опять повеяло призраком слезки.

Через полчаса доктор все-таки пришел и осмотрел Мишу. Температура у него за это время еще поднялась и начался настоящий бред. Врач молча ушел, а через несколько минут пришли два санитары с носилками и унесли Мишу. Григорий даже не смог проститься с мальчуганом: Миша не пришел в сознание.

Погрузка в эшелон началась ровно в двенадцать часов дня перед самым обедом. На станцию раненые добирались сами пешком и на трамвае. Когда Григорий вышел на улицу, то оказалось, что трамваи остановились. Григорий пошел пешком и, только подойдя к вокзалу понял в чем дело: над городом кружился немецкий аэроплан. Прямо против главного здания вокзала пылал какой-то состав. Клубы черного дыма поднимались прямым, ровным столбом в морозное небо. Очевидно, в городе была объявлена тревога, а администрация госпиталя послала раненых на вокзал, подвергшийся бомбардировке. К счастью, аэроплан вскоре улетел. Григорий следом за другими ранеными вошел в здание вокзала и увидел толпу в серых шинелях. Санитарный поезд не принимал раненых из-за тревоги. На вокзале оказалось много каких-то женщин, детей и стариков. Григорий не мог расспрашивать их из-за слабости и боли в руке.

Началась погрузка. Григорий увидел снова деревянные нары и сердце его сжалось. Он не был уверен, выдержит ли еще один переезд в таких условиях. Забитый санитар помог влезть в вагон и лечь на нары. Раненых было меньше, чем в первом эшелоне. Очевидно, не один Миша остался в Туле.

Рядом с Григорием лежало человек пять легко раненых красноармейцев, прошедших обучение на Дальнем Востоке и потому считавших себя дальневосточниками. Грубые, крепкие дальневосточники достали колоду карт и, сев в кружок, стали играть на махорку, деньги и кусок сахара. Посыпалась кощунственная ругань. Григорий взгляделся в парней. В Гороховце, несмотря на ужасный вид мобилизованных, такой брани не было слышно. Ею козыряли командиры, редко в лагере и часто во время боя. Подростки, вроде Миши, и те, которые были слабее и хуже Миши, но все-таки попали в армию из дома, быстро распускались, но и быстро приобретали вполне приличный вид. У этих же представителей особой дальневосточной армии была повадка, напоминавшая повадку уголовников.

Эшелон стоял и стоял. Прошло не менее двух часов. Несмотря на это, никто не собирался кормить раненых.

— Как с обедом? — спросил Григорий санитаря, возившегося около печки.

— Не знаю, — ответил санитар равнодушно. — Разве вас не накормили перед посадкой?

— Накормили! Ни черта не накормили! — повернулся от карт один из дальневосточников, — нечего тут рассаживаться, сбегай узнай как с обедом.

Санитар ушел. Через четверть часа он вернулся и сказал, что эшелон скоро пойдет и никакого обеда не будет.

— А концентраты, полагающиеся на обед кто-то сэкономит в свою пользу, — не выдержал Григорий. — Ведь есть вагон-кухня, на станции я видел кипяток. Развести и сварить концентраты можно за двадцать минут.

— Воры, крысы тыловые! — загорланили дальневосточники, — зови сюда комиссара.

— Я могу, — с иронией в голосе сказал санитар. — Позвать? — серенькая юркая фигурка задержалась у двери вагона.

— Зови, зови скорее, — заревели хором дальневосточники.

Ну, если они, действительно, похожи на урок, — с радостью подумал Григорий, — то комиссару придется жарко! Раненых так легко в концлагерь не пошлешь.

Горлопаны спрятали карты и уселись на нарах, готовясь к столкновению с хозяином эшелона.

— Кто тут недоволен? — раздался спокойный властный голос.

К вагону подошел высокий подтянутый офицер лет тридцати пяти, очень похожий на чекиста.

— Я спрашиваю, кто тут и чем недоволен?

У военного — сухое лицо и сверлящие глаза, в голосе явная угроза. Сейчас возьмет на заметку и в чем-нибудь обвинит, может быть, пришьет антисоветскую агитацию. Григорий оглянулся: дальневосточники притихли, как побитые собаки. Ни тени разудалого нахальства. Григорию стало противно. Если урки затевали в концлагере «бузу», то с ними бывало не так легко справиться.

— Мы хотим есть, товарищ комиссар, в госпитале нам не дали обеда, а в эшелоне мы вот уже скоро три часа и еще ничего не ели.

Григорий не мог не заговорить, слишком раздражало его явное пренебрежение в тоне комиссара.

— Так это ты тут разводил агитацию?

— Не агитацию, а просил санитаря спросить, дадут ли нам обед.

Комиссар настолько привык к слепому повиновению, что не нашелся, что ответить на такое простое возражение, повернулся и пошел от вагона, сопровождаемый испуганным санитаром.

Несмотря на вызов комиссара эшелона, обед раненым так и не дали. Получили они только ужин. Правда, и выступление Григория не имело никаких плохих последствий.

Ночью Григорий спал плохо. Тряска опять вызвала кровотечение и он серьезно начинал бояться заражения крови. Чтобы как-нибудь облегчить боль в руке, Григорий сел около печки и полночи провел в разговорах с санитаром. Санитар оказался не санитаром, а мелким партийцем, работником какого-то склада, устроившимся в санитарный поезд по блату. Рассказывал он о себе очень неохотно и было видно, что больше всего партиец боится фронта. После осторожных расспросов Григорий все-таки узнал, что поезд идет в Москву и раненые будут сданы на эвакуационный пункт на Курском вокзале, а оттуда попадут на три-четыре дня в один из московских госпиталей. В московских госпиталях, по словам санитаря, раненых мыли, вскрывали гипсовые повязки, тщательно осматривали и оперировали. После нескольких дней такой обработки всех отправляли дальше в тыл в импровизированные госпитали до выздоровления. Слушая рассказ санитаря, Григорий составил план действия.

Поезд подошел к Москве около шести часов утра и стал на запасных путях. Санитар отворил дверь и вышел, предупредив тех раненых, которые не спали, что расходиться запрещено и надо ждать команды, по которой начнется планомерная выгрузка. Как только

санитар ушел, Григорий выскользнул вслед за ним и пошел вдоль эшелона к вокзалу. Сердце билось: один раз вернулся из концлагеря, другой раз прорвался, когда мобилизовали, теперь чудом уцелел во фронтовой мясорубке! Голова кружилась, а в ногах чувствовалась предательская слабость. Не упасть бы! — Григорий прислонился к одному из вагонов, постоял. Стало лучше. Григорий здоровой рукой ощупал карман гимнастерки: справка пункта первой помощи была на месте. Григорий пошел дальше. В предрассветном тумане навстречу попадались какие-то фигуры в шинелях и в железнодорожной форме. Никто не остановил Григория. Вот и платформа. Григорий ощупал в кармане мелкие деньги. Слава Богу есть, не надо ни к кому обращаться! Зал ожидания заставлен носилками с ранеными. Григорий прошел с трудом к выходу. Вот она будка телефона-автомата! Работают ли автоматы? Работают. Длинные успокаивающие гудки соединения, незнакомый голос, хриплый и тусклый.

— Попросите гражданку Сапожникову.

А вдруги ее арестовали как Катю? А, может быть, Катю выпустили и... — голова закружилась, проклятая рука заныла.

— Сейчас, — сказал хриплый голос.

Значит Леночка дома, а о Кате не надо и думать... ее не может... Леночка? Какая я баба и почему у меня глаза мокрые...

— Леночка, это ты?

Леночка сразу узнала, сразу поняла.

— Какая бестолковщина... если мы будем всхлипывать с обеих концов телефона... Да, я ранен... Легко... С Курского вокзала... От Кати?.. Нет ничего? Перестань плакать и слушай. Запомни номер эшелона и номер вагона. Приезжай, если можешь, немед-

ленно. Можешь? Да, все в порядке. Я ранен в руку... легко.

Леночка плакала и бормотала что-то невнятное.

— Не реви! Возьми карандаш и запиши, а то перепутаешь, — рассердился Григорий. — От Кати ничего, — пронеслось в мозгу. Григорий повесил трубку.

Собственные вопросы, ответы Леночки, мысли и образы вдруг нахлынувшие на Григория слились в один стремительный вихрь. Григорий прижал лоб к холодному стеклу телефонной будки. Фронт, солнце, лицо татарина-пулеметчика и за всем этим черные круги с радужными ободками... Надо вернуться в вагон, а то Леночка меня не найдет...

Идти обратно было гораздо труднее. Может быть, действительно под гипсом началась гангрена? Эшелону не было конца. Тот ли это эшелон? Ведь весь вокзал забит эшелонами с ранеными? Григорий шел и шел.

В теплушке было смятение, у санитаря дрожали губы. Ему уже обещали пять суток карцера за самовольную отлучку одного из раненых. Не вернись Григорий, санитаря отправили бы на фронт. Григорию все на свете безразлично: он устал, рукав шинели пропитался свежей кровью: выходя Григорий неосторожно ударился о дверь будки автомата.

Григорий лег на нары и закрыл глаза. Через четверть часа он привстал: ему стало страшно, что Леночку не пустят или она его не найдет. Санитар сидел на табурете против двери. Через полуоткрытую дверь были видны крупные хлопья снега. Григорий сел на нарах и посмотрел на санитаря: маленькое обветренное лицо партийца было сурово и враждебно. На верхних нарах слышался храп дальневосточников. Может быть, комиссар отомстит мне за напоминание об украденном обеде! Григорием начало овладевать

беспокойство. Чего доброго докопаются до моего прошлого... едва ли! Я рядовой, ранен на передовой. Григорий пощупал здоровой рукой карман и, убедившись, что справка с пункта первой помощи цела, успокоился. Потом он свернул левой рукой козью ножку, закурил и стал соображать, почему в отношении раненых введены такие строгости. Наверное боятся, что мы расскажем родственникам о положении на фронте, а они нам о положении в тылу. Очевидно, в Москве голод. Григорий встал и посмотрел в дверь через плечо санитаря. Санитар молча отстранил его. Григорий опять сел на нары. Санитару стало стыдно и он отвернулся.

— Не бойся, — сказал Григорий примирительно, — я не убегу. Я ходил звонить по телефону сестре, наверное, сейчас приедет на вокзал.

Санитар ничего не ответил, голова его повернулась в другую сторону и опустилась ниже. Потом он высунулся в щель и стал смотреть по направлению вокзала. Григорий сидел, не двигаясь. Вдруг санитар обернулся и, не глядя Григорию в глаза, быстро сказал:

— Посмотри, вон там идет комиссар и какая-то женщина. Не сестра ли?

Григорий бросился к двери и в узком проходе между двумя рядами красных вагонов увидел Леночку в шубке и платке между двумя военными. Один из них был комиссар, другой широкоплечий, высокий красноармеец в новой шинели и шапке. Григорий прыгнул на землю, едва не упал и, чтобы сохранить равновесие, прислонился плечом к вагону. В этот момент Леночка, красноармеец и комиссар поровнялись с ним.

— Мы его сейчас отыщем, — сказал комиссар очень любезным тоном.

— Леночка! — прошептал Григорий.

Леночка посмотрела на него и узнала. Подбородок у нее запрыгал, глаза наполнились слезами.

— Не прижимайся так ко мне, — сказал Григорий тихо, отстраняя от себя сестру, — я очень обовшивел.

Леночка поцеловала Григория и испуганно посмотрела ему в лицо.

— Ты знаешь, я тебя сразу не узнала. Ты ранен в руку? Сильно? — подбородок Леночки продолжал дрожать.

Григорию было досадно, что такая чувствительная сцена разыгрывается на глазах у комиссара, он обернулся к нему и сухо спросил:

— Могу я, товарищ комиссар, пойти на вокзал и поговорить с сестрой?

— Пожалуйста, пожалуйста, — дружески улыбнулся комиссар.

Мерзавец! — подумал Григорий и, повернувшись к комиссару спиной, взял Леночку за руку и потянул в сторону вокзала.

Высокий солдат, пришедший с комиссаром, оказался старшиной эвакуационного пункта Курского вокзала. Он пошел за Григорием и Леночкой, попыхи-вая махорочным дымом и добродушно щурясь.

— Можно нам где-нибудь посидеть и поговорить? — обратилась к нему Леночка, постепенно приходя в себя.

— Можно, — лицо старшины стало многозначительным, — А вы домой брата не хотели бы взять?

— Конечно! — обрадовалась Леночка.

— А как это можно сделать? — насторожился Григорий.

— Очень просто. Документ с пункта первой помощи у вас с собой?

— С собой.

— Тогда все в порядке. У нас столько эшелонов прибывает, что списки все перепутаны. Врачи люди

хорошие, прицепляться зря не станут. Поезжайте вы домой, а дня через два приходите: я устрою вам направление в любой госпиталь.

— Ну как же? — Григорий нерешительно посмотрел на Леночку.

— Конечно, поедem! — не задумываясь кивнула Леночка.

Нерешительность Григория объяснялась тем, что он был уверен, что Леночке будет трудно его прокормить даже и два дня. Леночка же об этом совсем не думала и поэтому ухватила за возможность взять раненого брата домой. Почувствовав нерешительность в тоне Григория, она подозрительно посмотрела на шины, высовывающиеся из рукава шинели и спросила:

— Тебе, может быть, нужна немедленная перевязка или операция?

— Ничего, — попытался улыбнуться Григорий, — дня два подожду.

На вокзальной площади, когда шли к трамваю, Григорием овладел страх. Старшина мог наврать, есть у Леночки нечего, мне, действительно, может стать худо без немедленной перевязки.

Леночка шла рядом, старалась поддержать Григория под здоровую руку, по ее лицу, не переставая, катились слезы. Григорий почувствовал, что и ему становится трудно сдерживать рыдания и рассердился сам на себя.

Нет ничего хуже этих чувствительных сцен! — думал он с озлоблением, — лучше вытерпеть все тяжелое сразу... даже погибнуть, чем возвращаться, когда Катя неизвестно где, Леночка совсем замучена, а сам я должен лечиться и начинать все военные испытания заново. И зачем я согласился ехать к Леночке? Ей уже пора на службу...

Леночка чувствовала всем существом, что Григорий несчастлив и думала, что это происходит главным

образом из-за Кати, в чем, конечно, и не ошибалась. Кроме того, она была подавлена видом Григория: не даром она сразу не узнала в солдате с провалившимися глазами и выдающимися костями скул своего брата. Особенно поразила ее седина на давно небритых щеках Григория.

Так прошли молча брат и сестра по широкой площади, сели на трамвай, приехали и очутились в нетопленной квартире. Дорогой Леночка успела только расспросить о подробностях ранения, а Григорий, все время боявшийся, что сестру отдадут под суд в случае опоздания на службу, узнал, что закон 1940 года об опозданиях не отменен, но фактически перестал применяться и поэтому Леночка не боится опоздать.

Войдя в переднюю и убедившись, что все жильцы на работе и квартира пуста, Григорий попросил у Леночки бутылку керосина, снял всю фронтовую одежду, дрожа от холода вымазался керосином и пошел в ванну отмываться. Мыться пришлось водой, нагретой на примусе в той же ванне, отчего воздух немного согрелся. Не переставая плакать, Леночка свернула обшивленные вещи в шинель и вынесла в дровяной сарай. Кое-как вымывшись и окончательно замерзнув, Григорий надел отцовскую шубу, оказавшуюся в Леночкином сундуке, и только после этого разрешил себе войти в комнату сестры и лечь. Как он и предполагал, есть у Леночки было почти нечего. Правда, она раздобыла где-то сахару и кусок селедки, но было видно, что это всё, что есть в доме.

— Иди теперь на работу, — мрачно сказал Григорий, — а я посплю. Вечером надо сообразить, в каком госпитале сумеем найти знакомых врачей. Надо задержаться подольше в Москве, а ты со службы сообщи, что я здесь.

На другой день Григорий в фронтовой военной форме подходил к одному из московских госпиталей. Леночка поддерживала его и снова плакала. Шли молча. Григорию было мучительно вспоминать обо всем виденном за эти сутки: голод, холод, горе и только. Вечером приходила Оля, жена Павла Истомина. Павел опять, как после лагеря, опередил Григория. Тогда Павел сумел пробраться в Москву, а Григорий застрял на строительстве под столицей. Теперь Павел, по всем данным, был уже у немцев, а Григорий вернулся раненый и должен был начинать все мучения заново. Оля глотала слезы, когда рассказывала о бегстве Павла, о том, с каким трудом он пробрался через Москву в Истру, и спрятался на даче у случайного знакомого. Истра была взята немцами и отбита красными. След Павла исчез. Вырвался-таки! — думал Григорий с завистью. Оля принесла Григорию маленький кусочек масла и фунт хлеба и по тому, как Леночка приняла этот подарок, Григорий понял, что Оля отдала последнее.

После ухода Оли брат и сестра легли спать подавленные. Ночь эту Григорий перенес мучительно.

Штукатурка в углу облупилась, по потолку змеились черные трещины, поверх трещин расплзлось пятно, похожее на кровоподтек. От синей лампочки вся комната казалась окутанной густым лилово-мертвенным туманом, напоминавшим свет луны. Неприятнее всего были черные трещины. Григорию иногда казалось, что они охватывают и давят его мозг стальной паутиной, а концы их вливаются в раненую руку. Это из-за нее Григорий не спал и был в полузабытии. Боль приходила волнами, пульсировала в такт ударам сердца и все время нарастала — медленно, медленно выползала из лиловой полутемноты и росла. Ночью во время бессонницы часто чувствуешь

себя больным... все это не так страшно... а заражение крови?

Леночка на полу стонала и что-то невнятно бормотала. Наверное мерзнет — отдала мне все одеяла... Я ее успокоил, что с рукой у меня все в порядке. А если вши из-под гипса расползутся по дивану, как она их потом выведет? Зачем я к ней приехал, только одно мученье! Да, я твердо решил не думать, не ослаблять себя. Вон та большая черная трещина пересекается с другой меньшей, а мозг тоже состоит из извилин и может треснуть! Трещины черные, как пропасти, в них не надо заглядывать, не надо думать. Я не Гамлет, я должен действовать, я уже давно все продумал и решил. Не моя вина, что судьба опять отбросила меня от цели. Я открыл калитку и вошел, я думал, она посмотрит в окно, почувствует, что я вернулся. Я стучал в дверь и надежды было всё меньше и меньше. Я тогда тоже не хотел думать, но ждать было трудно, очень трудно и я стучал сильнее и сильнее. А открыла хозяйка... потом я опять не думал, только слушал. А лицо у старухи было в морщинах, в черных трещинах, как этот потолок, в маленьких глазках я видел страх. Пропала! Арестовали! Хозяйка боялась, что придут немцы и я смогу мстить... Самое страшное, это пустая комната; комната без человека похожа на труп. Я никогда не думал, что так ее люблю. На канале было полурабство-полусвобода, мы привыкли понимать друг друга. Она с молодых лет ничего другого не видела: отец отсидел десять лет, освободился и не мог нигде работать, кроме канала.

Мы ночью шли из кино и я сказал ей всё. Так просто и так хорошо это было: глаза у нее были счастливые, а ресницы мокрые от инея... мороз... Страшно было на морозе в лесу. Ночь, звезды... Звезд я не любил: они кололи меня, когда мы с Николаем брели по дороге... Тогда я дошел до тупика. Тупик! И вдруг

через пять лет Катя и ее глаза из той же ночи. Господи, спаси и сохрани Катю! Где она? Может, в этапе или за проволокой с воровками, с проститутками! Что делать, как помочь? Как? Да, немцы занимали наше местечко... Все архивы НКВД пропали, искать негде. Только общее освобождение, только полное крушение власти... Война еще не окончена, может быть... Григорий почувствовал, что всё его тело напрягается в одном порыве, в одном волевом напряжении, но в следующее мгновение черная сетка сжала мозг, застучало в висках, Григорий вспомнил о ране, рука так заныла, что он громко застонал, закрыл глаза и стиснул зубы.

— Что с тобой, Гриша, ты бредишь? — лицо Леночки было совсем близко, встревоженное, с тенями под глазами.

— Ничего, это во сне, — тихо сказал Григорий, с трудом разжимая зубы.

— Ты так стонал...

— Ложись, спи, — справился с собой Григорий, — а завтра всё-таки придется идти в госпиталь: надо, чтобы врачи осмотрели рану.

Утром Григорий с отвращением одел грязную, пахнущую кровью форму. Леночка успела выстирать белье, но ватные шаровары и шинель были полны насекомых. Григорий очень нервничал. В одном из госпиталей была найдена знакомая женщина-врач, но знакомого старшины на вокзале не оказалось. Леночка узнала, что его отправили с эшелоном за ранеными. Леночка предложила Григорию подождать еще день и вызвать доктора на дом, но Григорий рассердился и заставил сестру принести из сарая военную форму.

В трамвае Григорий молчал, Леночка сидела против него испуганная и сжавшаяся. Не поскользнуться

бы на арбузной корке: обвинят в дезертирстве, начнут копать в прошлом...

Григорий отворил тяжелую дверь и вошел в госпиталь. Большой, усталый ковром, коридор, светло. Навстречу вышла худая сестра лет тридцати пяти. Лицо умное, но глаза... Григорий уже несколько раз замечал, что в госпитале за ранеными следят старшие сестры.

— Можно видеть дежурного врача?

— Через некоторое время. Он сейчас делает перевязку вновь прибывшему командиру. Вы можете подождать здесь.

Сестра с удивлением посмотрела на Григория и ушла. Григорий видел, как она скрылась за дверью с ярко освещенным стеклом. Наверное, дежурный врач перевязывает там, — подумал Григорий садясь на скамью, натертую до блеска.

— Настоящая больница и в полном порядке, — прошептала Леночка садясь рядом. — Примут ли только.

— Почему не примут? — огрызнулся Григорий, чувствуя, что сам нервничает, и злясь на это. — Должны принять: у меня справка с передовой.

Ни доктор, ни сестра не появлялись. Из-за полуоткрытой двери доносились неясные возгласы, похожие на ругательства. Григорий встал и медленно пошел по коридору. Из перевязочной выскочила сестра, взволнованная и красная.

— Подождите еще немного, — бросила она, проходя мимо Григория, — там очень нервный раненый, не дает себя перевязывать.

Сестра скрылась, Григорий подошел вплотную к двери.

— Я так не могу, товарищ капитан, — басил один голос. — я должен...

— О...о..., — истерично стонал хриплый тенор, — о... чорт! Коновалы! Вас на передовую...

— Замолчишь ты или нет? — вдруг вспыхнул бас, — молчи! Всё равно через полчаса помрешь!

— Через полчаса? — взвизгнул тенор и замолк.

Водворилась полная тишина. Григорий остановился и с любопытством стал ждать, что будет дальше. Сзади слышались быстрые шаги: сестра шла обратно в сопровождении двух санитаров. Навстречу ей из двери высунулась круглая физиономия с торчащими, как у Вильгельма Второго, усами.

— Всё в порядке, Мария Самойловна, — проревел бас, — товарищ капитан успокоился и дал себя перевязать. Можете взять его в палату.

Санитары, очевидно вызванные для того, чтобы держать раненого, повернулись и пошли за носилками. Сестра вошла в комнату, а усатая физиономия двинулась к Григорию.

— Ну, в чем дело? — из-под густых торчащих в разные стороны бровей смотрели очень добрые глаза.

Человек решительный, — подумал Григорий, глядя на доктора, — здорово он капитана успокоил. Доктор понял, что Григорий слышал, каким оригинальным способом он разговаривал с раненым, насупился, смешно раздул щеки и пробасил:

— Там командира перевязывал... и ранен-то совсем легко, — доктор покосился на дверь, — а нервен, как дама. Так что вам угодно? — серые глаза уставились на Григория.

— Я ранен в руку, — сказал Григорий, — вот справка с пункта первой помощи. Прибыл в Москву вчера и ушел с вокзала к сестре, конечно, без разрешения.

— Без разрешения? Дайте-ка справку.

Доктор прочел справку и сурово посмотрел на Григория.

— Без разрешения, говорите?

— Без разрешения, — подтвердил Григорий.

— Молодец, я поступил бы на вашем месте точно так же.

Санитары пронесли на носилках притихшего капитана. Фигура дежурной сестры выросла позади доктора.

— Вот раненый, заехал домой и потому не имеет направления эвакуационного пункта Курского вокзала. Справка пункта первой помощи у него на руках. Я думаю, мы его можем принять, как по-вашему, Мария Самойловна?

Мария Самойловна внимательно прочла справку, внимательно посмотрела на Григория и Леночку и, не найдя ничего подозрительного, кивнула головой. Леночка ушла успокоенная и радостная, а Григорий пошел за дежурной сестрой в ванну. С самой мобилизации на земляные работы он не мылся в ванне. Григорий забыл про боль в руке, про несчастья. Вода была теплая, толковый и быстрый санитар помог раздеться и унес куда-то всю грязную одежду. Григорий вышел из воды умиротворенный и сразу попал на перевязку. Сняв гипс, усатый доктор начал недовольно ворчать себе под нос. По комнате распространился тяжелый запах гноя. Григорий видел совсем близко озабоченное лицо Марии Самойловны и с удивлением подумал, почему она принимает так близко к сердцу его ранение, ведь ее главная обязанность не пропускать в госпиталь «шпионов и диверсантов».

— Еще день — и вы могли бы навсегда расстаться со своей рукой, — сказал, наконец, доктор.

— Могло бы быть заражение крови? — спросил Григорий.

— Могло, — многозначительно подтвердил доктор.

— А восстановится у меня трудоспособность? — спросил Григорий морщась от боли.

— Может быть, но через несколько месяцев.

Слава Богу, не попаду на фронт зимой, — подумал Григорий и потерял сознание.

Очнулся Григорий в большой чистой палате на мягкой постели. Было тихо. Григорий повернул голову и увидел перед собой худое лицо и очень большой длинный нос.

— Прямо с передовой, браток? — спросил сосед сочувственно.

— С передовой, — кивнул Григорий.

— Громил немцев под Москвой? — подмигнул сосед.

— Под Калугой, — улыбнулся Григорий.

— Я тоже громил, — сделал большие глаза сосед, — от роты три человека в живых осталось, а мне ногу миной оторвало. Хорошо, что друг с поля вытащил.

— погоди, лето придет, немец покажет! — рявкнул с другой стороны Григория лающий голос.

Григорий повернул голову в сторону голоса и увидел бульдожью физиономию соседа слева. Здоровенный, широкоплечий мужчина лежал, выпростав из-под одеяла две култышки оставшихся без кистей рук.

— Так-то вот воюем, — в маленьких суровых глазах появилась тоска. Безрукий заметил, какое тяжелое впечатление произвели его култышки на Григория, но в следующее мгновение он улыбнулся и почти весело сказал, обращаясь к длинноносому:

— Ну как, Петро, покурим?

Петро достал три папиросы, угостил одной Григория, другую попросил передать безрукому. Григорий

затянулся и почувствовал себя на мгновение хорошо, во всяком случае в дружеской компании. Принесли завтрак: манную кашу со сливочным маслом, 350 грамм белого хлеба, 350 грамм черного, чай и по пятнадцать грамм сливочного масла и сахара. Такого обилия Григорий давно не видел. Безрукий не стал есть кашу и сестра передала ее Григорию. Сахар и сливочное масло Григорий отложил для Леночки. Его всё время мучила мысль, что за сутки он съел значительную часть месячного пайка сестры.

В палате лежали одни солдаты, почти все раненые под Москвой. Уже из утренних разговоров Григорий понял, что все они настроены пораженчески, все уверены, что летом немцы добьют Сталина. Перед обедом пришел с обходом дежурный врач, — полная дама в сопровождении двух сестер. Подойдя к Григорию, она расспросила о руке и переходя к другим больным тихо сказала:

— Вас сегодня же переведут в палату, в которой лежит всего один лейтенант.

Григорий понял, что докторша и есть врач, к которому Леночка нашла протекцию.

Прошло два месяца. Григорий лежал в небольшой палате, окрепший и отдохнувший. Рука почти зажила, через несколько дней должны были снять гипс. Около кровати сидели Владимир и Борис. Григорий с радостью и затаенной грустью всматривался в лица друзей. Было приятно видеть их снова и было грустно, что через восемь месяцев после начала войны всё так же неясно и неопределенно, как и в ее начале.

И так, — улыбнулся Борис, — встретились опять. Вчера вернулся из командировки, хотел идти

в госпиталь один и вдруг звонок по телефону: подхожу и узнаю голос Владимира.

Улыбка у Бориса была прежняя, ясная, но Григорию было смешно и жалко смотреть на друга: так он похудел и так непривычно обострились черты его круглого русского лица.

— Однако ты сбавил-таки весу! — покачал головой Григорий.

— Двадцать килограмм! — Борис встал и, взявши за борта висевший на нем, как на вешалке пиджак, показал как он выглядел до войны.

— Это тебя на Урале так откормили? — пошутил Владимир.

— Не смейся, — подмигнул Борис. — Особый паек получал: килограмм хлеба и мучную болтушку два раза в день. Обыкновенные смертные — рабочие оборонных заводов получают по одной тарелке болтушки в день.

— Ну, а какие там настроения? — спросил Григорий.

Борис прошелся по палате, подошел к двери, убедился, что за ней никого нет и подозрительно, посмотрев на пустую койку единственного соседа Григория, спросил:

— Где же твой лейтенант? Леночка предупредила, что ты лежишь с бывшим энкаведистом.

— Почти выздоровел и ухаживает за сестрами, — успокоил его Григорий, — у нас тут есть старшая сестра Марья Самойловна, она же главный соглядатай, так они на мое счастье роман крутят.

— Почему же на твое счастье? — Борис остановился и смотрел на Григория.

— А потому, что я могу им больше всех помешать, если захочу. Ей тридцать пять, а ему двадцать один, так она усиленно скрывает свои отношения, а я как никак кое-что вижу, лежа в одной палате;

опять же могу вечером пойти в общую палату с солдатами балакать, а могу остаться...

— Стало быть, на тебя доносить не станут? — усмехнулся Борис, садясь на прежнее место и показывая при этом странно острые углы колен, выпирающих из непомерно широких брюк.

— На меня покамест доносить не за что, а ты скорее рассказывай про Урал, а то чего доброго лейтенант все-таки вернется, — забеспокоился Григорий.

— Про Урал, — насупился вдруг Борис. — Я был на нескольких заводах: работают не очень важно, но работают, рабочих нехватает, набрали женщин и подростков. Все голодают, переутомлены, все надеются, что кривая вывезет, а какая кривая, толком не знают. В немцах начинают сомневаться: затяжка войны сказывается. Вы лучше мне про армию расскажите, вся молодежь ведь там, а про тыл говорить много не стоит: бунтовать в тылу некому...

Борис замолчал и стал внимательно смотреть то на Григория, то на Владимира.

— Пусть Владимир расскажет, — сказал Григорий, — я почти три месяца в госпитале, а он вчера из части приехал.

Владимир сидел подтянутый, стройный, в ладно подобранной офицерской форме, обветренный и похудевший, но не до такой степени, как Борис.

— Я сейчас, как вы знаете, команду взводом саперной части, — заговорил Владимир. — Стоим мы километрах в пяти от фронта и даже, как видите, в Москву иногда попадаем... Я думаю, что война пошла на затяжку, немцы не сумели чего-то сделать. Чего, я не знаю. Думаю, что сведения об их зверствах преувеличены, но факт тот, что до зимы они красных не добились, а сейчас среди молодых офицеров пробуждается патриотическое чувство.

— Верят всерьез, что идет вторая Отечественная война? — перебил его Борис вспыхивая.

— Часть молодежи верит, — поглядел спокойно на Бориса Владимир, — а я лично думаю, если война затянется на несколько лет, то может повториться ситуация конца Первой мировой войны: может начаться брожение в армии и большевизм слетит без вмешательства извне.

Все замолчали, Борис недовольно нахмурился.

— Война сейчас маневренная, а не окопная, — прервал молчание Григорий, — благодаря потерям, состав частей быстро меняется, без заранее созданной организации поднять на восстание случайно собранных людей нельзя.

— А ты не пробовал создать группу в своей части? — недовольно посмотрел на Владимира Борис.

— Пробовал, — замялся Владимир, — но у нас состав части неудачный: большинство думает только о том, как бы попасть в Москву, кутнуть и избежать фронта.

— То-то и оно! — как бы успокоился Борис, — мы сколько лет людей для организации подбираем, а набрали несколько десятков, да и те теперь неизвестно где. Кто начнет подпольной работой заниматься, когда борются две таких силы! На Урале много недовольных, но недовольные ждут поражения, на фронте наверное то же, ведь проще перейти к немцам и там сразу начать настоящее дело... может быть, уже наш Павел начал!

При упоминании о двоюродном брате лицо Владимира стало грустным. Григорий хотел сказать, что до весны, пока не станет ясно, на что еще способны немцы, нельзя принимать никаких новых решений, но в этот момент в палату вошла Мария Самойловна и худенький молодой человек в больничном халате.

— О, да у вас тут гости? — удивилась Мария Самойловна, задерживая взгляд на Владимире.

— Друг с фронта заехал, — сказал Григорий.

Мария Самойловна села на свободный стул и стала расспрашивать Владимира о фронтовой жизни. Борис поднялся и пошел к двери. Григорий проводил его до выхода из коридора.

— Я с Владимиром еще поговорю, — сказал Борис мрачно на прощание — не нравятся мне его рассуждения о патриотизме: околпачивает Сталин народ, вот и весь патриотизм!

— Ничего нового не выдумаешь: надо переходить к немцам и пытаться начинать дело там, — крепко пожал ему руку Григорий.

Борис резко повернулся и быстро спустился с лестницы. Через полчаса Григорий провожал тем же путем Владимира. Мария Самойловна и лейтенант по всем признакам не собирались уходить из палаты, разговаривать о политике было невозможно, а общий разговор не клеился.

— Стало быть, с вербовкой дело не идет? — спросил тихо Григорий, останавливаясь около двери на лестницу.

— Я говорю, в моей части народ не надежный — все больше блатеры этакие, ловчилы, — махнул рукой Владимир.

— Ты зайди к Борису сегодня же, поговори еще дома поподробнее, а то он завтра опять уезжает, — сказал Григорий.

— Борис зря на меня сердится. Я не о пропаганде говорил, не о том, что политбюро вдруг стало патриотично... тут всё ясно, но среди молодежи патриотизм просыпается всерьез и это ее рано или поздно уведет от коммунистической теории.

— Лет через сто! — пожал плечами Григорий.

— Это правда... А как ты думаешь, Павел жив?
— голос Владимира дрогнул.

— Верю, что жив, — твердо ответил Григорий.

Вечером Мария Самойловна рассказывала лейтенанту о выступлении троцкистов в Московском университете в 1926 году. Она училась тогда на рабфаке и слышала сама одно выступление Троцкого. Григорий тихо лежал на постели и думал все ту же старую думу: до войны такой человек, как старшая сестра, никогда не решилась бы рассказать о Троцком молодому энкаведисту, будь он трижды ее возлюбленным, а тем более не сделала бы этого в присутствии постороннего человека. Рассказывала Мария Самойловна очень правдоподобно и в ее словах проскальзывало сочувствие если не к оппозиции, то к оппозиционерам, к бунту против принудительной ортодоксальности. Любопытно, — думал Григорий, — даже в таких людях, как Мария Самойловна и лейтенант, не убито стремление к свободе.

Г л а в а д е с я т а я

СНОВА НА ФРОНТЕ

— А я, батенька, о вас уже рапорт написал! Можете теперь со спокойной совестью на фронт ехать, — встретил Григория усатый доктор.

— А я вернулся точно, как мы с вами договорились, — Григорий хотел ответить весело и шутливо, но это у него не вышло.

— Всё в порядке, как принято теперь говорить, — глаза из-под нависших бровей смотрели на Григория сочувственно. — Пока рапорт вернется, вы уже будете на фронте: мост сломается после прохода поезда.

Григорий крепко пожал руку доброму чудаку и пошел к Марии Самойловне. Старшая сестра встретила Григория натянуто и смущенно. Ей было неприятно, что именно она должна следить за проведением жестокой системы отправки выздоровевших в часть.

— Подождите — сказала она не глядя на Григория, — я сейчас вызову санитаря.

Вскоре она вернулась с санитаром, неся новую ватную телогрейку синего цвета, очень похожую на гражданскую. У Григория мелькнула было мысль упросить санитаря заехать к Леночке и оставить сестре телогрейку для обмена на продукты, но Мария Самойловна так дружески посмотрела на него и так теп-

ло сказала: — Вот возьмите телогрейку, вам она пригодится в окопах, — что Григорию было неудобно поднимать вопрос о передаче подарка, да и вид у санитаря был такой, что он вряд ли согласился бы на отступление от правил.

— Прощайте, Мария Самойловна, — сказал Григорий, пожимая тонкую руку сестры, — передайте поклон Пете.

Мария Самойловна покраснела и когда Григорий уходил, проводила его до двери.

Разговор Григория с доктором расшифровывался так: выздоровевших отправляли из госпиталя непосредственно в часть в сопровождении санитаря. Никаких отпусков не полагалось, запрещалось даже зайти к родным на несколько часов. Григорий договорился с доктором и Марией Самойловной, что он накануне вечером уйдет к Леночке, они напишут рапорт о его «дезертирстве», а утром, когда Григорий вернется, отправят его обычным порядком в часть. Рапорт же пойдет по разным инстанциям и не сыграет никакой роли потому, что Григорий будет уже на фронте.

Улицы Москвы были полны тающим снегом. Вдоль тротуаров бежали ручейки, пахло по-весеннему. Даже серые дома и низкие облака были полны каким-то особым смыслом, как будто ждали чего-то очень хорошего. Что-то принесет России этот год? — думал Григорий, — если сразу отправят на фронт, то попаду в самую распутицу; после тепла и чистоты госпиталя опять вши и голод...

Москвичи в трамвае казались очень усталыми, обыденными и равнодушными. Напряженного ожидания первых дней войны не было и в помине. Сколько уже упущено! — думал Григорий. — Как легко было свалить власть в 41-ом году! Сейчас народ снова потянул привычную лямку.

На вокзале санитар сдал Григория коменданту. Никаких документов у Григория на руках не было. Любая, самая короткая отлучка, могла послужить поводом к обвинению в дезертирстве. Григорий сидел около комнаты, занимаемой комендантом, часа полтора, пока набралось человек двадцать таких же выздоровевших, как он. Наконец, появился толстый сержант со списком в руке, проверил вверенных его попечению красноармейцев и дал знак следовать за собой.

Пригородный поезд электрической железной дороги выглядел совсем обычно. За Мытищами вышли на небольшой станции и пошли в сторону какого-то завода. В бывшем цехе были устроены временные казармы: громадная комната больше всего напоминала пересыльную тюрьму, только, вместо ментов, здесь царили сержанты. Выглядели сержанты не плохо.

— Ишь, ряжки разъели, — пробурчал один из выздоровевших. — Их бы прохвостов на передовую...

Но «прохвосты» на передовую не собирались и чувствовали себя весьма уверенно, зато будущее пополнение выглядело мрачно. Среди солдат преобладал средний возраст. Григорий занял место на нарах, в середине зала, и стал ждать, что будет дальше. Часов в одиннадцать сержанты разбудили спящих и объявили, что придет политрук проводить беседу. В комнату вошел молоденький офицерик в новой, хорошо сшитой форме, худенький, гладко выбритый и очень самоуверенный. Офицерик стал посреди казармы, сдвинул фуражку на нос и заговорил громко, четко, не глядя на слушателей. Беседа сводилась к изложению содержания военной сводки, прочитанной Григорием еще в поезде и закончилась категорическим утверждением, что «враг будет разбит и победа будет за нами». Звук собственного голоса поглощал все внимание политрука. Кончив, он спросил:

— Есть ли вопросы?

Вопросов не было. Офицерик повернулся и торжественно проследовал к выходу, сопровождаемый двумя сержантами.

Сколько презрения к солдатам у некоторых представителей нового поколения! — подумал Григорий. — Отцы кичились пролетарским происхождением, а дети разыгрывают из себя новую аристократию.

На обед дали жидкий суп: котелок на двоих. У большинства не было собственных котелков и поэтому они ели в столовой по-двое из одного котелка. После обеда всех солдат выгнали во двор на уборку мусора. Вечером дали опять по полкотелка супа. Никаких военных занятий не было.

Спал Григорий плохо на телогрейке, подаренной Марией Самойловной, а утром поймал на шее первую вошь.

Прошло три дня. Неосторожно повернувшись, Григорий скovyрнул корочку, образовавшуюся на шве раны. Рана начала кровоточить. Санитар занимал крошечную комнатку около входа в бывший цех. Он равнодушно перевязал Григория и ничего не сказал. Григорий тоже ничего не сказал. Отправка в часть с кровоточащими ранами была делом обыденным.

Григорий сидел в поле на пригорке и грелся на солнце. Расторопные сержанты согнали сюда около трети населения импровизированных казарм. Предстояла отправка в какую-то часть, повидимому, пока еще не на фронт.

Григорий, впавший было в состояние апатии после госпиталя, стал постепенно приобретать обычную любознательность. Теперь он уже некоторое время присматривался к странной паре, шнырявшей между

группами красноармейцев, расположившихся на сухом песчаном пригорке. Пожилой солдат самого обыкновенного вида и совсем молодой, очень красивый брюнет с живым интеллигентным лицом и хорошей военной выправкой все время затевали какие-то разговоры. Григорий встал и подошел сзади к странной паре в тот момент, когда она только что втесалась в новую кучку солдат.

— Ну как, друзья, опять на фронт? — начал пожилой солдат.

Солдаты ничего не ответили и насупились.

— Летом немцы двинут, как в 41-ом году, — подхватил молодой солдат.

Мысль была обычная, но тон задорного молодого голоса резал слух.

— Может и двинут, — сказал один из солдат, сплюнул «бычок» на землю, растоптал его сапогом и отошел в сторону.

Водворилось молчание.

Что это — переодетый офицер НКВД или немецкий шпион? — подумал Григорий и тоже хотел отойти, но молодой человек в это время улыбнулся. Улыбка понравилась Григорию и он спросил:

— Вы думаете, что Гитлер оправится после зимнего поражения?

Глаза молодого человека загорелись, к лицу прилила краска.

— И оправляться не придется! — молодой солдат смело посмотрел на Григория.

Тон опять был необычный: чересчур откровенный даже для военного времени и солдатской среды. Григорий так и не решил вопроса: диверсант это или провокатор, потому что появились представители частей и началась перекличка. Странного молодого человека вызвали одним из первых и больше Григорий его не видел. Часто думая об этом эпизоде, Григо-

рий склонялся к тому, что молодой человек все-таки был немецким разведчиком.

С большой группой бывших раненых Григорий попал в часть, подготавливавшую формирование маршевых рот. Новая часть была расположена в центре дачного поселка, в бывшем рабочем общежитии. Подойдя в строю к одноэтажным белым баракам, Григорий прежде всего увидел непролазную грязь между бараками. По грязи, как сонные мухи, бродили красноармейцы в валенках. Вновь прибывших развели по баракам. В бараках не было даже нар. Вдоль стен лежали вещевые мешки и скудный солдатский скарб. В углу комнаты, в которую попал Григорий, стояла погнутая железная кровать, на которой, как потом оказалось, спал сержант-командир взвода. Не успели вновь прибывшие разместиться по свободным местам вдоль стен, как появился их новый начальник. Судя по цвету лица и носа, сержант был не дурак выпить. Войдя, он взглянул исподлобья на прибывших и зычно крикнул:

-- А ну, построиться!

Вновь прибывшие повиновались.

--- А ну, снять гимнастерки и рубашки!

Голос у сержанта был бодрый, а в тоне чувствовались задор и юмор. Сержант пошел вдоль ряда осматривая ворота и швы вывернутых наизнанку рубаш. Тем, у кого оказались вши, сержант движением толстого пальца приказывал отходить в сторону.

--- У меня порядочек и чистота. Завел вшей --- выводите! --- приговаривал сержант.

- А как же их выводить, товарищ сержант? - спросил один из красноармейцев.

--- Как выводить? --- круглая, кирпично-красная физиономия сержанта стала язвительной. --- А утюжком, горячим утюжком по швам. У меня утюжок для

этого припасен, вон там, в кухне, — сержант кивнул в сторону входа.

Действительно, в кухне бывшего общежития уцелел стол и большой утюг. Григорий вскоре убедился в мудрой предусмотрительности сержанта: глажение грязного прошивленного белья раскаленным утюгом давало блестящие результаты. Приняв таким образом необходимые санитарные меры, заботливый командир повел своих подчиненных за барак в сосновый лес и, не теряя времени, приступил к обучению приемам штыкового боя.

— А ну, становись в круг! — зазвенел его голос. Небось винтовку и в руках-то держать не умеете? — заплывшие жиром глаза сержанта снисходительно сощурились. — Вот глядите, как на Дальнем Востоке обучают...

Крепкая фигура задвигалась, то делая выпад вперед, то отступая назад, то отбивая штык воображаемого противника. Григорий посмотрел на лица красноармейцев. Напротив стояло несколько татар, очень похожих на того татарина, которого он тащил, когда был ранен. Упражнения сержанта не производили на них никакого впечатления. Рядом с татарами стоял маленький худой еврей с глазами, полными мировой скорби. Рядом с евреем --- высокий худой парень, похожий на рабочего с полуседой щетиной на давно небритом лице и странным выражением напряженных диких глаз. Было совершенно очевидно, что никто не смотрит на упражнения командира, но сержант не замечал равнодушия аудитории: то ли он был лишен способности улавливать настроение окружающих, то ли настолько их презирал за полное невежество в военном деле, что даже не требовал должного отношения к своему искусству. Кончив цикл штыковых упражнений, сержант протянул винтовку одному из татар и скомандовал:

— А ну ка, повтори!

Татарин покорно взял винтовку и беспомощно держал ее перед собой, не зная что делать.

— Эх ты, вояка! — покачал головой сержант, передавая винтовку маленькому еврею.

Еврей сделал выпад, с раздражением тыча штыком в воздух.

— Не так! — сержант отобрал винтовку у еврея. — Вот глядите как! — сержант сделал выпад и самоуверенно посмотрел на татарина и еврея. — Ну-ка, попробуй! — передал он винтовку Григорию.

В Григории заговорило спортивное чувство, кроме того, не хотелось притворяться и он повторил ряд несложных упражнений, показанных сержантом. На лице сержанта изобразилось искреннее удивление.

— Может, право может! — воскликнул он озадаченно. — Понимает! А вы чего стоите, как обалдуи? — цыкнул сержант на равнодушную аудиторию. — А ну, снова все по очереди!

Обучение штыковому бою продолжалось до обеда. К обеду в казарме собрался весь взвод, включая тех, кто утром уходили на занятия в поле. Больше половины бойцов были одеты в валенки, двигаясь по казарме, они смачно хлюпали. На полу образовались лужи.

Обедали в столовой и суп опять выдавали в одном котелке на двух человек. Григорию пришлось сесть с одним из татар. Это был пожилой человек, уроженец Казани. Как и Григорий, татарин уже побывал на фронте и был ранен. В свое время он прошел нормальное военное обучение. Григорию стало ясным, что неумение обращаться с винтовкой было не неумением, а нежеланием. Ел татарин опрятно и строго следил за тем, чтобы не съесть больше Григория. Суп был жидкий и Григорий встал из-за стола голодный.

— А ну, новенькие, выходи на улицу строиться! — скомандовал сержант, когда Григорий хотел лечь поспать на постеленных на полу телогрейке и шинели. — Все личные вещи брать с собой, — добавил сержант.

Вновь прибывших построили на дворе в две шеренги лицом друг к другу и заставили развязать вещевые мешки. Несколько сержантов пошли по рядам, отбирая «лишние» и гражданские вещи. За сержантами шел старшина, внимательно осматривая каждую отобранную вещь. Между двумя шеренгами росла куча телогреек, ватных штанов и всякого барахла. Около кучи стояла растрепанная женщина с ребенком на руках и рылась в солдатском барахле, отбирая вещи гражданского образца от военных. Как потом узнал Григорий, это была жена старшины, жившая почему-то при части. Увидя синюю телогрейку Григория, старшина остановился и скомандовал:

— Снимай телогрейку!

— Мне эту телогрейку выдали в госпитале, товарищ старшина, она внесена в арматуру, — сказал Григорий.

— Что? Разговаривать? — старшина пошел дальше, а к Григорию подскочил один из сержантов.

Пришлось снять телогрейку и бросить ее в общую кучу. У худенького еврея нашли черные гражданские брюки. Это вызвало бурю негодования.

— Уж не к немцам ли ты собрался? — воскликнул старшина, хватая брюки и рассматривая на свет, новые они или поношенные.

Еврей побледнел и ничего не ответил. Брюки попали в кучу, откуда были тотчас же извлечены женщиной с ребенком и куда-то поспешно унесены.

Когда грабеж кончился, была дана команда:

— Разойдись!

Вечером Григорий увидел отобранную у него телогрейку на плечах собственного сержанта.

— Замотать хотели! — сказал сержант, поймав удивленный взгляд Григория. — Я у них отобрал: с моего ведь бойца сняли!

Напротив казармы был кооператив, а в кооперативе телефон-автомат. Кооператив привлекал внимание красноармейцев возможностью потолкаться среди гражданского населения и что-нибудь купить или выменять. Бдительное начальство строго следило за тем, чтобы какие-нибудь гражданские брюки или ботинки не миновали их цепких рук. Хождение в кооператив и разговоры с гражданским населением были строго запрещены, но за исполнением приказа следили часовые из тех же мобилизованных красноармейцев и их бдительность была не высокой. Григорий, чтобы не обращать на себя внимание, написал на бумажке Леночкин телефон и свой фактический адрес, вышел на улицу и, выбрав женщину поблагодразнее, попросил ее позвонить по телефону Леночке. Женщина охотно согласилась и на следующий вечер Леночка уже ходила по улице напротив казарм.

Сестра тебя дожидается, — объявил Григорию часовой, шлепая разбухшими валенками.

— Я пойду на ту сторону и поговорю с ней, — сказал Григорий, решительно двинувшись вперед.

— Постой! — поймал его за рукав часовой. — Сходи к сержанту: разрешит, я тебе говорю, что разрешит.

Григорию очень не хотелось спрашивать разрешения у дальневосточника, но часовому, действительно, могли дать карцер. Скрепя сердце, Григорий пошел назад в казарму. Сержант лежал на кровати, задрав ноги на спинку и дурил семячки. Под голо-

вой сержанта, вместо подушки, лежала телогрейка Григория.

— Ко мне сестра приехала. Можно пойти поговорить с ней, товарищ сержант? — попросил Григорий, преодолевая неприятное чувство.

— Сестра приехала? — сержант снисходительно посмотрел на Григория. — Ну что же, иди! Только спрячься за баракom, а часовому скажи, чтобы предупредил, если пойдет кто-нибудь из начальства. — Да! — крикнул сержант вдогонку уходившему Григорию. — Может, сестра табак принесла, так принесешь на закурку.

— Сержант разрешил, — сказал Григорий часовому, — только просил тебя приглядеть, чтобы нас кто-нибудь из командиров не заметил.

— Ладно, погляжу, — кивнул часовой. — Иди, садись на заваленку сзади барака... Подожди, а сестру-то у тебя есть чем покормить, небось голодная?

Григорий растерялся. Он и не подумал о том, что Леночка, действительно, должна быть голодной.

— На сухарь, — корявая рука солдата сунула в карман Григория большой стограммовый сухарь — четверть дневного солдатского пайка.

От сухаря Леночка не отказалась, но разговор между братом и сестрой не вязался. Говорить о незначительных вещах не хотелось, говорить о будущем было страшно. От брата Алеши так и не было известий, о Кате тоже.

— Буду задерживаться здесь как можно дольше, — сказал Григорий на прощание, — а летом постараюсь перейти на ту сторону так, чтоб не оставить за собой никаких следов перехода. Если получишь сообщение о моей смерти, не верь. Переход постараюсь обставить так, чтобы думали, что убит.

Леночка не заплакала прощаясь, она все больше приучалась быть сдержанной.

Григорий вернулся в барак и лег на пол между рабочим со странными глазами и маленьким евреем.

Роту выстроили перед баракom. Приехали два офицера из гвардейской части. В новых шинелях, перетянутые ремнями, они стояли пока поодаль. Перед строем появился политрук роты, которого Григорий видел в первый раз. Блестя хромовыми сапогами, политрук подобрал под фуражку прядь пышных волос и заговорил с сильным украинским акцентом. Говорил он об отечественной войне и о чести быть принятым в гвардейскую часть. — Чорт бы его побрал! — думал Григорий, — еще недоставало попасть в советскую гвардию... После речи политрук и приехавшие офицеры пошли вдоль фронта, вызывая заранее намеченных солдат по спискам. Григорий, рабочий и еврей очутились в шеренге, выросшей напротив общего строя. Лицо рабочего не стало мрачнее только потому, что до вызова было предельно мрачно. Маленький еврей побледнел и о чем-то сосредоточенно думал. Очевидно, искал способ избавления от выпавшей на его долю «чести».

— Есть какие-нибудь жалобы? — громко спросил политрук, обращаясь к будущим гвардейцам. В тоне чувствовалась уверенность, что, конечно, никаких жалоб не будет.

— Товарищ политрук!

Григорий обернулся: лицо рядом стоящего еврея было напряжено и полно надежды.

— У меня совсем развалились валенки. Нельзя ли получить какие-нибудь ботинки?

Политрук на минуту опешил, но в следующее же мгновение на лице его засияла торжествующая улыбка.

— Для наших гвардейцев мы не должны ничего жалеть! — воскликнул политрук патетически. — Товарищ сержант! — подозвал он командира взвода Григория, — снимите с кого-нибудь из остающихся ботинки для этого бойца.

— А ну, скидай ботинки! — схватил сержант за рукав красноармейца такого же маленького роста, как еврей. — Может быть, кому шинели нужны, товарищ политрук? Мы моментом... — предложил расторопный сержант.

Так как будущие гвардейцы молчали, политрук и сержант сами выбрали несколько особенно плохо одетых и сняли для них лучшие шинели с остающихся. Когда «раскулачивание» было закончено, очень довольный своей выдумкой политрук, чтобы быть до конца великодушным, спросил гвардейцев:

— Не жалуется ли кто-нибудь из вас на здоровье?

— У меня стерта до крови нога, — сказал Григорий.

Лицо политрука исказилось злобой.

— Нога стерта? — повторил политрук ехидно. — Шаг вперед! Таких гвардейцев нам не надо.

Григорий сделал шаг вперед и застыл, готовый к любой неприятности.

— Может быть, еще кто-нибудь чувствует себя не настолько здоровым, чтобы удостоиться чести понасть в гвардию? Не бойтесь, выходите! — лицо политрука пылало от негодования.

В следующее мгновение почти весь передний ряд отобранных в гвардию очутился рядом с Григорием. Политрук опешил, а у Григория пересохло в горле. — Могут пришить открытое неповиновение, — пронеслось у него в голове. Не зная, как себя вести перед чужими офицерами, всё еще красный политрук подошел к правому флангу, на котором вторым стоял

Григорий, а первым рабочий со странными глазами. Громко, так, чтобы слышали все, политрук спросил:

— Скажите вот, например, вы, товарищ боец: были вы уже на фронте или только теперь мобилизованы?

— Был на фронте три раза и три раза ранен, — прозвучал глухой потухший голос. — Сейчас еду четвертый раз, а последняя рана еще кровоточит. — В голосе и лице солдата было нечто, от чего политрук сразу осекся и вместо того, чтобы опрашивать дальше, вышел на середину и громко сказал, стараясь быть спокойным:

— Товарищи сержанты, возвратите остающимся старую форму!

— А ну, скидай ботинки! — услышал Григорий слева от себя бодрый голос дальневосточника.

Глаза Григория встретились с глазами маленького еврея. Он всё еще был бледен, но явно не жалел о потерянных ботинках.

— И так, мы больше не гвардейцы! — не смог сдержать улыбки Григорий.

— Шел бы сам в гвардию! — тихо кивнул еврей в сторону политрука, — а то только и знает, что в офицерском клубе вертится: я его хорошо знаю...

В одной из комнат временных казарм собралась вся рота. Григорий сидел в углу. Перед ним стоял стол, на столе сидели красноармейцы и, благодаря этому, Григорий был скрыт от сержанта, проводившего политзанятия. До слуха Григория доносились монотонные звуки голоса сержанта, читавшего заявление Молотова, напечатанное в «Правде» и перечислявшее с протокольной сухостью зверства немцев. Красноармейцы сидели, повесив головы, и дремали. Рядом

с Григорием полулежал красноармеец, похожий на рабочего, тот, который срезал политрука. Глаза его были закрыты, он спал. Почти седая голова склонилась на грудь, раздавался довольно сильный храп.

— Тише, услышат и пересадят вперед! — толкнул спящего Григорий.

Заспанные глаза открылись, сухая рука потянулась в карман за закуркой. Григорий тоже свернул и предложил соседу спичку.

— Действительно, четвертый раз на фронт? — спросил Григорий.

— Четвертый.

— А сколько тебе лет?

— Двадцать восемь.

— Когда же поседел?

— После последнего ранения.

— Тяжело ранило?

— Не так тяжело, ногу покорябало.

— Почему же поседел?

— Почему? Знаешь, небось, как нашего брата в атаку гоняют! Пошли на немецкие доты, поле открытое, снежное, как на ладони. Мы сгоряча понаперли, подошли совсем под доты, да так там и остались. Ранило в ногу. Лег в ямку, а кругом ни одного живого человека. Который раненый пошевелится — трыв из автомата, и готов! Подергается и затихнет. А я как-то так упал, что меня немцам не видно было, — в ложинку чуть заметную, так вдоль нее и полз до вечера. Мороз такой, что того гляди окоченеешь, ногу ломит, пуля в кости засела. Раза три сознание терял. Приду в себя, разгребу снег и ползу... Десять часов полз, с тех пор и поседел.

— А сам откуда?

— Воронежский.

— Рабочий?

— Слесарь.

— Так четвертый раз говоришь?

— Четвертый. И ни разу отпуска собаки не дали! — выцветшие глаза с невыразимым ужасом посмотрели на Григория. — Четвертый! Чует сердце, что теперь непременно убьют. Три раза вырывался, а на четвертый шабаш!

Красноармейцы зашевелились и, потягиваясь и зевая, как после привала на походе, стали подниматься и выходить на улицу. Политзанятия кончились. Едва ли кто-нибудь слышал, что писал Молотов о немецких зверствах.

Григорий снова трясся в товарном вагоне. На этот раз пополнение отправляли не в гвардейскую, а в самую обыкновенную часть. Как полагается, в дороге была создана своя временная система командования. Начальник эшелона назначил на каждый вагон взводного из младших командиров, главным образом для получения и дележа пайка. Взводный вагона Григория наверное был самозванцем и не имел чина сержанта. Целый ден он сидел на верхних нарах, окруженный подозрительной компанией, и резался в очко.

— В банке тысяча рублей и пять сухарей! — слышался чей-то визгливый голос.

— Иду на всё! — ревел бас взводного.

— Очко! — кричал визгливый голос.

— Врешь! — ревел взводный.

— Смотри: туз и десятка, — возмущался визгливый голос.

— Десятка, туз... будешь делить паек, отдам, — громко шептал взводный. Морда у него была толстая, тело жирное, облитое салом, глаза заляпаны складками век. — Сдавай ишшо! — возглашал снова взводный.

— Так у тебя денег нет! — хрипел чей-то пропи-той баритон.

— Денег нет? А махорка на что? Вот она пачка непочатая, — отвечал взводный.

Раздавалось залихватское щелкание карт. Деньги весной сорок второго года ценились не высоко: стограммовый сухарь солдаты продавали за сто рублей, а за пачку махорки давали несколько сухарей.

Григорий лежал, обдумывая в сотый раз способ перехода к немцам так, чтобы не подвести Леночку и не навредить еще больше Кате. Еврей, чуть не попавший вместе с Григорием в гвардию, лежал рядом. Трижды раненому рабочему удалось остаться под Москвой.

— Ну как, Семен Яковлевич, повоюем? — обернулся Григорий к еврею.

— Повуюем! — зло буркнул Семен Яковлевич.

Бедняга! Ему и к немцам переходить нельзя, — подумал Григорий, глядя на тщедушную фигуру еврея.

Семен Яковлевич был по профессии наборщик и подозрительно покашливал. Слабые легкие спасли его, однако, только от первого набора. В 42-ом году освобождения почти не давали. Попади такой парень на передовую зимой: в один день ему конец от одного мороза! — подумал Григорий.

— А в морду хочешь? — заорал на весь вагон взводный. Ему снова не удалось сорвать банк.

Семен Яковлевич вздрогнул и с опаской покосился в сторону начальства. Поезд остановился так резко, что игравшие в карты повалились друг на друга, а свечка, прилепленная к ящичку, служившему столом, упала вниз и потухла. Темнота наполнилась сопением, смешками и матерной руганью, потом кто-то открыл дверь теплушки и громко крикнул:

— Выходи, воздушная тревога!

Григорий подхватил вещевой мешок и спрыгнул на насыпь. Было сыро. Белый пар от паровоза полз вдоль состава. Силуэты невысоких деревьев обступали притаившийся эшелон. Идя вглубь леса, Григорий чувствовал под ногами мягкий, влажный полог гнилых листьев. Самолеты гудели где-то очень далеко, потом из этого далека донеслись глухие взрывы. Взводы перепутались. Никто даже не пытался привести их в порядок. Солдаты ходили, шурша мокрыми листьями, переговаривались и курили. Опять, как зимой, — вспомнил Григорий, — только теперь нет мороза и безразлично где горевать: в окопе или же в лесу. Здесь по крайней мере безопаснее...

Поезд дернулся и медленно пополз назад. Некоторые солдаты бросились было к вагонам, но тут же вернулись. Кто-то им разъяснил, что высаживаться надо было в шести километрах дальше, но станцию бомбят и поэтому поезд возвратится, а солдаты должны дожидаться дальнейших приказаний.

Пошел час, стал накрапывать дождь. Садиться на мокрую землю не хотелось, стоять надоело. Красноармейцы начали ругаться и расходиться по лесу в поисках места, где можно было бы хоть посидеть под густой елью. Григорий наткнулся в темноте на Семена Яковлевича. Семен Яковлевич продрог и был в самом скверном настроении.

— Ищу и не могу найти никого из начальства, — сказал он раздражённо. — Говорят, что простои́м до утра потому, что командир эшелона ушел на станцию, а туда шесть километров. Считайте же сами: в оба конца по темному лесу минимум три часа хода, да еще пока сообразят, что предпринять, да закусят, да выпьют... — Семен Яковлевич делался всё язвительнее.

— Надо найти какую-нибудь деревню, переночевать, а утром идти на станцию, — предложил Григорий.

— А чтобы нас не обвинили в дезертирстве, захватить с собой побольше народу, — сразу ухватился за мысль Григория Семен Яковлевич.

Ближайшая опушка оказалась недалеко, хотя и в противоположном от станции направлении. Григорий и Семен Яковлевич вышли на нее в сопровождении целого взвода, набранного дорогой. За опушкой началось большое поле, за полем чернели силуэты домов. Со всех сторон слышались человеческие голоса, — это красноармейцы проявляли «военную смекалку» в поисках теплого ночлега.

— Вы же видите, не одни мы решили сами о себе позаботиться, — обрадовался Семен Яковлевич.

Идти по грязному полю было много неприятнее, чем по мокрой листве. Когда дошли до деревни, оказалось, что в ней расквартирован уже строительный батальон и подошло много солдат из эшелона. Началась обычная канитель с обходом домов в поисках свободного места на полу.

На другой день Григорий, Семен Яковлевич и десяток красноармейцев подходили к станции назначения эшелона. Было около десяти часов утра. Голод давал себя чувствовать. В деревне, где ночевали, поесть не удалось. Помимо голода, Григорий беспокоился, как бы не попасть под обвинение в дезертирстве. За дезертирство и так называемые самовольные отлучки судили и приговаривали к штрафным батальонам.

Кругом главного здания вокзала валялись обломки вагонов, шпалы, вывороченные рельсы и какие-то ящики. От самого здания остался только фундамент.

— Куда же теперь идти? — остановился Семен Яковлевич. В голосе его звучала тревожная нотка.

Справа, в стороне от главного здания вокзала, торчала уцелевшая от разгрома водонапорная башня. Внизу башни была дверь.

— Если кто-нибудь и остался на вокзале, то только в этой башне, — сказал Григорий.

Действительно, в маленькой комнатке стоял стол, заваленный бумагами, а за столом сидел пожилой капитан с усталым лицом и что-то писал. Вошли Григорий и долговязый молодой красноармеец, присоединившийся к Григорию и Семену Яковлевичу, когда они утром выходили из деревни. Увидя их, капитан отрывисто спросил:

Номер эшелона?

— 2359, — ответил Григорий.

— Пойдете по дороге вправо от станции, сборный пункт в деревне Ивановково. Увидите еще бойцов, берите с собой: целое утро от вас покоя нет! — капитан опустил голову и начал писать дальше.

Григорий вышел успокоенный. Очевидно, за ночь разбрелся весь эшелон, стало быть, виноваты все.

Лес постепенно редел, под ногами становилось всё сырее. У Григория уже давно промокли ноги. Облака сгустились, пошел крупный, мокрый снег. Дорогой нагнали человек тридцать красноармейцев своего эшелона, пошли вместе, молчаливые, озябшие, голодные. У опушки встретили группу крестьянок, тоже промокших, злых и голодных. Шли они на станцию с бидонами молока.

— Неужто вы еще молоко сдаете? — окрикнул их долговязый красноармеец.

— Сдаем, — огрызнулась одна из женщин.

— А у нас под Тулой, когда фронт подошел, колхозники все поставки прекратили, — не унимался красноармеец.

Замечание его вывело женщин из равновесия:

— Прекратили, прекратили! А вы чего воюете? Кто вас просит советы защищать? Кончайте войну, все равно Сталину конец! — затараторили озлобленные голоса.

Глава одиннадцатая

ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ

Деревня Ивановково состояла всего из десятка дворов. Все дома были заняты штабом полка. Красноармейцы и офицеры, до командиров батальонов включительно, жили в шалашах, сделанных на скорую руку из еловых ветвей и разбросанных по лесу вокруг деревни. Прибывших красноармейцев зарегистрировали, построили в каре на поляне около деревни и начали распределять по подразделениям полка. Первым в середине каре появился старший лейтенант, отбравший разведчиков. Маленькая коренастая фигурка пошла вдоль фронта, зорко всматриваясь в лица. — Разведка дело опасное, но зато в разведке легко незаметно перейти к немцам, — сердце Григория забилося, — только бы не стали копать в биографии! Маленький лейтенант приблизился. У него было длинное лисье лицо, совсем белые, выгоревшие ресницы и очень быстрые глаза. — Парень неглупый и наверное смелый. Хорошо, если возьмет, — думал Григорий выдвигаясь из ряда. Взгляд лейтенанта равнодушно скользнул по лицу Григория. Лейтенант прошел дальше.

— Это хорошо, что он нас не взял! — услышал Григорий голос Семена Яковлевича. — Как по-вашему, гражданин Сапожников, где лучше?

— Я по военной специальности минометчик, — рассеянно ответил Григорий.

— А это что такое? — спросил Семен Яковлевич. Бедняга совсем не проходил военного обучения.

— Минометчики, в особенности батальонные, стоят в оврагах, в километре или 500 метрах от фронта. Это много безопаснее, чем быть стрелком или пулеметчиком, — пояснил Григорий.

— Я хочу быть минометчиком! — решил Семен Яковлевич.

Командир минометного батальона появился следом за связистом и пулеметчиком. В середину каре вышел высокий сутуловатый капитан с круглым, безразличным лицом.

— Кто обучался минометному делу, шаг вперед! — скомандовал он негромким, вялым голосом.

Григорий, Семен Яковлевич, длинный туляк, рассердивший дорогой молочниц, и еще десятка два красноармейцев вышли вперед. Не задавая отобранным вопросов, не проверяя их знаний, капитан отвел пополнение в лес и передал старшинам для распределения по ротам. Григорий и его новые товарищи попали во вторую роту. Старшина с грубым, жестоким лицом отвел их к шалашу ротного. Из шалаша вышел толстый офицер лет двадцати, отер рукой сальные губы и зычно рыгнул. Следом за ротным вышел старший лейтенант со звездочкой политрука на рукаве, человек неопределенного вида, а за ним широколицый вестовой, определенно похожий на кадрового уголовника. Равнодушно посмотрев на новых подчиненных, ротный приказал старшине развести их по расчетам.

— А как, товарищ ротный, насчет пайка? — решил Семен Яковлевич, — мы сутки ничего не ели.

— Не ели? — поднял брови командир роты. — Паек на вас получим не раньше завтрашнего дня, а сейчас можете расходиться.

Ротный насупился, в корне пресекая все дальнейшие разговоры о пайке, повернул грузное тело и скрылся в шалаше.

— Разойдись! — крикнул старшина.

Вестовой, поблескивая жульническими глазами, подошел к замешкавшимся солдатам и стал расспрашивать, не сохранилось ли у кого-нибудь из них часов или других ценных вещей.

— Можно обменять на продукты, — многозначительно подмигивал вестовой.

Ценных вещей ни у кого не оказалось.

— А что, можно в деревне достать картошки? — подошел к вестовому Григорий.

— Ты что, с луны свалился? — усмехнулся вестовой. — Картошку никто не выкопал, вся в поле осталась. Тут линию укрепленную делали, так колхозники были мобилизованы.

— А молока?

Вестовой осмотрел Григория с головы до ног, как бы взвешивая, что он за человек.

— Из «своих»? — спросил Григорий.

— А ты откуда знаешь? — лицо вестового стало серьезным. — Может и из «своих», — понизил он голос. — А насчет молока ты забудь: ни одна сволочь не продаст! Только если ночью сумеешь в погреб залезть. Для ротного и то ночами достаю... — Вестовой повернулся и скрылся в шалаше.

Григорий вошел в большой шалаш, в котором уже устроились Семен Яковлевич и туляк, бросил вещевой мешок на еловые ветки, служившие подстилкой, и отправился в деревню. Не может быть, чтобы крестьяне мне чего-нибудь не дали. Связной уголовник, а уголовников они не любят.

— Тебе что надо? — услышал Григорий громкий окрик, когда открыл дверь первой избы.

В небольшой комнате стояло несколько столов, а за столами сидели молодые сержанты, очень похожие на вестового.

— Я не знал, что тут канцелярия, — сказал Григорий.

— Ага, так ты шакалить пришел! — один из сержантов рыжий в веснушках парень лукаво подмигнул другим и впери́л в Григория грозный взгляд.

— Не шакалить, а хотел достать поесть, — обозлился Григорий. — Я уже сутки ничего не ел!

Рыжий сержант еще раз с торжеством посмотрел на товарищей и гаркнул:

— Стать смирно!

Григорию ничего не оставалось, как вытянуться. За прямое неподчинение старшему по чину могли быть неприятности. Сержант продолжал сидеть, покачиваясь на стуле.

Я тебя сумею обрезать и стоя, — подумал Григорий.

— Кругом шагом марш! — скомандовал сержант.

Обрезать не пришлось. Когда Григорий закрывал за собой дверь, сзади раздался дружный гогот всех трех сержантов. Дальше Григорий шел уже осторожнее и заглядывал в окна прежде, чем открыть дверь, впрочем последнее ему уже не пришлось делать: все избы были заняты различным начальством. Злой и раздраженный, вернулся Григорий в лес. Около шалаша тлел костер. Промокший от дождя хворост горел плохо, дым не поднимался в сырую мглу, стоявшую над лесом, а полз вдоль земли. Около костра сидели Семен Яковлевич, длинный туляк, пожилой мрачный красноармеец и носатый рябой сержант. Около Семена Яковлевича на пне лежали лепешки, сделанные из какой-то темной массы, похожей на глину..

— Что это вы печете? — удивился Григорий.

— Удалось что-нибудь достать в деревне? — спросил Семен Яковлевич.

— Там начальников, как крыс на складе: все сожрали, — перебил рябой сержант.

Григорий присел на корточки и потрогал пальцем одну из лепешек.

— Из чего это?

— За лесом тут поле есть... — иронически-грустно пояснил Семен Яковлевич, — в прошлом году вся картошка осталась невыкопанной, так бойцы ходят туда прошлогоднюю картошку копать, а из нее лепешки делают: как-никак крахмал! — Семен Яковлевич с презрением посмотрел на лепешки, — а кроме того, и соли нет, две недели уже без соли едят!

Семен Яковлевич вытащил из костра готовую лепешку и протянул Григорию. Голод заставил Григория съесть липкую массу, пахнущую гнилью и дымом.

— Все-таки крахмал! — ответил он на вопросительный взгляд Семена Яковлевича.

— Крахмал, туды его растуды! — не выдержал пожилой незнакомый красноармеец и со злобой плюнул в костер. — Двадцать лет к войне готовились, а как воевать, так крахмал жрать пришлось!

Семен Яковлевич опустил глаза в землю, подчеркнуто не отвечая на выпад красноармейца. Водворилось общее молчание.

— А что, формирование здесь давно идет? — спросил Григорий сержанта, чтобы переменить тему разговора.

— Три недели.

Сержант внешне очень напоминал заядлого комсомольца-активиста.

— С самого начала здесь?

— Был еще в дивизии во время боев, — сержант выразительно посмотрел на Григория.

— Потрепали? — спросил Григорий.

— Человек двести от дивизии осталось.

Сержант взял ветку и помешал костер. Повалился ядовитый дым, ослепляя сидевших кругом костра.

Спать в шалаше было плохо. Ночью пошел дождь, хвойная крыша протекла. На полу, под хвойным настилом, стали собираться лужи. Григорий с грустью вспомнил об отобранной телогрейке. Шинель была короткая, чуть ниже колен. Завернуться в нее ночью было трудно. Пришлось прибегнуть к обычному фронтовому способу: Григорий, пожилой солдат, ругавший советскую власть, и длинный туляк постелили одну шинель на хвою, а две другие сложили веером, воротами внутрь и лапами наружу. Таким веером можно было накрыться всем троим, если лечь тесно один к другому и переворачиваться по команде. При этой системе выгоднее всего было положение среднего; его грели с двух сторон товарищи, а сверху он при любой комбинации был плотно накрыт, в то время как двум крайним всегда дуло с одной стороны.

Утром продрогшим бойцам раздали муку, вместо хлеба, и сразу же началось печение лепешек. Потом сержант, уцелевший после разгрома дивизии, был вызван к командиру роты и принес известие, что прибыл новый командир взвода, который проведет через час первые занятия. Самого сержанта назначили командиром расчета. Новое назначение пришлось сержанту не по вкусу. Он все время ворчал про себя и хмурился.

— Ты хоть фамилию свою скажи, товарищ начальник! — пошутил Григорий.

— Фамилия моя Козлов, — ответил сержант раздраженно, — а командовать у меня никакой охоты нет. Довольно я уже голову подставлял!

Занятия происходили в лесу. Погода улучшилась, проглянуло солнце и сразу стало веселее. Бойцы трех будущих расчетов 82 мм. батальонных минометов, всего человек двадцать, сели на полянке, на холмике, обогретом солнцем. Лейтенант вышел на середину с прицелом в руке и остановился, не зная, как начать занятия. Тонкая фигура его в новой, только что полученной форме была стройной и гибкой, а круглое русское лицо очень добродушным.

— Вот что, — преодолел, наконец, смущение лейтенант, — я, конечно, младше вас всех, многим в сыновья гожусь, но порядок есть порядок. Я окончил военную школу и значит буду вами командовать, так чтобы уж никто на меня не обижался. А сам я слесарь из Днепропетровска... может земляки есть?

Лейтенант улыбнулся. Большие серые глаза доверчиво смотрели на красноармейцев. Выступление лейтенанта понравилось, но настроение у всех было настолько плохое, что красноармейцы продолжали сидеть насупившись. Лейтенанта это не обидело. Он стал серьезным и, не теряя времени, приступил к занятиям.

На обратном пути взвод сначала пошел было строем, но скоро часть солдат отправилась в поле за мороженной картошкой, а оставшиеся пошли как кому было удобнее. Григория отозвал в сторону Козлов.

— Ты не комсомолец случайно? — спросил сержант.

— Нет, — удивился Григорий, — ты разве не видишь, что мне больше тридцати лет? Какой же я комсомолец! Был когда-то.

— Вот и я был, — сказал задумчиво Козлов. — В 41-ом чуть в окружение попал, так билет комсомольский разорвал и бросил.

— Ну и что же? — Григорий с интересом посмотрел на сержанта и подумал: — Я не ошибся: Козлов типичный активист из рабочих.

— Ну и ничего. В 41-ом году все комсомольцы билеты рвали, да и партийцы тоже, а теперь ротный и политрук вызвали, велели всех комсомольцев на учет взять и самому заявление подать. Я им сказал, что билет-то потерял.

— Ты туляка спроси, — посоветовал Григорий, — у него вид рабочего, наверное комсомолец.

— Спрашивал уже, — безнадежным голосом ответил Козлов, — может он и был в комсомоле, да разве сознается!

— Почему же не сознается? — прикинулся удивленным Григорий.

Козлов посмотрел на него подозрительно и покачал головой:

— Ты что, был уже в боях?

— Был, — кивнул Григорий.

— Так сам, небось, знаешь, как зимой воевали, сколько народу положили! А летом немец опять даст жару.

— Ну и что же?

— А то, что в плен попадать лучше беспартийным. — Козлов вздохнул и отошел от Григория.

В роте Григория произошел скандал. В полк пришли первомайские подарки и были тотчас же разворованы начальством. Жалкие остатки водки и конфет дошли до роты для раздачи красноармейцам. Раздачей ведали старшина и политрук. Роту выстроили на поляне перед палаткой ротного командира. Сначала политрук не без труда сказал речь о празднике трудящихся, затем на смену ему выступил совсем пьяный старшина. Солдаты подходили по очереди и получали по шести конфет, которые старшина выдавал из мешка, находившегося в руках всюду поспевавшего вестового ротного. Раздав конфеты, старшина оглядел

строй пьяными глазами и весело подмигнул. По строю прокатился ропот: всем хотелось выпить и все были разочарованы шестью конфетами. Старшина подставил ладонь к уху, как бы прислушиваясь к тому, о чем ропщут красноармейцы, глупо усмехнулся и вдруг заявил:

— А водки мы получили всего ничего, па--ни---ма--ете? С гулькин ... — старшина произнес не вполне литературное слово, — а поэтому, по--этому делить ее не стали, по--ни--маете? Не стали, а выпили сами, — старшина заговорщически улыбнулся с таким видом, как будто был вполне уверен в полном сочувствии красноармейцев.

Ропот усилился, но в этот момент из палатки появился ротный с красным, сурово насупленным лицом. Стараясь соблюдать равновесие, ротный подошел к старшине, с неожиданной силой схватил его за шиворот и утащил в палатку. Политрук, не глядя красноармейцам в глаза, скомандовал:

— Разойдись!

Раздача первомайских подарков на этом кончилась.

Вечером Григорий и Козлов рассказали о происшедшем своему лейтенанту, но застенчивый днепропетровец не реагировал на события должным образом.

— Это дело политчасти, — ответил он уклончиво. — Вы поговорите с замполитом.

Замполит оказался тут же. Он вылез из темного угла лейтенантского шалаша и начал протирать заспанные глаза. Лейтенант дипломатически выскользнул из шалаша, а замполит, придя окончательно в себя, предложил Григорию и Козлову сесть. Слушая рассказ, замполит все больше и больше негодовал. Тщедушная, почти детская фигурка его грозно выпрямилась. Маленькое личико зарозовело, а в раскосых татарских глазах забегали искры.

— Разграбить первомайские подарки! — воскликнул замполит возмущенно. — Я им покажу! Если политрук не примет мер, я пойду прямо к комиссару дивизии, — замполит выбежал из палатки.

— Парень шустрый! — сказал Григорий Козлов, выходя следом за замполитом.

— Воспитанник детского дома, — сказал Козлов, глядя вслед замполиту, — из татар. Зовут его Кимом. Только не долго быть ему замполитом, если останется таким горячим!

— Думаешь, ничего у него не выйдет? — спросил Григорий.

— Посмотрим, — покачал головой Козлов.

Вечером совершенно отрезвевший сконфуженный старшина появился в шалаше, где жил Григорий. Его сняли с должности старшины и направили во взвод в качестве подносчика. Замполит победил, но и его самого ждала беда. Политрук роты, для того, чтобы красноармейцы не занимались целый день изготовлением лепешек, решил сам организовать печение хлеба в ближайшей деревне. Новый старшина, вестовой и несколько найденных им в роте пекарей отправились со всей пайковой мукой в деревню, находившуюся в нескольких верстах от лагеря. В ожидании хлеба красноармейцы просидели целый день на концентратах пшенной каши и лепешках из мороженной картошки. Когда вечером экспедиция вернулась, то вместо семисот грамм муки красноармейцам раздали по полкилограмма совершенно мокрого хлеба, смешанного с какой-то дрянью. На другой день повторилось то же самое, на третий — то же. Замполит, ободренный успехом в деле с первомайской водкой, пожаловался комиссару батальона, а когда тот не обратил внимания, пошел к комиссару дивизии. Комиссар прискакал в роту верхом и сразу подъехал к шалашу взвода Григория.

— Кто тут и чем недоволен? — крикнул он, с трудом осаживая горячую лошадь.

Красноармейцы высыпали наружу.

— Хлеб, товарищ комиссар, выдают с упеком: из семисот грамм муки полкило хлеба выпекают, — с иронией в голосе ответил пожилой солдат, ругавший советскую власть у костра в день прибытия Григория.

— С упеком? — комиссар впился в красноармейца злыми глазами, — а ты, отец, случайно не раскулаченный?

— При чем тут раскулаченный? — смутился красноармеец.

— А при том: упек упеком, а вражеская агитация вражеской агитацией. Вы что, вешали свои пайки или на глаз определили упек?

— Вешали, товарищ комиссар, — выступил вперед Григорий, чувствуя, что надо защитить пожилого красноармейца.

— А где же это вы вешали? — худое, скуластое лицо на крепкой, загорелой шее мгновенно повернулось к Григорию.

— С замполитом ходили в склад и там взвешивали, товарищ комиссар, — Григорий не опустил глаза под сверлящим взглядом комиссара.

— Во-первых, не товарищ комиссар, а товарищ дивизионный комиссар, — попытался тот осадить Григория, — а во-вторых, при дележе в таких условиях пайки всегда могут быть разного веса и говорить о злоупотреблении по случайному поводу нельзя.

Комиссар говорил уверенно, а почувствовав, что дуэль взглядов с Григорием кончается вничью, стал спокойнее и злее.

Сволочь крупного калибра, — подумал в свою очередь Григорий и, чтобы не обращать на себя слишком много внимания, опустил глаза. В этот момент с двух противоположных сторон к шалашу подбежали

совершенно запыхавшийся политрук с лицом, покрытым красными пятнами, и худой, бледный, с птичьим носом капитан — батальонный комиссар.

— У вас в батальоне все время скандалы! — крикнул, увидя их, дивизионный комиссар. — Приказываю: выяснить всё дело и наказать виновных, в том числе и нарушителей воинской дисциплины.

Дивизионный комиссар хлестнул лошадь, она рванулась, как раненая, и мгновенно скрылась за ельником. Батальонный комиссар и политрук обменялись испуганными взглядами. Политрук поспешно скомандовал красноармейцам «разойтись!» и оба политработника быстрым шагом направились к шалашу командира роты.

На другой день сконфуженный замполит появился в шалаше Григория и сказал, что его тоже сняли с должности замполита и направили в расчет подносчиком.

Когда пришли минометы, начались более серьезные занятия по тактике, хотя мин не было и поэтому не было учебной стрельбы. За минометами ходили на станцию. Несли их на себе, и Григорий, попавший в наводчики, первый раз узнал, что значит тащить на плече 16-ти килограммовый ствол на расстоянии десяти километров. Бедный замполит, которому пришлось тащить более чем двадцати-килограммовую плиту, заменявшую миномету лафет, совсем выбился из сил. Григорию стало его жаль, он переменялся ношей с татарченком и с этого момента между ними завязалось нечто вроде дружбы. Ким был круглый сирота, во всю жизнь не видавший ничего, кроме детского дома, мало образованный и очень легкомысленный. Врожденная честность заставила его выступить на защиту солдат, но, получив жестокий урок, он ослабел и потерял охоту к дальнейшей борьбе.

Григорий сошелся ближе и со своими двумя соседями. С пожилым красноармейцем, откровенным противником советской власти, Григорий разговорился вечером, после разгрома, учиненного комиссаром дивизии. Когда всё успокоилось, сосед вызвал Григория из шалаша и повел в лес.

— Я вижу, ты человек надежный, — начал солдат, — ты заметил, как комиссар намек дал, что я будто раскулаченный?

— Заметил, — кивнул Григорий.

— Оно так и есть, — толстое умное лицо солдата повернулось к Григорию. — Так и есть, — повторил он еще раз. — Я в 1930 г. сумел от ареста скрыться, во-время на производство из деревни улизнул... так... но откуда он это знать может? — солдат остановился и пристально посмотрел на Григория. — Кто-нибудь, значит, сообщил, а сообщил тот, кто знал, а знал один Козлов. Вот теперь и рассуди.

Григорий вспомнил первое впечатление от Козлова. Оно полностью соответствовало тому, что предполагал пожилой красноармеец, но почему же Козлов рассказывал Григорию о разорванном комсомольском билете. Или это была провокация?

— Может быть, и Козлов донес, надо быть вообще осторожнее, — сказал Григорий подумав.

— Поосторожнее, — процедил сквозь зубы солдат, — эту сволочь не разберешь, когда она укусит! На фронте, когда немец близко, такие делаются милые, а чуть в тыл, опять за старое: за доносы да за подвохи.

— Ты был уже в этой дивизии зимой? — спросил Григорий.

— Был... вот этот самый наш ротный ночью послал два взвода в обход противника, так строем и поперли. Думали, вдоль фронта идем, подошли к деревне, от которой наступать хотели, а в деревне немец-

кие автоматчики нас встретили. Веришь ли, из семидесяти человек только двое и ушло: я да Козлов. Тогда он другое пел.

Через две недели скрывшийся кулак вдруг исчез. Григорий сначала думал, что его арестовали, но потом случайно встретил в штабе полка.

— Как дела? — обрадовался Григорий.

— Как сажа бела, — усмехнулись толстые губы, — товарищи следствие начали: особый отдел вызывал три раза всё за то же, за прошлое... и хочется им нашего брата прикончить поскорее и боятся: война все-таки, вот и держат в комендантском взводе. А мне что? На передовую позже других попаду, больше ничего.

Длинный туляк Сережка при ближайшем знакомстве оказался не туляком, а москвичом. По специальности он был слесарь, вырос в Москве на Арбате и уехал к родственникам в деревню под Тулу осенью 41-го года с целью уклониться от мобилизации и скорее попасть к немцам.

— Две недели немцы деревню занимали, — рассказывал Сережка с неопределенным выражением лица, — а потом отступили. Тут вскоре меня и мобилизовали.

— Ну как же немцы себя держали, безобразничали? — задал свой обычный вопрос Григорий.

— Безобразничать не безобразничали, — задумался Сережка, — гусей всех сожрали... армия у них хорошая, форма новая, все молодежь, только...

— Что только?

— Народ они больно гордый, нашего брата презирают. В плен к ним лучше не попадаться.

— Плохо с пленными обращаются?

— Этого я не знаю, не было у нас русских пленных, но думаю лучше самострел сделать.

Последнее заявление было несколько неожиданным для Григория, но Сережка, повидимому, обдумывал этот вопрос давно.

— Ты смотри, — понизил он голос, несмотря на то, что они сидели у костра только вдвоем и никого близко не было, — ты смотри, летом Гитлер опять наступать начнет, а наши мясорубку сделают. К осени выяснится, кто кого. Сам знаешь, народ не очень за коммунизм стоять будет. Если самострел умно сделать; то как раз можно до осени в госпитале пролежать, только стрелять надо умно: через хлебный каравай или через дерево, чтобы рана не была опалена, а то расстреляют.

Чтобы не отталкивать Сережку, Григорий сказал неопределенным тоном:

— Как же ты самострел сделаешь, когда у нас и винтовок нет?

— То-то и оно-то, — покачал головой Сережка, — потому-то и оружия они не дают до самого фронта. Дали бы оружие, им не то что самострелы, а партизанскую бы войну в тылу открыли!

Григория заставили составлять списки взвода, а увидя, что у него хороший почерк, решили перевести на должность батальонного писаря. На минуту появилась соблазнительная мысль: должность писаря избавит от многих лишений рядового, но сейчас же Григорий подумал о том, что та же должность отбросит его дальше от передовой и может быть связана с неприятным копанием в биографии. Поэтому он решил при первой же возможности вернуться в расчет. Так или иначе, но Григорию пришлось, вместо военных занятий, идти в палатку командира батальона. В отличие от командира роты, командир батальона и комиссар жили в палатке, а не в шалаше. В первый же

день Григорию пришлось возиться со списками батальона. Бумаги в части не было. Списки рот и взводов писались на клочках бумаги карандашами так, что часто нельзя было разобрать фамилий. Григорий радовался, что в таком хаосе, в особенности в случае начала боев, будет очень легко ускользнуть из части совсем незаметно.

— Ну, как дело подвигается? — подсел к Григорию командир батальона.

Григорий взгляделся в лицо начальника. Командир сидел напротив, тяжело опершись грудью о стол. Тупой, тяжелый подбородок, изуродованный шрамом, на шее второй шрам, лицо круглое, молодое, но мятое и очень утомленное, глаза большие, серые, как будто подернутые матовой пленкой, смотрят на Григория не мигая, равнодушно и вместе с тем внимательно. Что-то напомнило Григорию взгляд следователя.

— Вы, товарищ Сапожников, работали до войны в качестве техника?

Тон у комбата небрежный, но это начало копания в биографии Григория.

— Я был монтером, — ответил Григорий.

Сознаться, что он был техником и даже инженером значило вызвать недоуменный вопрос: почему он не аттестован в качестве военного инженера? Спас Григория комиссар. Худая, жидкая фигура подошла к столу. Комиссара заинтересовал бинокль, лежавший на столе перед комбатом.

— Откуда это у тебя, товарищ прокурор, немецкий бинокль?

Вот откуда у комбата сходство со следователем НКВД: он был в гражданской жизни прокурором, — подумал Григорий.

— Трофейный, — лениво ответил комбат, но в каких-то неуловимых интонациях его голоса Григорий почувствовал настороженность. — Хороший бинокль,

цейсовский. Наступали мы по возвышенности, вижу — фриц убитый лежит, оберлейтенант, в руке бинокль. У меня своего бинокля не было. Наклоняюсь, хочу взять, а он подлюга его в пальцах зажал. Дернул я хорошенько, пальцы разжались. Думаю, недавно убит наверное, еще не окоченел. Вынул бинокль из футляра, рассматриваю и вдруг, знаешь, неприятно стало. Оглянулся, а он глаза раскрыл и на меня смотрит: живой оказался. Ну, я из нагана в него весь барабан выпустил: не гляди так, фриц проклятый!

Рот комбата расплылся в подобие улыбки, глаза остались такими же подернутыми тусклой пленкой, как и раньше. Комиссар захотел попробовать бинокль, оба вышли из палатки. Григорий снова склонился над списком.

На другой день комиссар, не глядя Григорию в глаза, сказал, что ему надо снести в штаб полка список батальона. Полковой писарь взял список и вежливо спросил фамилию Григория. Тон был необычный.

— Вам надо зайти в соседний дом и поговорить со старшим лейтенантом, — сказал еще вежливее писарь.

В пустой комнате сидел лейтенант в новой шинели с зелеными петлицами.

— Товарищ Сапожников?

Лицо у лейтенанта было довольно красивое и приятное, щеки гладко выбриты, вид не фронтовой.

— Да, прибыл по вашему приказанию, товарищ старший лейтенант, — вытянулся Григорий, разыгрывая из себя хорошего солдата.

— Садитесь, — ласково сказал лейтенант.

Григорий сел, зная, что имеет дело с офицером особого отдела. Ничего они обо мне не знают, а главное, знать не могут в этом хаосе, — подумал Григорий с радостью, — только бы Козлов не напакостил.

— Как вы относитесь к советской власти и родине? — спросил лейтенант.

— Вербует в сеть осведомителей, — понял Григорий и стал соображать, как лучше вести себя в таких сравнительно благоприятных условиях, когда его прошлое оставалось неизвестным противнику.

— Вы знаете, что враг очень коварен, — продолжал следователь, — в наши ряды засылаются провокаторы и диверсанты...

Григорий совсем успокоился и выбрал метод, который был лучше всего применим в данных условиях.

— Как бы вы поступили, товарищ Сапожников, если бы... — следователь внимательно посмотрел в глаза Григория.

— Я согласен вам доносить, — ответил Григорий.

Такая простота шокировала даже следователя. Когда что-нибудь удастся слишком легко, человек начинает невольно бояться. Следователь помолчал, собираясь с мыслями и сделав строгое лицо сказал:

— Только имей в виду, — он сразу перешел на ты, — что это дело секретное.

— Знаю, — ответил Григорий беззаботно.

Следователь еще больше насторожился.

— Знаешь-то знаешь, но об этом вообще никому говорить нельзя, а то некоторые как рассуждают: почему не рассказать Ваньке или Петьке, он ведь свой брат-комсомолец!

— Я никому не буду говорить, — кивнул Григорий, делая дурацкое лицо.

— Ну, ладно!

Следователь опять задумался: покладистость Григория определенно походила на легкомыслие. На всё сразу соглашается, а потом, чего доброго, раззвонит по части, — подумал следователь.

— Будешь ходить ко мне раз в неделю с докладом, но так, чтобы тебя не видели.

— Ночью? — спросил Григорий.

— Не ночью, а вечером, в свободное время. Ночью тоже ведь сразу обратишь на себя внимание.

Следователь с сомнением посмотрел на Григория.

— Значит вечером? Хорошо... Только знаете, товарищ старший лейтенант (лейтенант насторожился), я человек честный, советский, я должен вас предупредить (в глазах лейтенанта была тревога и растерянность)... я, конечно, всегда готов, но вот только, когда выпью... — Григорий щелкнул себя по шее, — когда выпью, то уж, простите, могу болтануть.

Следователь мгновенно завял от такого признания. Григорий знал, что осведомителю могут простить многое, но никогда не простят болтливости.

— Да, товарищ Сапожников, — протянул лейтенант, — сейчас вы можете идти, — он опять перешел на вы, — мы вас потом вызовем.

Григорий ушел, торжествуя легкую победу.

Через два дня Григория перевели из писарей назад в минометный расчет. Лейтенант его больше не тревожил.

Проведение в жизнь программы организации и спланирования дивизии развивалась последовательно и неуклонно. Соли, правда, еще не было, но зато прибыла кинопередвижка. Однажды, после обеда, объявили, что занятий больше не будет, будет общее построение полка, а потом, когда стемнеет, прямо в лесу покажут фильм: «Разгром немцев под Москвой». Идти по лесу строем было почти невозможно и красноармейцы разбились на группы. Григорий шел один. Неожиданно его окликнул Козлов. Козлова Григорий последнее время сторонился, особенно с тех пор, как заметил, что сержант и еще один солдат их расчета — в прошлом учитель естественник — стали регулярно раз в неделю пропадать по вечерам под самыми различными предлогами.

— Знаешь новости? — спросил Козлов.

— Какие?

Григорий чувствовал, что Козлову неприятно, что он его сторонится.

— Знаешь, зачем затеяли построение полка? — глаза Козлова стали по-настоящему грустными.

— После построения будет кино? — ответил Григорий.

— Кино-то будет, а перед этим другое кино устроят, — Козлов криво усмехнулся.

— Какое?

— Дезертира будут перед строем расстреливать.

Григорий остановился. Он знал, что дезертиров расстреливают, но расстрел в сочетании с кино!

— Жмут на нашего брата!

Григорий чувствовал, что Козлов говорит, не провоцируя, а искренно.

— Так жмут! — Козлов потемнел. — Народа совсем не жалеют, только бы свою власть спасти. Я этого никому, кроме тебя, не скажу: теперь... — Козлов быстро оглянулся по сторонам, — теперь надо быть поосторожнее, но я воевать больше не хочу. Либо к немцам перейду, либо самострел сделаю. Тебе я верю, но смотри: больше никому.

Григорий ничего не ответил. Внутри поднималось отвратительное чувство при мысли, что на его глазах сейчас будут расстреливать человека.

— Речи перед расстрелом говорить будут, — продолжал Козлов, — от нас этот учитель выступит, а потом его в офицерскую школу пошлют.

— Тоже спасется от фронта, лето, гляди, проучится! — не выдержал Григорий.

— Все, кто как умеют, ловчатся, — вздохнул Козлов, — а твой приятель Семен Яковлевич сегодня уже ушел в штаб дивизии, устроился наборщиком в фрон-

товую газету. Люди спасаются, а мы с тобой умирать должны.

Около опушки, на большом неровном поле было выстроено громадное каре. Кое-как надетые шинели, никакой выправки, бледно-серые лица. Люди сливались с вялой, вытоптанной травой, трава с людьми. В середину каре вышли какие-то офицеры, среди них хорошо запомнившийся Григорию комиссар дивизии. Первым говорил комиссар. Григорию казалось, что он ясно видит сухой блеск глаз и волчий оскал большого обветренного рта.

— В тот момент, когда родина испытывает величайшее напряжение, отражая удары фашистских банд, — голос у комиссара был резкий, громкий и уверенный.

Такие вот и удерживают красную армию от полного развала, — думал Григорий, — только на родину ему наплевать. Он просто хищный и хорошо выдресированный зверь, которого увлекает техника властвования над невооруженной толпой солдат. Интересно, говорил ли бы он так уверенно, если бы у всех этих измученных людей были винтовки и патроны?

Комиссар повернулся спиной к Григорию и стало почти невозможно следить за речью. Ясно слышен был только звук голоса, такой же уверенный и резкий, как вначале. Комиссар кончил речь и повернул голову налево. Строй заколебался, шеи вытянулись, тела напряглись. Вдоль противоположной шеренги двигалась группа: впереди тщедушный солдат в шинели, накинутой на плечи, за ним два автоматчика и офицер. Группа остановилась недалеко от того места, где стояли комиссар и офицеры. Григорий только теперь заметил, что как раз там была видна куча свежей земли — могила. Солдата в накинутой шинели поставили лицом к могиле. Конвоировавший его офицер и автоматчики остались на шаг позади. Пригово-

ренный стоял понурый, сгорбленный, с опущенными плечами. Наверное человек не молодой и затравленный, — подумал Григорий. — Виноват не больше многих других, но на него пал жребий быть примером для всего полка.

Из рядов напротив вышел какой-то военный и, обернувшись лицом к строю, из которого вышел, начал говорить. Разобрать, что говорил оратор, было совершенно невозможно. Ветер уносил в сторону все слова и были слышны только отдельные возгласы, слабые и неуверенные. Проговорив минуты три, оратор вернулся в строй, а на его место вышел другой солдат. Напряжение, вызванное появлением приговоренного, проходило. Ораторы сменялись один за другим. Приговоренный стоял попрежнему неподвижно. Автоматчики сзади него переминались с ноги на ногу. Вся сцена начинала казаться неестественно обыденной и пошлой, — рядовой, нудный советский митинг. Григорий почти перестал следить за тем, что происходит, но в этот момент из рядов около него вышел солдат, обернулся к строю и заговорил. Это был учитель-естественник, которого, по словам Козлова, должны были направить в офицерскую школу. Речь была бессвязной, патриотически-коммунистической. Григорий смотрел на бледное, невыразительное лицо оратора, на тусклые остановившиеся глаза и думал: это не человек, а футляр от человека. Учитель кончил и поспешно, боясь лишнее мгновение остаться на глазах у своих товарищей, нырнул в строй. Новых ораторов не было. Полтора часовой митинг кончился. Комиссар вышел вперед и махнул рукой. Офицер, стоявший за приговоренным, поднял наган и до Григория долетел глухой звук выстрела. От автоматов и нагана взвился легкий дымок. Серая шинель, сброшенная на плечи казненного опустилась и тело мешком упало в яму.

Экран был натянут между двух деревьев, прямо среди леса. Тарахтела кинопередвижка. Неясные тени плохо отражались на грязном полотне. Фильм назывался: «Разгром немцев под Москвой». Операторы засняли главным образом залпы тяжелой артиллерии. Единственной, действительно, красивой сценой была атака конницы генерала Белова деревни, занятой немцами. Григорий стоял у дерева и механически следил за фильмом. Красноармейцы разбрелись по лесу и почти никто не смотрел картины.

— Пойдем, — к Григорию подошел длинный туляк.

Григорий и туляк пошли по темному лесу.

— Я тебе говорил, — начал слесарь, — через дерево или хлеб. В плен я не хочу: с дезертирами видишь как расправляются. Остается только самострел.

Теплая июньская ночь. Луна делает лес похожим на театральную декорацию. Очертания кустов и деревьев таинственно изменены. Когда из окопа, покрытого ветками встает фигура красноармейца, кажется, что это из-под сцены поднимается статист, загримированный под лесного духа. Григорий стоит под деревом с винтовкой в руках. Противник близко и каждый расчет выставляет своего часового. Из-под земли, из окопов, похожих на могилы, доносится ровное дыхание, храп и сонное бормотание. Часов ни у кого нет. При смене караула руководствуются луной и большой медведицей. Когда голубовато бледный диск зайдет за верхушку сосны, темнеющей напротив Григория, Григорий разбудит Кима, который должен его сменить. В лесу тихо. Очень редко слышны отдельные ружейные выстрелы и иногда коротко и сухо прострочит пулемет. Дивизия стоит во втором эшелоне, в любой момент она может выйти на передовую. Ожида-

ние опасности страшнее самой опасности. Нервы напряжены.

С другой стороны поляны Григорий слышит голос, который делается все громче и громче: часовой будит свою смену. Он наверное подошел к окопу, может быть, тормошит спящего за плечо. Ясно доносится возмущенный голос:

— Ванька, а, Ванька, вставай на смену!

Ванька ничего не отвечает и вставать не хочет. Григорий знает этого Ваньку Кучина или просто Кучу, как его зовут солдаты; это высокий, тощий парень с широким прыщавым лицом, похожим на блюдо. Все солдаты голодны и все непрерывно думают о еде, но у Кучи аппетит волчий, стихийный, ничем не утолимый. Аппетит двигает Кучу на самые рискованные и необдуманные поступки: утром и вечером он самовольно уходит на передовую искать заблудившиеся, потерявшие свои части кухни и выпрашивает кашу. Он нюхом узнает, где лежат только что убитые лошади и приносит свежую конину. Он меняет на хлеб немецкие бритвы и разные кремы. Откуда он их достает, никто не знает. За самовольную отлучку Ванька может быть ежеминутно расстрелян, но пока ему все сходит с рук потому, что он снабжает добытыми вещами и продуктами командира роты, политрука, старшину и командира взвода.

— Ванька, а, Ванька! — раздается безнадежный голос часового.

Ванька упорно не отзывается.

— Ну, чорт с тобой! — теряет терпение часовой. — Винтовку я оставляю у сосны и иду спать, а ты как знаешь.

В лесу снова водворяется тишина. Нежно шелестят молодые листья.

Всё этим парням сходит с рук! — думает Григорий, — как старались поднять дисциплину во время

формирования! Попали на фронт, вся дисциплина кончилась. Ведь не может быть, чтобы кто-нибудь из офицеров не слышал разговора часового с Ванькой. Начальник караула, командир третьего взвода, дрыхнет в окопе с самого вечера. Мысль Григория возвращается назад в Москву из этого смоленского леса, но он старается не думать о родных и, чтобы отвлечься, начинает анализировать то, что произошло за последнее время.

Дивизия снялась неожиданно. Начались трудные и непонятные ночные переходы. То подходили совсем к фронту так, что слышали немецкие пулеметы, то отходили в тыл, делали дневку и снова куда-то уходили ночью. Кормили плохо: утром суп, вечером суп, в промежутке 400 грамм сухарей и ложка сахара. Голодно. Особенно при ночных переходах по тридцать-тридцать пять верст с личными вещами и частями минометов на плечах. — Тренируют перед боями, — думал тогда Григорий. Немцы, судя по доходившим до дивизии газетам, наступали медленно. Разгрома Красной армии во всяком случае не было. Может быть, Владимир прав, — приходило в голову Григорию, — может быть, война из маневренной выльется в позиционную, повторится семнадцатый год. Но мысли недовольных солдат были направлены только на сдачу в плен и уклонение от фронта.

Над лесом метнулась ракета, поднялась вверх и стала медленно опускаться вниз, затмевая лунный свет желтым мерцанием. А страшно опять идти в бой, — поежился Григорий.

Бывший старшина, снятый в подноски за то, что выпил водку, присланную к 1-му мая, стал снова делать карьеру. Начал он с того, что подал заявление

в партию. Разжалованного старшину сделали командиром расчета Григория. Козлова перевели командиром расчета, созданного из одних комсомольцев.

Продежуриив часть ночи, Григорий спал в окопе, радуясь, что по всем признакам нового похода не предвидится.

— Сапожников! — услышал он неприятный голос командира расчета.

— Что? — Григорий сел в окопе и протер глаза.

— Собирайся живо: нам и комсомольцам поручается особое задание.

Сердце Григория забилося. Особое задание! Нет хуже, когда непосредственное начальство делает карьеру.

Тропинка вилась вдоль опушки. Слева громоздились старые липы, березы и ели, справа, за ветвями, гирляндами спадающими до земли, был заливной луг, кусты ивняка и речка. Пахло листвой и травами. Чирикали птички. И где-то за этой тихой красотой таился фронт, минированные поля, артиллерия, аэропланы: весь ужас и все безобразие войны. Впереди шел майор, командир полка, к которому был прикомандирован минометный батальон. Майор был высокий, жилистый и шел очень решительно. За майором сутулилась мешковатая фигура командира батальона, за ним широкие плечи и толстый зад командира роты, потом — цепочка комсомольского расчета, потом расчет Григория, сзади — командир взвода Григория.

— Что они задумали? — ломал себе голову Григорий.

По лесу гулко разнесся звук минометных разрывов. Несколько немецких взводов дали по несколько выстрелов. Комсомольцы шарахнулись было в сторону, но видя, что командиры идут, не замедляя шага, во-время остановились. Тропинка резко повернула влево. Майор остановился, за ним остановились все

другие. Майор что-то сказал командиру роты. Тот повернулся и сделал знак Козлову. Расчеты остались на месте. Командиры спустились с горки в сторону реки и скрылись за кустами. Прошло несколько неприятных минут. Командир взвода вернулся и дал знак красноармейцам подойти к нему.

— Сейчас командир полка укажет нам позицию, — начал лейтенант тихо. — На фланге стоящей на передовой советской части появился немецкий миномет. Он выдвинулся далеко за немецкие позиции. Задание будет состоять в том, чтобы незаметно установить минометы и уничтожить немцев прежде, чем они успеют открыть ответный огонь.

Григорий видел, как побледнел Козлов и насутился туляк. Командир расчета Григория стал нервно поправлять гимнастерку. Из кустов показалась квадратная физиономия командира роты. Григорию почудилось, что в заплывших жиром глазах бегают злобные огоньки.

Сразу после небольшого обрыва земля стала мягкой, местами под каблуком выступала вода. Наверное, фронт проходит за речкой, — соображал Григорий. — Если нас засекут с главной немецкой позиции, то дадут залп, вроде того, который мы только что слышали. Как глупо умереть за советскую власть!

За последней завесой кустов и ветвей показалось поле. Высокая, нескошенная трава, много цветов. Козлов и старшина вышли вперед.

— Позвать наводчиков, — сказал майор слишком громко, как показалось Григорию.

У наводчика комсомольского расчета, круглолицего курносого паренька, тряслись губы. Наверное шел первый раз в бой.

— Вон там, — длинная, сухая рука майора протянулась вперед. — Смотрите хорошенько на поле. Вон там сухое дерево, под ним немецкий расчет.

Григорий всмотрелся. За жилистой загорелой кустью майора сухое дерево, под ним не видно ничего. — Это далеко и, конечно, с первых выстрелов наши не попадут, а немцы увидят дым и тогда...

Комсомольцы стали близко, шагах в восьми. Майор и командир роты куда-то исчезли, остался только командир взвода. Ясно, что окапываться поздно, надо поставить минометы и скорее стрелять. Земля мягкая и при первом выстреле плита сильно уйдет в землю. Придется переставлять прицел.

— Скорее, скорее! — шипит над ухом Григория старшина. — Ставь здесь.

— Здесь нельзя: ветки прямо над дулом, — шепчет Григорий.

— Ставь я тебе говорю! — шипит старшина и начинает ругаться.

Идиот! — думает Григорий. — Как только поставим, сам увидит, что стрелять так нельзя: мина заденет ветки и разорвется над головой.

— Ставь, сволочь!

Григорий с лихорадочной быстротой расставляет при помощи туляка двуногу-лафет.

— Ну, сам теперь видишь?

Старшина видит. Лицо его искажается безобразной гримасой.

— Скорей переставляй!

— Только бы комсомольцы подождали, — думает Григорий.

Бам, бам! Комсомольцы не дождались. Секунда жуткого, напряженного молчания и ровный грубый голос майора откуда-то сверху из зелени:

— Недолет метров на двести, ротозей!

Скорее, скорее! Двунога уперта в землю, Григорий наводит. Ствол медленно идет вверх и в сторону. Точность и хладнокровие: от этого зависит жизнь. Хле-

щущий гул разрывов. Это не один миномет, это целый батальон, это то, чего боялся Григорий. Мягкая, влажная земля, затоптанные зеленые травинки. Сбоку туляк лежит и не шевелится, сзади, упираясь головой в пятки Григория, распластался Ким. Кажется живы! Эхо замолкло. Зловещая тишина. Нет, это еще не так близко, это перелет или недолет. Лежать здесь бессмысленно. Ну и что же, когда-нибудь надо умирать! Григорий встает на одно колено. Голова пустая. Григорий наводит. Туляк приподнимается и берет в руки мину. Старшина тоже приподнимается на локте и, стараясь говорить так, чтобы не дрожал голос, спрашивает:

— Можно открывать огонь, товарищ майор?

— Сложить миномет и отойти! — слышится из кустов спокойный голос майора.

Григорий, ничего не понимая, быстро разбирает миномет, берет ствол и ныряет под свешивающиеся ветки. Слева стоит брошенный миномет. Навстречу Григорию из глубины леса идет Козлов, за ним вереница комсомольцев. Вслед им слышится голос майора:

— Вернуться к миномету, выдвинуться на двести метров вперед и занять позицию.

Григорий поднимается на тропинку. У поворота майор и командир взвода стоят и курят.

— Молодцы, — говорит майор полунасмешливо: не трусили и не разбежались, как комсомольцы. Можете идти в расположение части. Идите с ними, — обращается майор к комвзводу, а тех за трусость мы с командиром роты еще погоняем.

Только теперь Григорий понимает, что никакого немецкого миномета не было и вся история с особым заданием выдумана для тренировки.

Г л а в а д в е н а д ц а т а я

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

Через Москву катились эшелон за эшелон. На фронте, между Можайском и Ржевом, готовилось советское контрнаступление. Дивизию Григория погрузили за Сухиничами. Москву эшелон огибал по Окружной железной дороге. Прибыли ночью. Григорий успел сбегать к железнодорожникам и узнать, что все эшелоны идут через одну и ту же станцию окружной железной дороги. Тут же в железнодорожной будке был телефон, и Григорий позвонил Леночке. От Кати не было никаких известий. Леночка обещала прийти, хотя официально в этот час ходить по Москве было запрещено, но посты состояли из обыкновенных красноармейцев и Леночка была уверена, что ее пропустят.

— Иди скорее, — подбежал к Григорию один из железнодорожников, — ваши офицеры эшелон проверяют.

Григорий выскользнул из будки и, сделав несколько шагов, натолкнулся на командира роты.

— Что тут за хождение! — набросился ротный на Григория.

— Ходил оправляться, товарищ старший лейтенант, — ответил Григорий и исчез в темноте.

Переброска войск производилась в строжайшей тайне и когда на путях станции окружной железной

дороги, где вторично остановился эшелон, появилось несколько женских фигур, начальник эшелона был в панике. Помимо Григория, два лейтенанта-москвича успели позвонить родным по телефону. Несмотря на недовольство начальства, виновных не наказали и разрешили пойти к своим. Свидание с Леночкой было мимолетным. Она еще больше похудела.

— Плохо? — спросил Григорий.

— Голодно, — ответила Леночка.

Григорий хотел еще раз спросить о Кате, но не смог и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

— Я окончательно решил переходить, — сказал он, беря себя в руки и пристально глядя на сестру.

Леночка скорбно посмотрела на брата. Григорию показалось, что она его не одобряет. Он раздраженно добавил:

— Другого выхода я не вижу.

Леночка поняла состояние брата и в глазах ее появился испуг.

— Конечно, переходи, Гриша, — зашептала она скороговоркой, — я понимаю, что там не одна Катя... — Леночка не назвала слова концлагерь, — делай как лучше, только, — Леночка запнулась, — не поздно ли уже?

— Надеюсь, еще не поздно.

— По вагонам! — крикнул чей-то голос.

Леночка припала к Григорию и, не стесняясь окружающих, быстро его перекрестила.

— Прощай, Леночка! — крикнул Григорий уже из двери вагона.

Выгрузили под Можайском ночью. Через город прошли строем с песнями. Колебались головы, поднималась пыль и тонкий, надрывной тенор запевал песню

о вороне, который с поля битвы унес «руку белую с кольцом». Глухо подхватывал хор. Все чувствовали, что идут на смерть. Из домов выходили кое-как одетые люди и застывали у порогов. Пройдя несколько улиц, повернули направо и вышли в поле. Перед самым рассветом остановились в лесу, вырыли окопы и спали весь день. Среди дня прибежал политрук и куда-то вызвал Козлова и весь комсомольский расчет. В это время пошел дождь. Григорий забрался под густую ель и задремал. Разбудил его крикливый голос комиссара батальона. Комиссар начал проявлять себя в пути. Тощий, узколицый и истеричный, он появлялся то тут, то там верхом на лошади и мучил красноармейцев глупыми распоряжениями: то подгонял отстающих, то заставлял окапываться на привалах, а когда окопы бывали готовы, переводил на новое место. Теперь комиссар нервничал, давая какие-то инструкции комсомольцам. Григорий не стал слушать и заснул опять. Окончательно проснулся он, когда Козлов потянул его за ногу.

— Иди-ка сюда скорей, — шептал таинственно комсорг.

Григорий с трудом открыл глаза и вылез из чащи. Лицо у Козлова было торжественное. Когда отошли за густой ельник, Козлов достал из кармана листовку.

— Немцы разбросали, комиссар совсем распсиховался; посылал нас собирать. Читать, конечно, запретили, а я одну спрятал. Надо скорее прочесть и закопать.

Григорий жадно прочел неотчетливо напечатанный оттиск. Сын Сталина попал к немцам и призывал красноармейцев переходить. Писалось о хороших условиях жизни в плену, о сытном пайке. В конце листовки был пропуск на русском и немецком языках. Ни слова о самом главном: о будущем России и о борьбе с большевиками.

— Сына Сталина не тронули... значит и нам нечего бояться, — сказал Козлов, комкая листовку, но и в его голосе было сомнение и разочарование. Ушли разными путями, закопав листовку.

— Слышишь, никому ни слова, — попросил Козлов на прощание, — мы с тобой друг дружку понимаем.

А как же Крестовый поход? — думал Григорий, — ведь даже Козлову, и тому нужен призыв к борьбе, а не только обещание хорошего пайка.

Настроение Григория резко упало и только мысль о том, что хуже большевизма все равно ничего не будет, несколько его успокоила.

Больше недели дивизия шла зигзагами по тридцать-сорок километров в ночь. Это начинало казаться бессмысленным. Часто встречали собственные полки, шедшие навстречу. Очевидно, начальство хотело сбить с толку разведку противника. Нервозность комиссара батальона возрастала.

Однажды под утро остановившийся на дневку батальон подняли. Дали концентратов гречневой каши и по банке американских консервов. Подносчиков нагрузили максимальным запасом мин. Тихо двинулись между мокрых от росы кустов и вышли на грязную от вчерашнего дождя дорогу. Лес делался мельче и мельче, опушка должна была быть недалеко. Свернули с дороги в моховое болото и устроили привал между мягкими, как толстый ворсистый ковер, кочками. Григорий выбрал место посуше и лег ногами на ствол миномета, плечом на кочку. Было очень тихо. Небо постепенно белело. Туман поднялся от земли и повис между кустами. Скорей бы начиналось, — вяло думал

Григорий. Туляк повернул к нему посеревшее лицо и прошептал:

— Бой будет. В случае потерь наедемся досыта. Ребята рассказывали, что раз во время наступления только четверть роты уцелело, а привезли на всех макарон с мясом, так наелись и в котелки еще взяли.

Григорий задремал. Сквозь сон он услышал, как запел жаворонок, потом в глаза ему ударил красный луч восходящего солнца, потом... вдруг что-то началось. Григорий не сразу понял, что именно. Когда он открыл глаза, то кругом него сидели заспанные, обескураженные красноармейцы. Воздух над головой напряженно гудел. Там летало что-то тяжелое, захлебывающееся, непрерывное. Григорий слышал и гул залпов, и гул разрывов, и оба гула сливались вместе и нельзя было отличить залпы от разрывов и разрывы от залпов. Но самым страшным и неожиданным было сотрясение воздуха над головой. В нас ли или мы? — было первой мыслью Григория, потом захотелось вскочить и начать что-то делать, но никаких приказаний не было. Постепенно все пришли в себя и поняли, что никакой катастрофы не произошло, а идет чудовищная артиллерийская подготовка, и после нее будет попытка прорыва немецкого фронта. Два часа сотрясался воздух, затем сразу наступила тишина. В ушах звенело. Всё кругом казалось не таким, каким было только что, когда гул канонады господствовал над всем. Красноармейцы невольно встали. Где-то недалеко, но очень тихо слышалось ура.

— Стройся!

Мелькнул комиссар на своей лошади, истерично крикнул и исчез. Григорий взвалил ствол на плечи и пошел. Между кустов мелькали сосредоточенные и напряженные лица. Вышли на вчерашнюю грязную дорогу и пошли по ней, скользя и спотыкаясь. Вот она опушка. За опушкой овраг и крутая гора. На горе се-

рые русские шинели, под горой повозка. Колеса застряли в песке маленького ручейка. Скорее на гору! У гребня на тропинке незнакомый старшина.

— Идите прямо: с боков много немецких мин.

Вот она немецкая передовая! Вдоль гребня вьется окоп глубиной не больше полуметра. На расстоянии тридцати-сорока шагов друг от друга пулеметные и стрелковые гнезда. Несколько трупов в зеленоватых мундирах, очень мало воронок. Шквал артиллерийской подготовки был обрушен куда-то в другое место. Справа лес, слева большое поле. Голова батальона поворачивает к лесу. Как все просто и не страшно, не то что было зимой. А вот она опасность!

Гул внезапный и неумолимый: немецкие самолеты. Желто-черный юнкерс падает на головы впереди идущих. Резкий треск крупнокалиберных пулеметов. На земле валяются люди в крови и люди еще живые, неподвижные, как мертвые. Юнкерса уже нет, но небо полно гула пропеллеров. Вперед, вперед: не потерять своих и скрыться в лесу! Ноги слабеют от усталости и страха. Вперед, вперед! Откуда-то вырастает деревня и обсаженная тополями дорога. Крайний дом пылает ярким пламенем. Старуха стоит против дома, окаменела от горя. Трещат зенитки.

— Сбили, смотри, сбили!

Григорий смотрит на небо. Там облака, гул и белый купол парашюта, медленно плывущий к земле. Теперь не так страшно: лес совсем близко. На дороге мальчишка-автоматчик. Перед ним невысокий немец с поднятыми над головой руками. Это он спускался на белом парашюте. Но вперед, вперед к лесу! Под высоким кленом Григорий переводит дыхание. Пострадала первая рота: вышло из строя пятнадцать человек. Туляк показывает Григорию немецкую плащ-палатку.

— Подобрал, когда перебежали поле. Прострелена в двух местах, в середине пятно крови, но это ерунда. Кровь смоем и можно будет не бояться дождя.

Лейтенант собирает взвод и строит по расчетам. Дивизия идет во втором эшелоне и в любую минуту может быть введена в бой. Имеющиеся в батальоне ротные минометчики уже посланы на поддержку наступающей пехоте. Немцы быстро отходят. Наступление идет на стокилометровом фронте. Сегодня 4-ое августа, — вспоминает Григорий.

После получасового привала двинулись дальше лесом. Над деревьями не умолкает гул немецких самолетов.

— Если бы не листва, они бы нам дали! — говорит туляк.

Командир расчета впереди, мрачный и грубый. Немцы продолжают быстро отходить. Туляк догоняет Григория и сообщает новость: старшина Баранов, заменивший снятого ранее командира расчета Григория, тоже снят и направлен в расчет ротных минометчиков.

— Стало быть, уже на передовой? — спрашивает Григорий.

— На передовой, — подтверждает туляк и обоим становится страшно.

— За что снят Баранов? — спрашивает Григорий. Туляк отстает от командира расчета и тихо шепчет:

— Наш ему простить не мог, что Баранов стал старшиной на его место, о чем-то донес комиссару...

— Почему же его послушали?

— А он ведь в партию заявление подал.

Показалась опушка. Вдоль нее стали растягиваться роты батальона. Взвод Григория залег в кустах. Подошел молодой ладный паренек, батальонный писарь, передал что-то командиру взвода и обратился к

Козлову. Козлов поднялся из-под куста и Григорий видел, как писарь рассказывал что-то оживленно и весело. Писарь ушел, а Козлов подошел к Григорию и рассказал, что писарь, по специальности железнодорожник, присужден судом ксылке на фронт, а сейчас дело его пересмотрено, он оправдан и, как железнодорожник, будет отправлен домой.

— А нам воевать, — вздохнул Козлов, — немцы, отходя, все время контратакуют.

В этот момент над головами Григория и Козлова что-то просвистело. Оба распластались на земле, а метрах в ста от них раздался сильный взрыв. В ту же минуту был дан приказ идти дальше. Сразу за лесом начинался овраг. В начале оврага стоял командир роты и вестовой. Григорий слышал, как вестовой сказал командиру расчета, что половина ротных минометчиков погибла от артиллерийского налета.

— А у нас контужен командир батальона и убит ротный писарь, тот самый, которого хотели домой отправлять, — сказал командир роты.

Пошли дальше. Овраг был изрыт воронками, идти было страшно. Григорий, как всегда в таких случаях, стиснул зубы и старался ни о чем не думать. Вдруг голова роты остановилась. Григорий посмотрел направо и увидел, что от оврага идет небольшой отрог, а на самом углу его много взрытой земли и изпод нее торчат несколько ног.

— Тут наших и зарыли, — как-то странно сказал командир расчета, останавливаясь. — А вон те ноги в новых ботинках — барановские.

В конце оврага остановились еще раз и вышли из него, когда было уже совсем темно. Григория начало знобить потому, что пошел дождь и он промок. В темноте замаячили высокие придорожные тополя и показались крыши домов. Где-то за деревней трепетало зарево. Свернули в сторону по аллее тополей, остано-

вились. Появилась фигура на лошади и надрывный голос комиссара закричал:

— Выкопать минометные гнезда и окопаться самим!

Копать под тополями было очень трудно. Корни переплелись с камнями. Командир расчета занялся своим окопом, обессиленный Ким лежал под тополями, татарин-подносчик копал блиндаж для командира роты. В минометном гнезде возился Григорий и туляк. Туляк вдруг взорвался:

— Ну их к чорту этих комиссаров и командиров! Только о себе и думают. Пусть сами гнездо копают, если хотят, я пойду себе окоп делать.

— А если стрелять придется? — спросил Григорий.

— Плевал я на всех и на тебя тоже, — ответил туляк, отходя на поле и принимаясь за окоп.

Когда Григорий кончил окоп, комиссар, блиндаж которого был уже окончен, приказал открыть стрельбу.

Немцы в двух километрах, — сообразил Григорий, проверяя прицел при свете спички. — И зачем стреляем? Только себя обнаружим.

Стреляли мало потому, что не было мин. Когда минометы замолкли, был дан приказ ложиться спать, оставив по часовому у каждого миномета. Так как окопа у Григория всё равно не было, он вызвался дежурить первым. Ночь была тихая. Пожар догорел, и небо со стороны противника стало темным. Дождь не прекращался. Григорий прислонился к дереву около минометного гнезда и курил в рукав. Визг падающих сверху мин заставил его прыгнуть в окоп. Осколок щелкнул по стальной каске и опять, как зимой, каска спасла от ранения. Мины сыпались в продолжение нескольких секунд. Когда всё кончилось, Григорий услышал стоны. По поляне бегали растерянные люди.

— Переходить на другую позицию! — кричал командир роты.

Григорий встал. У окопа собрались командир расчета, Ким и татарин. Туляка не было.

— Наверное ранен, — сказал Григорий и пошел к окопу, вырытому приятелем.

— Не ходи, сейчас переходить будем! — крикнул ему вслед командир расчета.

Григорий сделал вид, что не слышит, и наклонился над окопом. Оттуда раздавался стон.

— Что с тобой? — спросил Григорий.

Окоп был укрыт жердями, сеном и плащ-палаткой. Крыша эта покосилась и осела. Григорий отбросил сено, снял жерди и зажег спичку.

— Несколько осколков в боку, — простонал туляк.

— Комиссар убит! — услышал Григорий чей-то голос.

— Строиться! Куда вы все разбрелись? — заорал ротный.

Мимо Григория мелькнул политрук роты.

— Товарищ политрук, разрешите сначала раненых отнести? — попросил Григорий.

— Никаких раненых! Сейчас же на новую позицию!

Политрук грозно махнул пистолетом и скрылся в темноте.

— Не оставляй меня здесь, не оставляй! Они сейчас дадут еще залп! — просил туляк.

— Сапожников, немедленно к миномету! — рычал, как зверь, командир расчета.

Дождь полил, как из ведра.

— Может быть, немцы под таким дождем стрелять не станут? — подумал Григорий, взваливая на плечо ствол миномета.

Батальон отошел метров на сто в сторону, в маленький овраг. Об окапывании не могло быть и речи.

Казалось, что начинается потоп. Части минометов сложили в грязь и остановились, не зная что делать.

— Я пойду подбирать раненых, — решительно сказал Григорий.

Командир расчета промолчал. Григорий подтолкнул Кима и двинулся в темноту.

— Смотри, если во время не вернешься, то расстреляют как дезертира, — крикнул ему вслед командир расчета.

Что значит во-время? — подумал Григорий, шлепая по лужам.

Туляк лежал наполовину в воде. Тащить его из узкой ямы было трудно. Между ребер раненого торчало три больших осколка, за нижним ребром была слепая рана.

Плохо его дело, — подумал Григорий, ощупав рукой осколки, но силы у слесаря еще были. Только при его собственной помощи удалось вытащить товарища наружу. — Куда его вести? В темноте Григорий натолкнулся на связного командира роты.

— Куда доставлять раненых? — спросил Григорий.

— К дороге, метров двести отсюда. Пойдем, я покажу.

Связной подхватил раненого за ноги и все трое двинулись в путь.

— А комиссар от страху помер, — сообщил на ходу связной. — Плащ-палатка над блиндажом целехонька, а он лежит и не дышит.

— Что же вы с ним сделали? — спросил Григорий.

— А что делать? — удивился связной. — Доложили политруку, документы из карманов вытащили да и зарыли тут же в блиндаже.

Туляка оставили у дороги в большой пещере, выкопанной еще немцами. Там было человек десять раненых, стонавших в абсолютной темноте. Григорий

спросил, есть ли с ними санитар, а чей-то голос в темноте ответил, что санитар есть. Пришлось сразу вернуться, чтобы не быть обвиненным в дезертирстве.

Минометчики шли по лощине. Слева и справа стояла желтая неубранная рожь. Вдоль лощины росли отдельные группы кустов. Где-то справа был лес, а за лесом передовая. В небе, за белыми облаками, загудел немецкий самолет. Григорий давно научился различать советские и немецкие аэропланы по звуку. Звук немецких был грубее и прерывистее. Командир роты спрятался под куст и дал знак залечь. Григорий и Ким юркнули в рожь. Шум моторов смолк. Из глубины поля раздался стон. Григорий прислушался.

— Братцы, помогите... братцы!

Метрах в десяти, в самой гуще, лежал раненый. Лицо почернело, глаза блуждали. Обе ноги были прострелены. От раны шел тяжелый запах гноя.

— Давно здесь?

— Третьи сутки. Наступали... пить!

Ким достал фляжку. Григорий встал и осмотрелся. Впереди, метрах в ста, лощину пересекала дорога. По дороге ехала повозка. Она пересекла лощину и скрылась во ржи. — Надо его вынести к дороге, — решил Григорий. Ким помог перенести раненого к краю ржи.

— Вы что это вздумали? — набросился на Григория командир расчета. — Воздушная тревога, рота залегла, а они ходят!

— Вот самого ранит, будешь заживо гнить, валяться, тогда узнаешь, — обозлился Григорий.

Командир расчета покраснел и глаза его стали стеклянными.

— Я командир, а за неисполнение боевого приказа знаешь что бывает?

— Я пойду спрошу у политрука, — вскипел Григорий. — До дороги всего сто метров, а человек жить будет.

Григорий побежал к кусту, где спрятались политрук и ротный. Квадратная морда ротного и бесформенное лицо политрука возмущенно повернулись в сторону Григория, когда он приблизился к их кусту.

— Ты чего бегаешь? Воздушная тревога, а ты! — захрипел ротный.

— Там, товарищ командир, раненый, третий день лежит, загнил. Разрешите к дороге вынести?

— Три дня, значит не наш, — вмешался политрук. — Если мы будем всех раненых подбирать, тогда что будет?

— Марш на место! — заревел ротный, — и чтобы больше во время тревоги не бегать.

В тот момент, когда Григорий вернулся, дали приказ идти дальше. Раненый остался около неубранного ржаного поля. Григорий видел, как многие солдаты, проходя мимо, клали около него сухари, махорку и сахар, завернутый в бумажки.

Немцы остановились на возвышенности, изрезанной оврагами и тут батальон был введен в бой. Когда поднялись на холм, Григорий увидел голубую даль, поле и черные столбы разрывов. Опять скорее вперед! Григорий бежал за людьми в шинелях, стараясь не отстать. Вот фундаменты снесенной деревни. Взрывы приблизились. В воздух полетели куски кирпичей. Григорий было залег, но увидел, что другие бегут, вскочил и побежал за всеми. Дорогой всё время попадались отдельные окопы и блиндажи. Григорий бежал, сколько было духу, и сразмаха прыгал в окоп или залезал в блиндаж. Один раз, в блиндаже, он встретился со своим командиром взвода. Тот, задыхаясь, сообщил, что впереди овраг и надо скорее до него добежать потому, что могут налететь самолеты. Сказав это, лейте-

нант выскочил из укрытия. Григорий хотел и не мог поспеть за ним. Пудовый ствол давил на плечо. Аэропланы налетели, когда Григорий был уже в овраге и успел спрятаться в громадной воронке. Там были лейтенант, Ким, политрук и новый второй номер, заменявший раненого туляка. Начались взрывы. Красноармейцы стали копать в воронке боковые норы и прятаться в них. Небо заслонил громадный столб земли и пыли. Когда налет кончился оказалось, что вся третья рота погибла. Командир стал собирать ее в овраге, когда спикировал первый бомбардировщик. Никто не успел добежать до старых воронок и окопов, вырытых на склоне оврага.

Так остановилось первое летнее контрнаступление Красной армии на Московском фронте. Начались тяжелые, изнурительные позиционные бои, дожди и осенняя распутица.

Глава тринадцатая

ПУТИ НЕБЕСНЫЕ И ПУТИ ЗЕМНЫЕ

Еще вечером Григорий сделал ямку при входе в блиндаж. В ямку сейчас же собралась вода и от этого стало суше. Когда стемнело, фронт стих. Григорий лежал в полузабытьи на хворосте, постеленном на дно блиндажа и думал, что в могиле совсем не так страшно как ему казалось раньше. В земле теплее и уютнее, чем снаружи, а кроме того, приятно знать, что уже никто и ничто не побеспокоит. Тяжелая капля упала на шлем. Григорий всегда лежал в шлеме, упирая его в угол блиндажа. Вторая капля, третья... Надо встать, ощупью, упираясь в скользкие стены руками, проползти к выходу, поднять кусок коры, закрывающей вход, выползти на холод и дождь и подложить земли на крышу. Полежу немного, а потом встану, — решил Григорий. Капли продолжали капать чаще и чаще, по стенке зажурчала струйка. Наверное снаряд разорвался недалеко и разбросал землю с крыши, — думал Григорий. Он не боялся снарядов и обычно спал в блиндаже во время артиллерийского обстрела. Полежу еще немного, а потом встану, — тяжелое, дурманящее оцепенение всё больше охватывало тело и сознание. Как всё надоело и как хочется отдохнуть по-настоящему!

Наверху слышались медленные, хлопающие по грязи шаги и приглушенная ругань. Неужели опять

перемена позиции? — с ужасом подумал Григорий, — только окопались... Возня наверху усилилась. Холодный порыв ветра и дождя ворвался в блиндаж. Влажное тело Григория задрожало. Тепло-парный воздух вырвался наружу и вместе с ним пропала иллюзия уюта и чего-то домашнего.

— Вставай, вставай! Построение! — зашептал в темноте голос Кима.

Григорий с трудом поднялся и вылез, дрожа от озноба. Моросил мелкий дождь. Сентябрьская ночь тяжело давила на землю. Было очень темно и только на самом горизонте сурово светлела полоса безоблачного неба.

В окопе, где стоял миномет, набралась вода, и Григорий сразу промочил ноги. Скользкий ствол больно давил на плечо. Григорий с трудом вылез на поверхность и побрел следом за командиром расчета. Чистая полоса на небе расширилась и поперек нее явственно заблестела золотая цепочка трассирующих снарядов мелкокалиберной зенитки.

В овраге стояли около получаса. Как всегда, командир роты не знал, куда идти. — Дурак! — злился Григорий. — Потом окажется, что продвинемся километров на пять, а промучает всю ночь.

Слабый Ким мешком опустился в грязь, но в это время впереди зашевелились тени и рота двинулась. После нескольких остановок выбрались в поле и тут застряли надолго. Дождь прекратился, но зато стало холоднее. Неубранное ржаное поле было истоптано и полно воды, как губка. Кое-где торчали отдельные пучки колосьев. Солдаты стали ложиться в грязь. Григорий снял мокрую плащ-палатку, чтобы проветрить отсыревшую шинель, и от этого стало еще холоднее. Ноги были тяжелы, как колоды. Неудержимо хотелось лечь. Григорий собрал, сколько мог, соломы, застелил ее плащ-палаткой и лег.

... Белое бесконечное озеро искрилось ледяными блестками. Николай шел ровно. Григорий покосился на спокойное лицо товарища и почувствовал досаду на свою собственную слабость. Надо ее преодолеть, надо забыть про усталость и идти зная, что впереди свет. Чем больше усталость, чем сильнее слабость, тем ближе к свету... Пустой и холодной бесконечности нет, вернее, ее можно преодолеть, как можно преодолеть страх и усталость. Николай сумел преодолеть страх и усталость. Он идет ровно и методически, не замечая окружающего... вперед, всё время вперед. Дорога начнет отделяться от земли, а он будет идти — раз, два. А ужас останется внизу, а кругом пустоты не будет, а будет свет. Только надо преодолеть...

Но разбухшие от воды ноги не хотели идти, и Григорий начал отставать. Николай ушел и поднялся вверх. След его ног засветился высоко в небе, как след трассирующих снарядов. А он ушел... ушел, а Григорий остался и не мог больше идти. Ужас опять охватил его. Он собрал силы и закричал: Коля, Коля! Подожди. Я хочу с тобой, подожди! Но Николай не отозвался, а ноги разбухли от воды и неудержимо тянули вниз. Плечо болело и постепенно тоже стало мокнуть и разбухать, как ноги. Давящий мрак навалился на Григория и не было нигде никакого света. Только темнота и сырость. Григорий испугался пустоты и одиночества, хотел закричать еще раз Николаю, но язык разбух от воды и не поворачивался. Катя! Помоги мне, Катя! — застонал Григорий и проснулся.

Иней блестел на подернутой тончайшей паутиной льда земле. Небо почти очистилось и на далеком горизонте ясно виднелась красноватая полоса зари. Тело оцепенело. Этак и замерзнуть можно! Григорий вскочил и, преодолевая дрожь, стал размахивать руками, чтобы согреться.

— Поднимайся! — раздалась впереди негромкая команда.

Серые съезженные тени в мокрых шинелях неуклюже поднялись и побрели нетвердой, шатающейся походкой, хлюпая по грязи, через бесконечное, вытоптанное поле. Скорее бы дойти и окопаться! — думал Григорий.

Этап шел уже несколько дней. На ночь заключенных загоняли в колхозные сараи или окружали собаками и заставляли спать на голой земле.

Николай ослабел. Впереди колыхались головы заключенных, по бокам нервно таякали собаки и гортанно кричали конвоиры-казахи. Время от времени сзади хлопали выстрелы — это пристреливали отстающих. Николай натолкнулся на присевшего на корточки человека. Раздался стон и бессвязная брань... Больные дизентерией не имели права отойти в сторону, не могли отстать. Они могли сесть среди толпы, на дороге, и вскочить когда подходил конец колонны. За последним рядом была смерть. Этап шел, оставляя за собой грязь, смрад и окровавленные тела.

В 1930 году, когда мы шли с Григорием по озеру, было легче, — думал Николай, — тогда был мороз, ровный наст, дорога и мы вдвоем. Этап растянулся, мы были одни и не боялись, что нас пристрелят. Опять выстрел! Как часто сегодня... Надо идти ровно, не сбиваясь. Как замерзшие комья грязи режут ноги! Тряпки совсем порвались... тогда мы шли в валенках. Григорий сначала на меня злился, не знал, что я молчал потому, что молился, повторял всенощную, а он не верил в Бога и злился на меня и на пустоту в своей собственной душе. А потом он поверил, через два дня. Мы пилили в лесу и не могли выполнить урока, сели, и когда я снова встал, то думал, что Григорий замерз.

А он как раз тогда и поверил — не мог больше бороться с ужасом, смирился и поверил. Страх сломил гордость и не стало преграды между ним и верой. Как хорошо это было... Григорий страдал не напрасно. А мученики сами шли на страдание. Я бы побоялся... Господи, помоги, укрепи, ведь можно же преодолеть... не замечать ни колыхающихся голов, ни конвоиров, ни мглы. Неба не видно и кругом мгла. Вся земля, весь мир окутан мглой, тяжелой, липкой... Немцы не победили. Уже год идет война... Может быть, они не лучше, может быть, весь мир погружается во мглу? Если преодолеть, пересилить себя, не видеть окружающего, можно прорвать мглу и победить, здесь, сейчас победить! Только не замечать, что комья режут ноги и голова кружится. Сначала идти, перестав чувствовать, потом оторваться от этапа, опередить его и уйти. Внутри, в глубине души свет и его никто, никто не в силах погасить, и там, если прорвать мглу, тоже свет. Только сделать усилие и преодолеть. Что преодолеть? Что это значит? Я умру! Сейчас, в следующую минуту. О-о-о, как страшно! Скорей открыть глаза...

Головы колыхались. Их было много впереди, сбоку — без конца. Николай зажмурился и, как в детстве, когда видел страшные сны, стремглав полетел в пропасть. Сердце сжалось и заныло. Кто-то толкнул Николая сзади и выругался. Я, я действительно... там конвой... пристрелят! Николай съежился, собрал силы и догнал свой ряд. Ноги поднимались с трудом и казалось, что всё тело высохло и одеревенело. Я уже наполовину умер, я вне тела... нет, нет, нельзя от него оторваться! Как это так оторваться от тела? Нет, я не хочу, я не готов! Вечность и я... я совсем, совсем не готов к этому. Господи, как же теперь?

Мелкая, частая дрожь побежала по телу. Холодный пот выступил на лбу и Николай перестал верить, что в нем есть свет, что за темной мглой тоже свет и

что он может быть, если не будет боли в ногах, не будет колыхающихся голов и гортанных криков. — Господи, я не достоин! Я хотел быть мучеником, а я — я просто несчастный, дрожащий, высохший. Я боюсь, боюсь себя, свой гордости, того, что я хотел спасти еще других. Господи милостив, буде мне грешному. Иисусе, Сыне Божий, помилуй нас! — Николай стал шопотом повторять молитву Иисусову. — Да, я сухой, черствый! Я хотел оставить стариков, хотел выжидать событий в лесу, хотел, как Сергей Радонежский, строить монастыри после освобождения России. Кто я? Все лучше — Григорий, мама, отец, Павел. Павел и Григорий пошли освобождать, а я... Господи, дай сил выдержать еще и искупить гордость, прорвать мглу. Это я-то... Как страшно. Господи, не надо!

Николай оглянулся, ожидая откуда-то помощи. Справа от дороги остановился конвоир, повернулся спиной к ветру и стал закуривать. Ветер прижал шинель под колена, спичка, зажатая в ладони, осветила твердую линию широких скул. — Господи, прости меня! Почему я так гордился? Может быть, этот темный монгол лучше меня, может быть, он любит своих детей, кормит их? А я никого во всю жизнь не кормил, всегда был только лишней тяжестью для отца. Он такой старый, дряхлый, жалкий. Господи!

Николай закрыл лицо и стал молиться так, как не молился всю жизнь. А голова кружилась сильнее и сильнее, в глазах колыхались черные круги медленно и важно, как мантии монахов во время уставных поклонов. Из этих кругов ясно вырисовывалась книга Исаака Сирианина, страница, написанная крупным шрифтом. Николай читал ее перед арестом и его поразили один текст: «Умудрись в основание шествия своего полагать страх Божий, и в немного дней, не делая кружений на пути, будешь у врат Царствия». — Слава Тебе, Господи, это ведь про этап — он может стать шествием,

если положиться на волю Божию. Не поздно, не поздно, еще немного — и Господь спасет!

Слабость всё больше охватывала тело, но ужас проходил и, наконец, осталась одна слабость и желание отдыха. Кто-то сильно толкнул Николая. Он приоткрыл глаза, только приоткрыл потому, что веки были тяжелые и не слушались. Николаю показалось, что слева и справа тени заключенных обгоняют его, но он тоже еще шел. — Надо идти, надо идти — ровно и методично, как тогда на озере, но только не преодолевать самому, а как Милость Божия... Господь может всё, не я, а... Можно идти одному по белому ровному озеру, перестать чувствовать раны на ногах, шагать, шагать, согреваясь внутренним теплом. Надо всех пожалеть, только жалость согревает. Господи, дай сил преодолеть слабость! Это от холода и от того, что нельзя отдохнуть на привале. Холодно...

Снова мелкая дрожь затрясла Николая. Голова начала так кружиться, что Николай собрал все силы, пришел в себя и снова увидел, что тени заключенных обгоняют его, но он уже не понял значения этого. — Господь поможет — я догоню всех этих несчастных и конвоира, который закуривал, ему ведь тоже страшно и холодно... А дорога начнет отделяться от земли... выше, выше, надо собрать все силы. Впереди свет и покой... вечный покой. Как хочется покоя и отдыха! Если лечь и не обращать ни на кого внимания... Почему они толкаются, почему кричит гортанный голос? Не надо ничего замечать, можно лежать и верить, что идешь вперед и вверх... еще одно усилие, а там свет...

Николай почувствовал удар прикладом в спину и услышал визгливый лай собаки. — Нет, я не дам им отвлечь себя, нет... ноги уже перестали чувствовать боль. Да, я уже обогнал всех и впереди нет колышающихся голов заключенных. Почему они не колышутся, почему, вместо них, обледенелые комья грязи со-

всем близко перед глазами? Они режут лицо... Это ничего, надо сделать только последнее усилие и оторваться от земли, стать точкой, капелькой света. Где отец, мать?... Григорий? Дорога должна отделиться от земли и там вечный покой и свет... ослепительно яркий свет, как молния...

Что-то сильно ударило Николая по затылку. Всё существо его слилось в одну яркую искру. Она отделилась от темной, грязной, залитой кровью дороги и с неудержимой силой понеслась вверх.

Григорий и Ким усиленно работали лопатами. Солнце поднималось всё выше и выше. Становилось тепло потому, что солнце начинало припекать, а земля была каменистая и копать было очень трудно. Григорий и Ким знали, что жизнь их целиком зависит от быстроты, с которой они сумеют окопаться. Время от времени Григорий со страхом поглядывал на противоположный склон оврага — он определенно был пристрелен: ни одного цельного деревца, ни одного уцелевшего куста; расщепленные, обугленные стволы и взрытая, обожженная земля. Видимо, засекли дно оврага, но не совсем точно и обстреливали противоположный склон. Григорий мысленно измерил расстояние до обугленного места — 25-30 метров. На таком расстоянии осколки даже среднего миномета еще не теряют силы. Внизу, в глубине, вился полупересохший ручей и воронок там было меньше. Около самого ручья лежало несколько трупов — тихих, желто-серых, как дно оврага.

Ким сел на край окопа и обтер грязной рукой лоб, покрытый мелкими каплями пота.

— Больше не могу! — сказал он слабым голосом.

Григорий ничего не ответил и продолжал с остервенением бить по гравия тупой лопатой.

— Было бы лучше, если бы они разрешили сначала вырыть окоп для себя, а потом гнездо для миномета, — сказал Ким. — Пока ставили миномет, никаких сил не осталось.

Григорий оперся на лопату и посмотрел на противоположный склон.

— Воронки совсем свежие, — сказал он Киму, — не может быть, чтобы немцы оставили это место надолго в покое.

Ким встал и начал копать. Артиллерийский налет обрушился в тот момент, когда окоп был вырыт на полметра. Григорий и Ким лежали, стараясь вдавить тела в землю. Камни, осколки и земля дождем сыпались им на спину, больно били по плечам и стучали по каскам. Через пять минут налет кончился. Когда затихло, Григорий осторожно выглянул из окопа — воронки на противоположной стороне стали свежее, внизу, против того места, где окопался взвод, лежало два новых трупа и изуродованное ведро.

— Кажется, наши попали, — сказал Григорий. Ким стал на колени и посмотрел вниз.

— Наводчик первого расчета и замстаршина... наверное ходили за супом, — добавил он равнодушно.

При упоминании о супе Григорий почувствовал острый голод.

— Теперь терпеть до вечера, — сказал Ким меланхолично и лег на спину на дно окопа.

— Давай копать дальше, — вяло предложил Григорий.

— Зачем? Ведь не убило! — тихо ответил Ким. — Копать тяжело, а пока выкопаешь, велют переходить на новое место.

Григорий внутренне готов был согласиться с Кимом, но сделал над собой усилие и взял в руки лопату.

— Ты иди лежать к миномету, — сказал он примирительно, — а я покопаю. Я не так устал, как ты.

Ким послушался и исчез за краем обрыва, где, как раз над их окопом, было вырыто минометное гнездо.

Парень долго не протянет, — думал Григорий про Кима, начиная долбить упрямый гравий, — в концлагере был бы уже в разряде доходяг... урока ни за что не выполнил бы.

Второй артиллерийский налет начался, когда Григорий ушел на полметра в землю. На этот раз лежать можно было много спокойнее. Только когда затихал гул последнего взрыва, в окоп со слабым угасающим свистом упал обессиленный, запоздалый осколок. Упал он совсем около ноги Григория — маленький и безвредный, как бы говоря о том, что опасность миновала.

Григорий лежал на спине и глядел вверх на голубое небо. Стало совсем тепло, только пустой желудок мешал спокойно отдыхать. Григорий не ел уже вторые сутки. Очевидно, вечером кухня приехала после ухода батальона на новую позицию, а утром заветное ведро супа было изуродовано снарядом на дне оврага.

Солнце показалось из-за края окопа большое, большое и начало жечь, не стесняясь. Сначала это было приятно. Григорий закрыл глаза и чувствовал, как тепло пронизывает чрез шинель всё его тело. Потом заболела голова. Григорий уже хотел закрыть окоп плащ-палаткой, когда появился Ким — отдохнувший и даже оживленный.

— Мин нет и стрелять не будем, — сообщил он радостно, — стало быть, и нас сразу не обнаружат. А наверху, на поле, немецкие блиндажи — ребята уже туда ползали, нашли консервы и вот это, — Ким протянул Григорию крем для лица.

— А где консервы? — спросил Григорий.

— Консервы они в блиндаже и съели, а эту банку принесли и дали мне. Хочешь намазаться?

— На кой чорт мне мазаться? Если бы ее есть можно было!

Григорий с удивлением посмотрел на оживленное лицо Кима.

— Как зачем? Кожа то ведь обветрилась и потрескалась, — Ким сел и стал размазывать белую мазь по грязной коже.

— Ты бы хоть умылся! — сказал Григорий.

— Где умываться то? — обиделся Ким. — В ручей идти — там покойники прямо в воде лежат, да и убить могут, если обстрел начнется, — а жир всё равно и через грязь на кожу подействует.

— Здорово тебя в детдоме воспитывали! — покачал головой Григорий.

— Ребята, а ребята! — раздался над окопом глухой голос, — пойдем что ли за кониной?

Загораживая жаркое солнце, выросла круглая физиономия в рваной пилотке, окруженная нимбом небритой щетины.

— А где конина? — оживился Григорий.

— Метров триста вниз по оврагу, на берегу реки — сегодня утром повозка под артналет попала. Второй взвод уже варит.

— Надо идти, — решил Григорий. Он встал, взял котелок и спустился в овраг следом за широким, коренастым Петровым, наводчиком соседнего расчета. Внизу их уже ждал третий член экспедиции — тоже коренастый, мордастый парень, московский шофер Соколов, попавший в пехоту за дезертирство.

— Надо скорее идти, — торопил Соколов, — а то всё растащат; там на берегу связисты стоят.

Чем ближе к реке, тем овраг делался глубже, а берега круче. Поломанные, обнаженные, заляпанные грязью кусты делали еще мрачнее глиняную щель оврага. Григория вдруг охватил страх, что очередной

артиллерийский налет накроет его именно здесь, в этом безобразном месте. Как будто не всё равно где умирать! — подумал он с горькой иронией. Но что-то внутри настойчиво твердило: нет, не всё равно, не всё равно. Может быть, это предчувствие? Говорят, многие предчувствуют свою смерть, — пришло в голову Григорию. Зачем я пошел? Голод можно преодолеть. Сейчас я его почти не ощущаю, чувствую только слабость. Лошадь наверняка убита в пристреленном месте. Что если нас убьют прямо на ее труп, как воронов на падали?

Неудержимо захотелось вернуться, слабость сковывала ноги, но две коренастые фигуры впереди шли уверенно и вернуться значило показать свою трусость. Овраг повернул направо и кончился. Показался поворот мутной, разбухшей от дождей реки. Противоположный низкий берег зеленел остатками травы. В полкилометре вниз по течению стоял почему-то уцелевший дом, окруженный группой пожелтевших деревьев. От него веяло миром и спокойствием. Григорий остановился и глубоко вдохнул воздух, пропитанный сыростью и запахом прелой зелени.

— Вот она, — сказал бывший шофер.

Григорий вздрогнул и обернулся: около самого берега стояли наполовину в воде три разбитых авиацией танка. Серый обрыв перед ними был истерзан воронками. В нескольких метрах от танков валялись остатки разбитой вдребезги повозки и труп большой рыжей лошади с вырванным боком.

— Жирная! — сказал Петров деловито.

В воздухе возник отдаленный, неясный и все более усиливающийся шум авиационных моторов. Соколов поднял вверх скуластое лицо и прислушался.

— Немецкие! — сказал он уверенно.

Через мгновение над рекой появилось три юнкерса. Спрятались под куст. Черно-желтые, похожие на ос

самолеты медленно приближались. Долетев до танков, они снизились и резко повернув, скрылись за гребнем обрыва.

— Заходят для бомбежки, — прошептал Петров и опрометью бросился вверх по оврагу.

Скрывшись за поворотом, все трое остановились и перевели дух.

— Им эти танки все покою не дают, — как бы извиняясь за свою трусость сказал Петров. — Я тут за супом ходил, когда мы еще у берега стояли, так меня раз чуть-чуть не накрыли — так дали!

Шум моторов смолк.

— Пойдемте, — сказал Григорий, — а то ком-взвод хватится. Как бы самовольную отлучку не пришил!

— Мы ему конины дадим, — деловито ответил Соколов. — Тихо, — прислушался он. — Пошли.

Труднее всего было разрезать кожу — тупой нож никак не брал. Мясо ляжки было упругое и выскальзывало из-под стали. — Вот еще нелегкая дернула идти за этой падалью! — ругался про себя Григорий.

Петров и Соколов работали упорно и ловко. Соколов отточил край пехотной лопатки и рубил ею как топором. Когда выдрали первый кусок, дело пошло быстрее.

— Хватит, — сказал Григорий, наполнив котелок.

— Постой еще немножко — такой конины скоро не достанешь.

Лицо Петрова побагровело от усилий, в маленьких глазах светились голод и жадность.

Из-за обрыва, совсем близко вырвался вой моторов. Все трое одним прыжком очутились в воронке под обрывом. Сухой треск пулемета смешивался с визгом пуль, врезавшихся в каменный берег. Григорий лежал, стараясь как можно больше распластаться. Через пять минут наступила тишина.

— Как он, сволочь, нас заметил! — проворчал Соколов, поднимаясь первым.

Григорий взглянул из-за края воронки. Все было попрежнему: танки стояли в воде, кренясь в разные стороны, труп рыжей лошади неподвижно лежал на берегу, мутные волны торопливо бежали.

— Я иду обратно — с меня довольно, — Григорий встал, преодолевая страх, подошел к лошади, взял котелок и быстро пошел к оврагу.

— А в лошадь три пули врезал! — догнал его Соколов, — не торопись. Петров отстал — еще маленький кусочек отрубил.

В ста метрах от оврага в направлении к передовой, где, как черви, в земле и грязи копошились стрелки, было несколько воронок от больших авиационных бомб. Воронки были значительно глубже человеческого роста, а в их боках были вырыты солдатами еще добавочные окопы — щели. На дне одной из таких воронок горел костер. Над костром висело ведро и несколько котелков с кониной. Место для варки конины было выбрано «с умом» — политрук никогда не пошел бы в сторону передовой. Командир взвода получал свою долю конины и был в заговоре, постороннее начальство могло пройти только по оврагу и никогда не пошло бы по полю на виду у противника. Небольшое расстояние от оврага давало возможность в случае тревоги быстро вернуться к минометным гнездам.

Григорий сидел на корточках против костра и курил «козью ножку». Соколов сидел напротив и все время подкладывал в огонь сухие щепки. Курносый нос его был грязен от сажи, черные спокойные глаза следили за огнем.

Как наши ребята умеют жить в таких условиях! — думал Григорий. — Вот достали сухих досок, а где? Все деревни кругом сожжены.

— Откуда доски принес? — спросил он Соколова.

Соколов посмотрел на Григория и усмехнулся:

— Тут недалеко, в нашем овраге, командный пункт полка построили — ну, и дров навезли. А мы еще под утро, когда окапывались, не растерялись... Ведь если сырой хвост зажечь, сразу обнаружат.

Соколов достал из кармана горсть пережаренной ржи и стал жевать ее, громко хрустя. Рожь солдаты запасли еще на предыдущей позиции. Каша из нее не удалась, тогда стали пережаривать зерно, как кофе.

— Хочешь ржи? — предложил Соколов.

Григорий набил рот горьковатыми зернами и стал терпеливо их пережевывать.

— Плохо с шамовкой! — сказал Соколов. — В 41-ом, во время паники, хорошо было... Сырая, — потыкал он ножом конину.

Все разговоры солдат, когда у них было свободное время, сводились к еде, вернее к воспоминаниям о еде. В армии кормили по советской пословице: «С голоду не помрешь, но ухаживать за девушками не захочешь», да и такой паек доставлялся нерегулярно.

— Был я тогда при автороте, — заговорил Соколов, мечтательно подняв глаза. — Немцы в октябре поднаперли, начальство наше разбежалось, ну, я и стал постепенно к дому подаваться — к Москве. Еду не торопясь, кругом поглядываю. Больше боковыми дорогами... Приезжаю к даче — шикарная-прешикарная. Ворота открыты и никого. — Соколов сделал паузу для большего эффекта. — А со мной ехал сержант, тоже москвич, на Самотеке жил. Заехали во двор. Сержант остался машину караулить, а я захожу. Смотрю — кухня, а на столе свиные-отбивные, совсем готовые, даже в сухарях обваленные!

Григорий почувствовал томление в желудке, так реально представил себе свиные-отбивные.

— Разжег я плиту. Поели — по пять штук на каждого изжарили. — Соколов посмотрел строго на Григория. — Поели и пошли дом осматривать. Комнат — конца не видно! И в каждой комнате шкафчик какой-нибудь, а в шкафчике — закуски, вина, фрукты разные. Оказалось, что дача эта самому Сталину принадлежала! — выражение лица Соколова стало торжественным. — Три дня жили на сталинской даче: спали, пили, закусывали. Потом пехотинцы подошли, перепились и пожар устроили, — кончил Соколов меланхолично. — Правда, кое-чего запасти успели, — добавил он, немножко помолчав. — Масла боченочек, огурчиков, грибков соленых. Персидских ковров там много было, так я один матери привез, другим кабину в машине обил.

— После сталинской дачи в Москву приехали? — спросил Григорий.

— Нет. Сначала еще два дня на птицеферме пожили, — ответил Соколов и опять попробовал, готова ли конина.

— Ну, а потом?

— Потом. — Как раз 15-16-ое октября подошло. В Москву въехали, думали, что уже война кончилась. Пожили спокойно неделю... под военный суд и на передовую, в пехоту. — Соколов презрительно плюнул в огонь. — Дохни вот тут с голоду!

— Ребята, мины привезли! — в воронку быстро спустился Петька, двадцатилетний парень, второй номер из расчета Григория, сменивший раненого туляка.

— Ну, и пусть привезли! — злобно огрызнулся Соколов. — У нас конина сварилась.

Соколов попробовал еще раз конину ножом и снял ведро с огня.

— Дай скорей кусочек! — попросил Петька, садясь на корточки.

— На! — недовольный привозом мин, Соколов ткнул Петьке кусок мяса. — И стрелять-то не настроим, — ворчал он, вытаскивая из ведра большой кусок конины, — а обнаружим себя. И так утром чуть всех не угробили!

— Помощника старшины и суп в овраге накрыли, — деловито добавил Петька, жуя конину с невероятной быстротой.

— А где мины? — спросил Григорий, зная, что в качестве подносчика должен идти слабосильный Ким и донести двухпудовый ящик он вряд ли сможет, а поэтому идти придется ему, Григорию.

— На берегу, пониже танков, трос протянули и через реку паром устроили, — Петька глотнул большой кусок конины и чуть не подавился.

Сердце Григория сжалось. Опять туда же, под немецкие самолеты! Вспомнился труп рыжей лошади, серая земля и свист пуль крупнокалиберного пулемета.

— Ну, пошли, — Петька встал — худой, обветренный и подтянутый.

— Хороший парень, — подумал, глядя на него, Григорий. — Не за Сталина ему бы воевать!

Соколов бежал впереди, пригибаясь к земле и стараясь не разлить ведро, похожий на старого, оцетившегося волка, уносящего добычу.

Ким лежал в окопе бледный, ослабевший от голода. На мясо он сначала набросился с жадностью, но съев несколько кусков, закашлялся и весь согнулся, сотрясаясь слабым, маленьким, как у ребенка, телом.

— Я принесу мины, оставайся здесь, — сказал Григорий и пошел искать командира взвода.

Комвзвод сидел на корточках около щели, в которой прятался ротный политрук. Политрук из осторожности выкапывал для себя не обычный окоп в виде мо-

гилы, а особого рода углубление, напоминавшее бутылку с узким горлышком и широким дном. Сидеть в такой щели можно было только скорчившись, но зато шансы на прямое попадание уменьшались втрое. Из дыры, похожей на нору, высывалась черноволосая голова. Щеки, обросшие щетиной, вздувались и опускались — политрук жевал большой кусок конины.

— Ты чего, — спросил комвзвод Григория ласково.

— Хочу пойти за минами вместо Кима, — сказал Григорий. — Все равно стрелять сейчас нечем, а он ящика не донесет: очень ослабел.

Круглые глаза политрука поглядели из ямы на Григория с недоверием, но от замечаний он воздержался: на передовой ссориться с солдатами было не безопасно.

— Что же, иди, — смутился комвзвод и широкое лицо его покраснело. — Конечно, если хочешь, можешь идти, — прибавил он, быстро взглянув на политрука.

Где-то далеко послышался шум аэропланного мотора. Голова политрука скрылась в отверстии норы. Григорий быстро спустился к обрыву на дно оврага.

Вечерело. Сухие линии перистых облаков подчеркивали глубину блекло-синего неба. За неразрушенным домом, на противоположном берегу, из-за рощи золотых деревьев, как сияние на дорогом окладе, дрожали лучи невидимого солнца. Вода в реке спала, стала прозрачнее и бежала медленнее. Григорий нарочно не глядел на то место, где были разбитые танки и съеденная людьми лошадь. Прямо перед домом, рощей и солнечными лучами, поперек реки, тянулся цинковый трос, плыл перегруженный ящиками плот и ругались красноармейцы. Как будто не было ни вражеской авиации, ни артиллерии. Наверное немцам просто не прихо-

дит в голову, что наши устроили перевоз на самом видном месте, — подумал Григорий, пробираясь к ящикам. Мины никто не караулил и никто не выдавал. Григорий подошел к штабелю и на минуту остановился, прислушиваясь. Где-то совсем далеко и глухо шумел аэроплан. «Вечерний звон», — вспомнил Григорий картину Левитана, — только вместо звона гул бомбардировщика!

Взять ящик из верхнего штабеля было не трудно, хотя ослабевшие от недоедания руки были как чужие. Когда острый край ящика врезался в плечо, Григорий понял, что с земли без посторонней помощи он мин не поднимет. — До оврага метров 500, там безопаснее от авиации, хотя надо пересечь два пристреленных артиллерией места. Григорий пошел быстрее. Верхний край ящика, прислоненный к голове, давил на шею и давал возможность смотреть только вбок и вниз на дорожку, усыпанную мелким гравием. Григорий боялся, что поскользнется и уронит ящик. Почему больше никого нет, ни одного подносчика? — подумал он с досадой и вспомнил, что пять минут назад как раз это его и радовало: один человек привлекал к себе меньше внимания. Тогда он не думал, что ящик покажется таким непосильно тяжелым. Шум мотора усилился. Ругань на пароме прекратилась. — Спрятались в укрытие и смотрят, чей самолет, — понял Григорий. — Бросить ящик и добежать до оврага? Снова я его не подниму, а самолет может и улететь... Жаль, нельзя посмотреть наверх. И зачем я вызвался идти за минами? То конина, то мины! — пот потек по лицу, слабость усилилась. Определенно сделал глупость, что согласился идти! Шум мотора усиливался. Хотя бы успеть дойти до воронки в начале оврага! — Григорий почувствовал дрожь в коленях. В такие минуты надо не рассуждать, а напрячь все силы. Все равно на берегу негде спрятаться!

Глухой, воющий звук мотора раздался прямо над головой. Казалось, что до сих пор он прятался за обрывом берега и теперь ринулся прямо с него на Григория. Сейчас завизжат пули! — Григорий не помнил, как бросил ящик и распластался на земле. Очереди из пулемета почему-то не было, шум мотора стал затихать. Очевидно, аэроплан ушел в сторону.

Наверное наш, — решил Григорий, — немецкий по крайней мере обстрелял бы переправу.

Григорий поднялся с земли и сел на ящик. На противоположной стороне у плота никого не было. Так и есть: спрятались в укрытии. Не дожидаться же здесь немецкого самолета!

Поднять ящик с земли было очень трудно. Не встали ли мины от толчка при падении на боевой взвод? — подумал Григорий, поворачивая ящик на бок. Какой он невероятно тяжелый!

Пот струйками стекал по лицу. Григорий сел на ящик после двух неудачных попыток взвалить его на плечо. И конина не помогла. Вот слабость проклятая! Если бы каждый день есть, как сегодня!

Снова где-то, совсем далеко, загудел самолет. Звук этот угнетал Григория, несмотря на то, что на противоположном берегу снова началась погрузка и снова оттуда доносилась ругань. Бросить ящик здесь? Пошлют Кима, а какой он помощник! Григорий собрал все силы, взял ящик в охапку и, не поднимая на плечо, с трудом передвигая ноги, пошел к оврагу. Только у начала оврага его встретили подносчики других расчетов и помогли взвалить ящик на плечо.

Григорий стоял на одном колене и следил за прицелом. Петька с невероятной скоростью опускал мины в длинный зеленый ствол миномета. Григорий искоса

поглядывал на худые, цепкие руки Петьки, боясь, что тот опустит очередную мину до того, как выстрелит предыдущая и произойдет несчастье. Ким сидел в ходе сообщения и вставлял в хвосты мин бело-желтые пакетики с дополнительными зарядами. Командир расчета лежал у самого гребня оврага и делал вид, что командует. На самом деле он только передавал команду комвзвода. Количество мин быстро таяло. По уставу можно выпустить до двадцати пяти мин в минуту, — печально думал Григорий, смотря на цифры прицела. . . В каждом ящике девять мин. За пять минут можно расстрелять все двенадцать имеющихся у нас ящиков, а попробуй натаскать их в наших условиях!

— Сколько мин осталось? — командир расчета повернул красное, изрытое оспой лицо.

— Всего два ящика, — радостно сообщил Ким. Ему явно хотелось уйти в свой окоп.

— Осталось два ящика, — крикнул командир расчета в сторону невидимого командира взвода.

— Прекратить стрельбу! — донесся издали едва слышимый голос.

На сегодня отвоевали, — с облегчением подумал Григорий, садясь в угол окопа.

— Вычистите миномет и можете идти в убежище, — сказал командир расчета, скрываясь за насыпью, поднимающейся вокруг гнезда.

Петька с сожалением вернул лежавшую около него запасную мину назад Киму, сел на корточки и свернул папироску.

Григорий вспомнил, как, будучи в концлагере, он попал один раз десятником в лес на разбивку делянок. В его распоряжении было две группы рабочих: одна состояла из пожилых рабочих, другая из молодежи. Тех и других было по пять человек. Среди пожилых было два бывших лейб-казака, царский фельдфебель и два полтавских крестьянина, причастных к повстан-

ческому движению. Пятерка молодых ребят была вся из одной деревни и все попали по одному делу: за кражу колхозного зерна во время голода. Григорий прожил с рабочими месяц в одном бараке и тогда его поразило, что пожилые рабочие, каждый из которых представлял яркую индивидуальность, работали много хуже молодежи, так похожей друг на друга, что Григорий иногда их путал. Теперь, глядя на Петьку, Григорий удивлялся, насколько Петька похож на одного из пареньков, сидевших за колхозное зерно. Как легко и бездумно дается ему война и какой он поэтому хороший солдат! Петьку увлекает процесс опускания мин в ствол миномета. О смерти он не думает, к Сталину относится равнодушно, немцев не ненавидит, но считает соперниками в интересной игре, называемой войной. К голоду и хамству Петька привык с рождения и просто их не замечает. Жалко, что нет возможности поработать над такими пареньками: любого из них в два счета можно сделать противником советской власти, но зато каждому из них нужно сразу же давать конкретное задание. Одной теории для них недостаточно — они ее просто не воспримут. На оккупированной немцами территории создать из таких ребят армию совсем легко.

Глава четырнадцатая

Г Е Р О И

Вечером пошел дождь. Пришлось опять делать над окопом крышу. Досок на этот раз не было и Григорий положил наверх плащ-палатку. Плащ-палатка скоро начала течь и земля в окопе намокла. Григорий поджал ноги и съежившись сел в наиболее сухой угол. Ким спал рядом, свернувшись в комочек, вздрагивая во сне, как прозябший щенок. Темнота постепенно охватила сознание Григория.

— Григорь Палыч, а, Григорь Палыч!

Среди мрака засветился красный кружок. Где я, что со мной? — Григорий не сразу сообразил, что огонек это конец цыгарки во рту человека, склонившегося над окопом, а голос — это голос подносчика соседнего расчета, 48-летнего Алексеича, несмотря на свой возраст попавшего не в обоз, а на передовую.

Проснувшись, Григорий пошевелил затекшими плечами и почувствовал острый озноб. Край палатки был поднят и в отверстие глядело бесформенное небо. Дождь кончился.

— Разбудил я тебя? — спросил тихо и как-то уж очень грустно Алексеич.

— Ничего.

Григорий вылез из окопа, свернул козью ножку и сел на корточки против Алексеича. Справа черным провалом темнел овраг.

— Не спится? — спросил Григорий.

Алексеич молчал, попыхивая в темноте.

— Сон я дурной видел, — наконец, сказал он тихо.

Григорий сразу уловил, что Алексеич нервничает.

— Что за сон? — спросил он равнодушно.

— Видел будто бы плот с переправы сорвало и понесло прямо к немцам. А на плоту будто бы ты, а потом залп артиллерийский или минометный... не знаю. Только плот переломало и все в кипящей воде скрылось.

Алексеич замолчал. Огонек от цыгарки продолжал светиться. Григорий не верил в сны и обычно находил им объяснение в искаженном отражении дневных мыслей и впечатлений. Но после рассказа Алексеича ему стало не по себе: уж очень мрачно выглядел овраг справа и слишком промозглая была ночь.

— А вода от дождя опять поднялась, — сказал Алексеич, — трос на переправе сорвало и супа не привезут.

Кухня батальона была где-то на другой стороне реки и суп в ведрах возили через переправу. Вечером, наевшись конины, Григорий вылил полкотелка вонючей жидкости под откос. Теперь ему было жаль, что он это сделал. Хотелось есть. В темноте раздался шум шагов, бряцание железа и приглушенные голоса.

— Сапожников, скорее снимай миномет!

Прямо над Григорием выросла фигура командира расчета. Опять на новую позицию, подумал Григорий, но на этот раз к досаде примешивалось какое-то другое чувство. Хотелось уйти куда угодно из страшного оврага. Через десять минут батальон спустился вниз и двинулся по направлению к реке. Вышли на берег и по-

вернули вниз по течению, в противоположную от разбитых танков и костей рыжей лошади сторону. Проходя мимо перевоза, Григорий заметил, что столб, на котором был укреплен цинковый трос переправы, вырван и лежит у самой воды, а штабель ящиков с минами вырос вдвое против вчерашнего. Наверное, утром готовят наступление, — сообразил Григорий. Ощущение надвигающейся опасности возбуждало и Григорий стал забывать о голоде и усталости. — Хорошо, что хоть ушли из оврага! — подумал он снова и вспомнил о сне Алексеича. Почему мне кажется, что, уйдя на берег, я не приблизился, а удалился от опасности? Казалось бы, если верить сну, то должно быть наоборот.

Справа быстро бежала вода. Новая позиция оказалась на низком берегу. Недалеко от воды земля была рыхлая и Григорий с Петькой и Кимом быстро вырыли хорошее минометное гнездо и укрытия для себя. За это время командир расчета оборудовал себе хороший блиндаж. Потом начали таскать мины. Народу работало много, расстояние до переправы было короче, аэропланов не было и Григорий удивлялся, почему ему так легко работается.

Около 4 часов разошлись по окопам на отдых. Григорий опять спал, прислонившись к стенке окопа. Снились ему большие банки американских мясных консервов. Он снова видел, как несколько дней назад ходил за ужином с Алексеичем и наелся на кухне досыта, так, что раздувшийся живот уже не мог больше вмещать супа с ржаными галушками, а усатое лицо Алексеича, сидевшего напротив, покрылось мелкими каплями пота. Алексеич ел по-крестьянски истово, методически, время от времени вытирал усы рукой. — Сволочи! — прошептал во сне Григорий, — не могут кухню на этом берегу устроить. Надо не проспать и поехать за завтраком. Могут убить, зато наемся. Убить...

Из мрака сознания брызнула белая пена, заклокотала река и Григорий почувствовал, что металлический трос выскользнул из его рук, течение подхватило плот и понесло. — За поворотом реки немецкие позиции! — мелькнуло в мозгу. Животный ужас сжал сердце.

Григорий проснулся и пришел в себя.

— Григорь Павлович, а, Григорь Павлович, за супом пойдешь? — Алексеич говорил точно, как вчера, когда Григорий начал засыпать в окопе.

— А как же на ту сторону-то попасть? — очнулся Григорий.

— Ребята из первой роты сами плот сделали, на шестах переехали... суп, хлеб и консервы мясные привезли. Уже разделили...

Григорий вылез из окопа. Небо очистилось, прямо над головой опрокинулся ковш большой медведицы, звезды меркли и вот-вот мог появиться свет зари.

— А-то оставайся, — Алексеич, видимо вспомнив свой вчерашний сон, истолковал молчание Григория, как колебание, — я один со старшиной пойду. Плот-то маленький — все одно больше двух человек не поднимет.

— Сапожников, миномет к стрельбе! — раздался голос командира расчета.

— Плюнь ты на жратву! Действительно, унести может. На одних шестах не легко реку переехать, — сказал Григорий, направляясь к миномету.

— Все равно убьют — угрюмо ответил Алексеич. — Хоть наемся досыта — консервы ведь мясные дают.

Григорий смотрел на прицел миномета и поглядывал за Петькой, как всегда боясь, чтобы Петька, опередив выстрел, не загнал мину на мину. Собственные минометы трещали так сильно, что заглушали гул не-

приятельских разрывов. Только когда в окоп падал осколок или над гребнем берега поднимался черный столб земли, ощущение опасности становилось реальным. Дым и пыль заслоняли восходящее солнце и оно казалось желто-красным. От нервного напряжения Григорий не чувствовал ни усталости, ни голода — Алексеич так и не привез консервов.

— Смотри! — вдруг крикнул быстроглазый Петька, оборачиваясь.

Григорий тоже обернулся и одновременно из-за гула канонады услышал человеческий крик. Взбало-мученные волны реки мчали небольшой плот. На плоту стоял человек и беспомощно махал обломком шеста.

— Прыгай в воду и плыви к берегу! — крикнул что есть мочи Григорий.

— Так ведь он плавать не умеет, — возразил Петька.

— Стрелять надо, а вы тут глазеете, — командир расчета с биноклем в руке высунулся из хода сообщения. — Так вас растак...

— Алексеича унесло! — попробовал возразить Петька.

— Я вам покажу Алексеича! — брань еще усилилась.

Григорий склонился к прицелу, Петька схватил очередную мину. Черные столбы стали вырастать так близко, что комья земли посыпались в окоп.

— Последняя! — сказал Петька, опуская в ствол последнюю мину.

— Ничего не сделаешь. Прячься по окопам, — командовал командир расчета.

Григорий спрятался в окоп. Солнце ярко освещало срез земли над его ногами.

Унесло таки Алексеича к немцам, — думал Григорий, — вот тебе и американские консервы. А, может

быть, он всё же сумел где-нибудь пристать к берегу? Может быть, лежит на плоту раненый?

Канонада немного утихла, вернее немцы перенесли огонь ниже по реке, где минометчики соседнего 413-го полка продолжали еще стрелять. Григорий вылез из окопа. До поворота реки, на километр вниз, Алексеича не было видно. Подойдя к окопу командира расчета, покрытого до половины досками и землей, Григорий сказал:

— Я пойду вниз по реке: посмотрю, может Алексеича где-нибудь прибило к берегу. Всё равно мин нет и стрелять нельзя.

— Иди. Может быть, хоть консервы остались целы, — буркнул из-под земли командир расчета.

— Я с тобой! — курносый Петька быстро выскочил из своего окопа.

Чем ближе подходили Григорий и Петька к повороту реки, тем сильнее становился огонь противника. Берег, вдоль которого они шли, повышался здесь до 5-6 метров, и неприятельские мины, перелетая через него, большей частью рвались в воде. Расположенные здесь расчеты 413-го полка продолжали время от времени стрелять. Григорий и Петька шли, прижимаясь к обрыву, обходя минометные гнезда. На самом повороте, в нескольких метрах от обрыва, стоял расчет. Команда расчета состояла из ребят, похожих на Петьку. Немцы засекли их миномет и обстреливали его непрерывно. Во время обстрела ребята прятались в большой окоп, вырытый под самым обрывом, но как только свист неприятельских мин замирал, быстро выскакивали из окопа, подбегали к миномету, стоявшему почти без прикрытия и, не проверяя прицела, пускали несколько мин. Сейчас же раздавался вой немецкой ответной очереди и ребята гурьбой прыгали в окоп, обсыпаемые осколками и комьями земли. Издали казалось, что они играют в «куча мала».

— Вот сволочи! — не выдержал Петька, наблюдая издали за ребятами. — Ничего не боятся.

— Как вот пройти мимо них? — недовольным голосом сказал Григорий.

— А как только они стрелять выскочат, мы бегом, — сказал Петька, уже вспыхнувший молодым задором.

Немецкие взрывы затихли. Ребята, как горох, выкатились к миномету. Григорий и Петька пустились что есть духу вперед, пригибаясь к земле. Не успели они поравняться с минометом, как завyli приближающиеся мины противника. Григорий с размаха плюхнулся в кишашую тяжело дышащими ребятами яму.

— Вы откуда взялись? — зазвенел мальчишеский голос, когда затихли разрывы.

— Плоты с нашим бойцом не видели? — спросил Петька, поднимая вымазанную глиной физиономию.

— Как не видели! Его к тому берегу прибило. Сначала шевелился немного, а теперь лежит и не двигается, — ответил один из ребят.

Григорий и Петька выскочили из окопа и побежали дальше. Река против поворота расширялась, оба берега понижались. Дальше уже не было ни одного минометного гнезда. В километре впереди виднелся железнодорожный мост и остатки деревни, занятой, повидимому, немцами. На мели, метрах в двадцати от заросшего камышем противоположного берега, стоял плот. На плоту лежало что-то серое, а кругом вода кипела от разрывов мин. Григорий и Петька распластались рядом на земле и перевели дыхание. Высокий столб воды и грязи поднялся в том месте, где только что был плот. Куски чего-то тяжело плюхнулись обратно в реку.

— Прямое попадание! — прошептал Петька.

— Да... — прошептал Григорий.

Кругом захлопали отдельные разрывы.

— Похоже, что и нас заметили, — сказал Петька, отползая к самому обрыву. Григорий тоже отполз и лег неподвижно.

— Вот те и американские консервы! — прошептал Петька, глотая слюну. — Того и гляди самого на консервы разделают!

Григорий вспомнил сон Алексеича и свой собственный, и им овладело тяжелое безразличие: — Зачем бояться, зачем прятаться от снарядов, все равно рано или поздно убьют!

Канонада вдруг смолкла. Солнце поднялось из-за берега и стало греть спину. Григорий стал успокаиваться.

— Смотри, а ящик-то с консервами цел! — прошептал рядом голос Петьки.

Григорий поднял голову. Петька был прав: в том месте, где плавали обломки плота, среди камышей торчал угол белого ящика, врезавшегося при падении в ил.

— С консервами, — уверенно зашептал Петька, вглядываясь. — С минами ящики гораздо больше, хлеб возят в мешках, а этот, гляди, какой увесистый, стоит и не шевелится. Не иначе, как с консервами!

Стрельба не возобновлялась. Даже ребята под берегом замолчали — очевидно израсходовали все мины.

— Сейчас надо будет пойти к переправе, найти какой ни на есть плот и на тот берег... ящик на мели и взять его совсем просто.

Григорий с удивлением посмотрел на подростка. Петька лежал на берегу, опершись на локти, и говорил так, как будто бы на свете не было никакого противника и он обсуждал с деревенскими приятелями план очередной шалости.

— Не мели глупости! — остановил его Григорий. — Давай лучше думать, как назад целыми выбраться — мы ведь на виду у немцев.

— Ну, бежим, раз — два! — скомандовал Петька, вскакивая.

Благополучно завернув за поворот берега, Григорий перевел дух и пошел медленно. Петька дождался его и пошел рядом. Канонада смолкла по всему фронту.

— Ну, как, поедешь за консервами? — спросил Петька.

— Ты что, всерьез решил? — Григорий с любопытством посмотрел на Петьку.

— А почему же не пойти? — ответил тот с обычным задором.

— А потому, что убьют, — тон Петьки стал раздражать Григория. — Когда стемнеет, еще можно будет рискнуть, а идти сейчас, на виду у немцев, не вижу никакого смысла.

— Ночью могут перевести на другую позицию, или связисты увидят и подберут, — не сдавался Петька.

— Ну, как? — строго спросил Григория командир расчета, гревшийся около блиндажа на солнце.

— На наших глазах прямым попаданием на куски разорвало, — сказал Григорий мрачно.

— А ящик с консервами у берега в тине лежит, — добавил Петька. — Я Сапожникову предлагал на ту сторону за ним ехать, а он не хочет.

— Днем ехать глупо, — сказал Григорий. — Ночью и то, по-моему, слишком рискованно.

Сержант ничего не ответил, но в злых, рысьих глазах Григорий прочел голод, раздражение и жадность.

— Мин так и нет? — небрежно спросил Петька.

— Нет, — сержант затянулся махоркой и сплюнул по своей всегдашней привычке.

— Я схожу поговорю со старшиной.

Петька пошел вдоль затихшего берега. Григорий остался вдвоем с командиром расчета и разговор сра-

зу прекратился. Оба молча пускали клубы дыма. Григорий смотрел на загорелое жестокое лицо сержанта и думал: похож на волка и ищет стаю посильнее. Поэтому, как говорят, и подал в партию. Ему все равно где быть: у Пугачева или в опрочине.

Сержант подозрительно покосился на Григория и отвернулся: антипатия была взаимной. На дорожке, протоптанной вдоль обрыва, вновь появился Петька в сопровождении длинного, нескладного солдата, знаменитого мародера Ивана Кучина или просто Кучи, того самого, которого не могли разбудить при смене караула, когда после выхода дивизии на фронт Григорий, в лунную июньскую ночь, дежурил у миномета. Петька и Куча приблизились и остановились против Григория и командира расчета. Одновременно на дорожке появилась толстая фигура ротного старшины Столяренки, хитрого и ловкого украинца.

— Вот, Кучин соглашается ехать за консервами, — сказал Петька. — Мы уже говорили со старшиной — он разрешает.

Глаза Петьки горели озорством и решимостью. Большое небритое, в экземе, лицо Кучи оставалось вялым и безразличным.

— Они поедут на ту сторону и пойдут тем берегом, — подошел старшина, — а мы посмотрим с этой стороны от поворота.

Боится, что Петька и Куча съедят консервы, — понял Григорий.

Вечер был неожиданно тихий и теплый. Река успокоилась, вода спала. Григорий, старшина и командир расчета медленно шли вниз по берегу к повороту реки. Противоположный, высокий в этом месте берег кончался крутым обрывом. На его красно-желтом фоне

двигались две серые фигуры: они то подходили к самой воде, то влезали на обсыпавшийся под их ногами берег, осторожно обходя воронки. Григорию было жаль обоих и особенно Петьку. Конечно, трудно, не зная расположения немцев, определить, какая часть берега им видна, но, судя по тому, как они обстреливали плот, невозможно себе представить, чтобы это делалось наощупь.

Около поворота желтый обрыв кончился. Берег делался отлогим и на нем чернело несколько воронок. Петька и Куча скрылись в одной из них и, видимо, осматривались. Командир расчета остановился у самого поворота, не доходя до минометного гнезда, из которого несколько часов тому назад так смело стреляли ребята. Миномет лежал на боку, ребят не было — немцы-таки нащупали если не их самих, то их оружие.

— Вон остатки плота и ящик, — сказал старшина, садясь на землю.

Григорий вспомнил, как были здесь мины и невольно попятился к обрыву. Из воронки на противоположной стороне высунулась голова Петьки, потом показались плечи. Петька вылез из воронки и сейчас же за ним вылез Куча. Оба постояли и начали медленно продвигаться по открытому берегу.

Сейчас их накроют минометным залпом! Григорий зажмурился. Было тихо и только вода журчала. Немцы не подавали признаков жизни. Григорий раскрыл глаза. Петька и Куча вошли в воду и, пригибаясь к реденьким камышам, брели по направлению к ящику.

Место у ящика пристрелено. Их могут подпустить совсем к нему и тогда... — думал Григорий.

Шеи старшины и командира расчета были напряженно вытянуты. Петька и Куча наклонились над ящиком, перекладывая его содержимое в вещевой мешок.

— Так и есть консервы, — сказал командир расчета, — желтые мясные банки!

Петька и Куча, продолжая пригибаться, побрели к берегу. Немцы молчали. Григорий не верил своим глазам.

— Молодцы ребята! — сказал старшина. — Теперь хоть бойцов мясом накормим.

Петька и Куча быстро пробежали по берегу и скрылись в той же воронке. Водворилось молчание. Прошло минут пять, никто не появлялся.

— Что же это они? — не выдержал старшина.

— Жрут консервы! — с нескрываемой ненавистью в голосе сказал командир расчета.

Снова замолчали. Шеи командиров оставались напряженно вытянутыми. Григорию стало смешно и противно.

— Если и половину съедят, то это их право, — сказал он насмешливо.

Ни старшина, ни командир расчета ничего не ответили. Шеи их несколько сократились. Вопрос был ясен: Петька и Куча ели, сидя в воронке, в полной недостижимости для своего начальства.

— Зря Петьку одного не отправили! — сказал старшина. — Куча не то, что все консервы, а чорта сожрать может!

— И клали нарочно так, чтобы мы банок сосчитать не могли, — прошипел командир расчета.

Из ямы одновременно показались две головы. Петька и Куча вылезли на берег и пошли медленной, сытой походкой. За плечами Петьки болтался толстый вещевой мешок.

— Так и есть: все сожрали! — сказал командир расчета, поднимаясь с земли.

— Надо было тебе идти вместе с ними, — настаивательно сказал старшина.

Командир расчета только злобно посмотрел на него, ничего не ответил и нервно зашагал по берегу.

Вечером Григорий получил свои 50 грамм мяса.

— Это они, сволочи! — сказал Петька, равнодушно засовывая в рот всю порцию. — Не меньше как целую банку старшина при дележе зажил. Я-то ведь знаю, сколько их было — меня не проведешь!

Глава пятнадцатая

РАЗВЯЗКА

Политрук вызвал Григория к себе в блиндаж. На этот раз он помещался не в бутылкообразной дыре, а в настоящем блиндаже, вырытом и укрепленном солдатами для политрука и командира роты.

— Вот что, товарищ Сапожников, — начал запинаясь политрук, — я знаю вас как грамотного и дисциплинированного бойца. Из центра приехали крупные политические работники и хотят поговорить с фронтовиками...

— Пойдешь вечером с политруком на политсобрание, — перебил командир роты, — и смотри, чтобы доставить его туда и обратно, а то я наших бойцов знаю: чуть обстрел, так в разные стороны! Нет, чтоб о командирах позаботиться.

— Вы, товарищ Сапожников, постарайтесь побриться и почистить шинель. Поищите, кстати, пояс, — добавил политрук вкрадчиво.

— Плащ-палатку русского образца возьми у меня, — буркнул командир роты, — а то все трофейных понабрали, от немцев вас не отличишь!

Когда стемнело, Григорий и политрук начали пробираться в тыл. Стрельба почти прекратилась, но что-то необычно тревожное чувствовалось вдоль всего

фронта. Чаще обыкновенного раздавались отдельные выстрелы, чаще обыкновенного взлетали осветительные ракеты над немецкой передовой. Когда желтоватый свет ракет загорался близко, политрук неуклюже падал в грязь и тянул за собой Григория.

— Нечего зря рисковать, — говорил каждый раз политрук всгавая, когда ракета гасла, — а то немецкие снайперы вперед выползают: раз и готово!

Отойдя с полкилометра, остановились перекурить. Для перекурки политрук выбрал блиндаж, вырытый под разбитым немецким танком, как раз между двух мощных гусениц. Подходя к танку, Григорий заметил при блеске далеких ракет труп немца в нескольких шагах от развороченной прямым попаданием боевой машины.

— Запомни это место, — приостановился политрук, — чтоб не сбиться на обратном пути. Когда дойдем до танка, то сразу в овраг, в сторону реки.

Григорий огляделся. Там, где должна была быть немецкая передовая, чистое небо сохранило красноватый свет угасшей зари, похожий на шрам только что зажившей раны. На фоне этой полосы торчало несколько расщепленных стволов — остатки рожи у какого-то стертого с лица земли жилья. Вспыхнула далекая ракета, и рука политрука потянула Григория в темное отверстие под танком.

— Давай покурим и посмотрим карту.

В голосе начальника не осталось ни тени требовательности, ни малейшего оттенка приказа, только страх одиночества и смерти. В непроглядной тьме вспыхнул фонарик и толстые, в грязных прожилках, пальцы положили планшет с картой на полевую сумку.

— Вот смотри.

Поперек зеленой карты шли красная и черная ломаные линии. Рука политрука дрогнула.

— Готовят контрнаступление. Только ребятам пока не говори. Перебросили новую дивизию, самую что ни на есть заядлую.

— СС-овцев? — спросил Григорий.

— Что-то вроде... Грос... Грос Дойчланд, — с трудом выговорил политрук. — По-русски перевести: Великая Германия.

— Неужели наступает долгожданный момент? — подумал Григорий.

Политрук истолковал молчание Григория, как страх.

— Ты не бойся, — сказал он официальным тоном, — немцы уже не те, что в 41-ом году! И дивизию эту уже два раза разбивали, одно название осталось.

В трех с половиной километрах от фронта, в полуразрушенной избе окна были наглухо закрыты деревянными ставнями. Внутри ни лавок, ни икон, маленький наскоро сколоченный столик, три стула, по углам сено. Большая карта не помещалась на столике и свешивалась с двух сторон, как скатерть. На карте стояла маленькая керосиновая лампочка с закоптелым стеклом. Кругом стола разместились три политработника: один холеный с ромбом в петлице, похожий на чекиста, другой грубый, армейского вида, с тремя шпалами, третий длинноносый, с шапкой рыжих кудрей, еще совсем молодой офицер с двумя шпалами. Вдоль стен расположились политработники и солдаты полка. Было очень тихо. Непривычно далеки-ми казались выстрелы на передовой. Григорий чувствовал, что какой-то гнет спал с его сердца и оно стало биться ровнее. На первой линии, где стоят стрелки, жизнь измеряется днями, часто часами и минутами. У батальонных минометчиков неделями. В нескольких километрах от фронта — месяцами. Помимо

спокойствия в избе поражает сухость пола и мягкость сена. Тепло. Григорий вдруг вспомнил, что пожилой, армейского вида военный с тремя шпалами — комиссар дивизии, стало быть приехали только двое. Глаза комиссара дивизии следили с одинаковым вниманием за своими и за гостями. В то же время в обветренном скуластом лице Григорий не заметил подобострастия. — Комиссар, конечно, старый опытный партиец, как я и думал в первый раз, — решил Григорий.

— Ну, наши кажется собрались, можно и начинать, — рот дивизионного комиссара изобразил подобие улыбки.

Военный с ромбом кивнул молодому офицеру и тот заговорил гладко, уверенно, звучным баритоном. Голос, как и весь облик офицера, был холеный и самодовольный, без фронтовой сипоты. Докладчик говорил о том, что немцы начинают выдыхаться, что у них на восточном фронте меньше дивизий, чем в 41-ом году, кроме того, все дивизии потрепаны и не менее трети их составляют итальянцы, румыны и венгры. Многонациональность армии — одно из слабых мест немцев. Последнее соображение Григорию показалось основательным. Его вообще поразила лаконичность доклада и отсутствие штампованных фраз. Отталкивал только высокомерный тон докладчика. Охарактеризовав положение в армии противника, офицер заговорил о непрерывном росте патриотизма в советской армии, о налаживающейся работе тыла и близости решительного перелома. Кто-то из слушателей громко храпнул. Баритон политработника даже не дрогнул. Вопросов докладчику никто не задавал. Кончив доклад, он спокойно обвел глазами аудиторию, первый раз за все время доклада, и собрал лежавшие перед ним заметки. Военный с ромбом одобрил его ласковым взглядом. Оба гостя встали, очевидно, торопясь на следую-

щее подобное же собрание. Комиссар дивизии проводил их до двери и повернулся к вскочившим слушателям:

— Можете расходиться по своим подразделениям, — бросил он кратко и скрылся за дверью.

— Видишь, скоро перелом будет, — неуверенно начал политрук, выходя за Григорием на улицу. — Ты завтра обязательно пройди по блиндажам и расскажи бойцам вкратце то, что слышал.

— Вот трус! — подумал Григорий, — из блиндажа в блиндаж пройти боится.

— А даст нам «Великая Германия» возможность завтра беседы проводить? — пошутил Григорий.

— Ты смотри, это я только тебе рассказал, другим ни слова!

Силуэт политрука двигался в темноте съеженный, спотыкающийся и жалкий. Когда поднялись на бугор, с которого были видны немецкие позиции, на Григория снова навалился невидимый гнет. Шедший впереди политрук вдруг остановился.

— Не сбились ли мы с дороги? — услышал Григорий испуганный голос.

Действительно, овраг слева куда-то исчез.

— Чорт его знает! В 1914 году, говорят, сплошные окопы были, — ворчал политрук, — а теперь могил нароют, да еще в шахматном порядке: не поймешь, часть расположена или поле пустое?

— Надо поискать танк, — посоветовал Григорий, он как раз и стоял там, где овраг кончался.

— Я постою, а ты походи.

Григорий пошел в сторону, осторожно ощупывая ногами землю. Что-то мягкое попало под ногу, наверное труп. Григорий присел на корточки и зажег спичку. Это был он, немец, убитый недалеко от танка. Неровный свет осветил на мгновение строгий профиль

и вьющиеся волосы, испачканные грязью. Лицо трупа было спокойно и безразлично. — Представитель тевтонской расы... Кто он, враг или освободитель? Странное чувство поднялось в душе Григория. Достукались! — подумал он со злобой. — Завоевали свободу! Приходится надеяться на помощь и великодушные национального врага.

— Что ты там, куришь что ли? И зачем свет зажигать? — закричал истерически политрук.

— Танк нашел, — ответил Григорий, вставая на ноги.

На другой день осколком убило Кима. Случилось это без Григория, когда Ким с другими подносчиками ходил за минами. Зарыли его в воронке от снаряда, как зарывали всех погибших на фронте. Первый о смерти Кима Григорию рассказал командир взвода. Он пришел к окопу Григория и присел на корточки, как всегда спокойный и тихий.

— Пришел, Сапожников, тебе неприятную новость сообщить: Кима убили.

Григорий посмотрел в широкое лицо лейтенанта.

— Убили, — повторил командир взвода, — может и нас завтра убьют. Жаль, что обидели парня зря, он ведь правильно за солдат заступился. Это по распоряжению комиссара дивизии его сняли.

Григорий вспомнил волчью улыбку комиссара дивизии и нахмурился. Комвзвод понял состояние Григория и примирительно добавил:

— Ты не печалься, ведь мы за Родину, а не за комиссара дивизии сражаемся.

Неужели он всерьез говорит? — удивился Григорий и внимательно посмотрел в глаза комвзвода. Они были добрые, честные и очень серьезные. — Верит по-

настоящему, — решил Григорий, — парень простой, власть его офицером сделала, гордится он этим и верит больше, чем обыкновенный солдат.

— Я тебе вот еще что хотел сказать, — помолчав добавил комвзвод, — я тебе вместо Кима другого паренька пришлю, тоже малолеток, Вася... только прибыл. Ты о нем позаботься, а сейчас погляди, — переменял тон комвзвод, — вот я немецкие журналы в окопе нашел, хочется прочесть, а языка не знаю.

Комвзвод протянул пачку иллюстрированных журналов.

— Ты почитай на досуге, а я потом зайду... расскажешь.

Ночью батальон перебросили на открытую позицию в поле. Дождь почти не переставал. Сильно похолодало. Григория стало охватывать отчаяние. Все чаще приходила мысль, что его убьют до того, как он осуществит план перехода.

Над самой головой раздался глухой взрыв и что-то больно ударило по ноге выше щиколотки. — Вот оно... наконец! — Григорий вздрогнул и проснулся.

— Прости, я тебе кажется на ногу наступил, — прошептал Васин голос.

Григорий не сразу сообразил, в чем дело.

— Ты что? — наконец, спросил он.

— Ходил оправляться.

Вася копошился где-то совсем близко. Шуршала плащ-палатка, хлюпал вода под настилом из хвороста и досок. Григорий повернулся на спину. Холодный озноб пробежал по телу. Влажное белье неприятно липло к телу. Новый взрыв еще ближе первого. Кусочки глины посыпались с потолка землянки.

— Сволочи, — прошептал Вася.

Григорий с усилием приподнялся и сел. Край шлема задел за стенку и с нее опять посыпалась глина. Газетная бумага и махорка отсырели и, чтобы закурить, пришлось зажечь две спички. Когда вспыхивал огонь, на желто-грязном фоне противоположной стены вырисовывалась тень стриженной головы Васи. На Григория смотрели большие серые глаза с рыжими ресницами.

— Почему ты снимаешь шлем? — сказал Григорий.

— Всё равно убьют, — вяло ответил Вася.

— Убьют ничего, хуже если изуродуют. Совсем маленький осколок царапнет по голове и останешься на всю жизнь идиотом. Я тебе серьезно говорю, надень шлем.

Вася завозился, исполняя приказание Григория.

— Гриша, а, Гриша, — заговорил Вася, — скажи по совести, согласился бы ты, чтобы тебе сейчас оторвало руку или ногу, но зато сразу в тыл, в госпиталь, никогда больше этого не видеть?

Голос Васи стал почти радостным, как будто он размечтался о чем-то приятном и хорошем. Григорий затянулся последний раз и бросил остаток козьея ножки к входу.

— Нет, ты только подумай, — продолжал Вася, — вымыться в бане, вывести вшей... наесться досыта!

— Наешься теперь в тылу, жди! — прервал Григорий.

Вася замолчал и некоторое время в темноте было слышно только его сопение. В отдалении раздалось сразу несколько взрывов.

— Что это они сегодня? — радость исчезла из голоса Васи.

— Говорят, что немцы выходят на передовую по-сменно, дежурят по восемь часов, как на производстве, — проворчал Григорий.

Что-то ухнуло рядом с землянкой. Крыша осела и когда Григорий приподнялся на локте, то увидел, что угол над головою Васи зияет круглой дырой, через которую видно небо.

— Ты не ранен? — с тревогой спросил Григорий.

— Кажется, нет, — чуть слышно ответил Вася.

Григорий протянул руку и нащупал в темноте густо вымазанную глиной шинель и хилое, жалкое плечо Васи.

— Цел?

— Цел.

Вася тоже приподнялся. Пошел дождь и в отверстие над Васиной головой стали падать реденькие капли, а по стенке зажурчала струйка воды.

— Господи, когда это кончится? — заговорил Вася, — и за что я мучаюсь, кого защищаю? Рос, всё время голодал. Отец умер, мать заболела. Устроился на склад. Заведующий складом заставил воровать. В соседнее отделение лаз был сделан, ну я и лазил. В первый же раз целый ящик консервов передал, так они мне одну банку с собой дали: «Хватит, — говорят, — с тебя и этого». Принес домой. Мать догадалась, заплакала. «Не думала, — говорит, — что мой сын воровать будет!», а братишка увидел, тоже заплакал — есть просит... Сволочи! — добавил Вася с отчаянием, — и знают ведь, что не изменю я им, пойду их проклятых защищать, чтобы они потом опять народ мучили! — в голосе Васи звучала истеричная нотка.

Григорий никак не ожидал от Васи такого взрыва.

— Всё равно Сталину войну не выиграть, — сказал он, подумав, — если дальше солдат беречь будут, как теперь, через год некому воевать будет.

— В России народу хватит, всех не перебьют! — ответил Вася почему-то успокаиваясь, — только нам с тобой домой не вернуться...

— Надо дыру заделать, — сказал Григорий.

— Пока не рассвело, — согласился Вася.

Снаружи темное поле, сырость и туман. В отдалении, над немецкой передовой, шары осветительных ракет. Григорий нашел в грязи кусок прогнившей доски, принесенный еще накануне из другого разбитого снарядами блиндажа, и заложил отверстие в потолке землянки. Вася бросил сверху несколько лопат мокрой глины.

Григорий сидел на ящике с минами и чистил ствол миномета. Узкий, короткий окоп переходил в метре от Григория в круглое, двухметрового диаметра гнездо, в котором стоял миномет. Напротив, в таком же коротком проходе, сидел Вася и вставлял в черные пазы хвостов мин дополнительные заряды. Между ними, в самой середине круга, на корточках сидел командир расчета, курил и сплевывал.

— Супа не привезли... — сказал Вася.

— А тебе только бы жрать! — командир расчета нехорошо выругался. — Вот Сапожников, не тебе чета, инженер, и то ничего не говорит, — добавил он после короткой паузы.

— Ты не ругайся, — язвительно ответил Вася, — мне за Сталина и за Родину всё равно как умирать: от мины или от голода.

Столб земли поднялся в полсотне метров перед окопом. Командир расчета плюхнулся на то место, на котором сидят, и прижался к задней стенке окопа. Вася съежился и уронил мину.

— Ты что? — взревел командир расчета, приходя в себя, — разве мину можно ронять?

Новый столб земли поднялся слева от окопа несколько дальше.

— Фашисты проклятые! — остановился командир расчета на полуслове. — Вот что, ребята, вы тут подготовьте всё к стрельбе, а я пойду в блиндаж.

Командир расчета перемахнул через бруствер окопа и исчез, пригибаясь к земле.

— Убрался и пес с тобой! — сказал Вася, морща пухлый нос. — Он бы и драться начал, если бы не на передовой.

Григорий положил конец ствола миномета на ящик с минами, приподнялся и посмотрел кругом. Большое поле было всё в воронках. Слева на горизонте торчали остатки леса, обломанного и исковерканного. Прямо перед окопом поле понижалось к ложине, а затем опять поднималось, упираясь в серое небо. Там, почти на самой линии горизонта, были остатки церкви и торчало несколько расщепленных деревьев, там была немецкая передовая. По всему полю, как большие зелено-серые жуки, кренились на разные стороны подбитые танки. В начале бугра, поднимавшегося к немцам, была русская передовая, и там, около отдельных окопчиков, копошились люди, невидимые за выгибом бугра немцам и видимые, как на ладони, Григорию.

— А всё-таки пехоте еще хуже, чем минометчикам, — сказал Григорий, опять садясь на ящик с минами и беря ствол в руки.

— Зато скорей отмучиваются, — возразил Вася. — А как по-твоему, Гриша, — вдруг посмотрел он на Григория совсем серьезным взрослым взглядом, — ты всё-таки человек образованный, скажи: ну побьем мы немцев, будет народу какое облегчение или нет?

Григорий хотел ответить, но...

Безмерное пространство черно-желтой земли уходило в обе стороны ровным полукругом. Где-то вертелись черные круги. — Что это? Умер я или... как болит грудь! Стальной обруч сжал ее от плеча до плеча... Черные точки замелькали перед глазами Григория. — Зачем я вижу всё это? — подумал он и пришел в себя.

Серые облака деловито неслись по небу. Воронка от снаряда была совсем не такой большой. Грудь болела и к горлу подступала тошнота. — Целы ли ноги, и вообще что от меня осталось? Григорий попробовал пошевелиться, ноги сначала не двигались. — Это земля и ствол миномета придавили колени... немцы засекли наш миномет, сейчас может быть еще один снаряд! Ужас охватил Григория, он напярэг все силы и закричал:

— Помогите!

Никто не отозвался.

А где Вася? — вспомнил Григорий. — Надо скорее бежать! Справа овражек, всего 200 метров, там блиндаж ротного санитаря.

Нечеловеческим усилием Григорий высвободил ноги, перевернулся и пополз через край воронки. Под руку попался кусок чего-то мягкого и мокрого. Григорий инстинктивно отдернул руку. Перед ним лежал кусок окровавленной шинели, часть воротника и плечо.

Какие у него были худые, жалкие плечи! — вспомнил Григорий, почему-то поднял окровавленную тряпку, встал на ноги и, пригибаясь к земле, чувствуя слабость во всем теле, побежал направо к оврагу.

Спустившись в овраг, Григорий сел на землю, чтобы перевести дух, но долго сидеть ему не пришлось. То и дело над оврагом и в овраге рвались снаряды. Это не было обычной перестрелкой, это была артиллерийская подготовка. Несмотря на огонь противника, во всех щелях оврага копошились люди. Двигались они, как тени: вялые, безразличные. Никто не обращал на Григория внимания, а он сидел, не в силах побороть слабость. В ушах так шумело, что столбы земли, поднимаемые взрывами, воспринимались только зрительно, как в немом кино. Вот такой столб поднялся совсем близко, метрах в пятидесяти. Снаряд угодил рядом с блиндажом и блиндаж рухнул. Из кучи выкарабкались

два солдата, вскочили на ноги и стали разгребать кусками досок землю около самой воронки. Через мгновение из ямы появилась голова человека.

Как бы меня не доби́ли! Григорий с трудом встал и пошел по оврагу. Поровнявшись с разбитым блиндажом, он увидел выкопанного. Худой, как мумия с узким лицом на тонкой шее, с выпученными глазами. На лице ни тени радости, безразличие и оцепенение.

Блиндаж санитаря, двадцатилетней девушки, оказался разбитым, а сама она лежала контуженной в блиндаже ротного командира.

— Заходи к нам! — услышал Григорий голос Козлова. — Мой миномет разбит, так я сейчас при командире роты.

В блиндаже командира роты горела керосиновая лампа. На полу без сознания лежала санитарка. За маленьким столиком сидели командир роты и политрук.

— Ты чего пришел? — спросил командир роты.

— Миномет разбит, я контужен, подносчик убит.

— А командир расчета?

— Не знаю где, — ответил Григорий.

— Так ты чего же пришел?

— Как чего? — возмутился Григорий. — Я контужен, к санитару и пришел.

— К санитару? — загоготал командир роты, — а Нюрка сама контужена. Когда еехватило, то сначала всё «мама» кричала, теперь лежит без сознания. А это ты что с собой таскаешь?

Григорий только теперь заметил, что продолжал держать в руке обрывок шинели и кусок плеча Васи.

— Козлов, выброси! — в голосе командира роты появилась нотка удивления после того, как он рассмотрел принесенный Григорием предмет.

Взрывы снаружи в это время затихли.

— Козлов, сбегай узнай, что осталось от третьего взвода, а ты можешь идти в санчасть, — обратился ротный к Григорию.

— Можно немножко отдохнуть? — попросил Григорий.

— Сиди, — разрешил политрук, начавший обретать дар речи после прекращения канонады.

— Захвати из блиндажа мой вещевой мешок и котелок, — попросил Григорий Козлова, садясь у входа на пол.

— Если в полку будут расспрашивать, что у нас делается, — обратился ротный к Григорию, — передашь, что приказ товарища Сталина не отступать ни на шаг выполняем, а подробности передам по полковому телефону, когда связь будет восстановлена.

Вечерело, когда Григорий, пригибаясь к земле и стараясь идти как можно быстрее, взобрался на бугор, где стоял танк и лежал убитый немец. Нырнув в блиндаж под танком, Григорий вздохнул свободнее. Тогда ночью, когда он шел с политруком, было безопаснее. Днем немцы могли открыть огонь и по одному человеку. Но никто огня не открывал. Было тихо, так тихо, что Григорий слышал стук собственного сердца. Сначала эта тишина сладко охватила Григория. В углу блиндажа оказалось сено и он с наслаждением лег, но в следующее мгновение беспокойство подняло его. — А вдруг я сгоряча смог сюда дойти, а полежу, успокоюсь и ослабею. Покурю и пойду, — решил Григорий. Махорка показалась горькой и вызвала тошноту. — Плохо дело, всё внутри разбито. Вспомнился Вася. Страшно даже, как они относятся к покойникам! Григорий вспомнил, как равнодушно Козлов взял у него из рук окровавленный комок и, высунувшись в дверь, швырнул далеко на другую сторону оврага. Как обес-

смысленна смерть и во что превращается жизнь при таком отношении к смерти! Григорий вылез из блиндажа и побрел в тыл. Скоро начался спуск. Когда Григорий начал спускаться по противоположной от фронта стороне холма, его охватило радостное чувство безопасности. На голой ветке тоненькой березки защебетала синичка. Григорий остановился около нее. Черные, как бусинки глазки, задорный хохолок. На передовой птиц не было. Григорий улыбнулся и пошел бодрее по дороге к реке. Впереди показалась переправа для пешеходов: деревенский мостик в одну доску с перилами из жердей. Около мостика стоял красноармеец с винтовкой на плече: заградительный пост. Ощущение радости пропало. Надо было взять из части какой-нибудь документ о контузии, тем более, что иду без винтовки. Санитарные пункты принимают легко раненых только с личным оружием... Мостик приближался. Надо идти уверенно и независимо, — решил Григорий, — в конце концов, чего я боюсь? Солдат был очень похож на чекиста, который в 1930 г. арестовывал Григория: плюгавый, подлый, но что-то уж очень маленький. Даже контуженный Григорий легко бы с таким справился. — В самом деле, кругом никого, можно его придушить и в реку: одним мерзавцем меньше станет! Солдат глядел на Григория неприятно-знакомыми глазами и молчал. — Боится, — понял Григорий, — для него, как для приезжих агитаторов фронт начинается там, где для нас он кончается. На сотню метров дальше он во власти любого красноармейца, сотню метров за ним начинается тыл и произвол власти... Солдат ничего не сказал Григорию и Григорий ничего не сказал солдату.

Идя над рекой, Григорий вздохнул с горечью: вместо одной тяжести, на сердце налегла другая.

Совсем в темноте Григорий нашел санитарный пункт своего полка. Пункт уютно устроился подальше от противника на берегу реки, верстах в шести от пере-

довой. Неудивительно, что на пункте не было ни одного раненого. Молодой ловкий врач в новенькой чистой шинели даже не стал осматривать Григория.

— Сегодня переночуете у нас, — сказал он вежливо, — а завтра мы вас отправим в санитарный батальон. Недельку отдохнете и поправитесь. Спать можете в палатке у санитаря.

Такой оборот дела понравился Григорию и совсем его успокоил. Сопроводительный документ они мне напишут и всё будет в порядке.

Ночь Григорий спал в непривычном комфорте, на походной постели под шерстяным одеялом. Утром он побрился и вымылся в холодной речке. За ночь прибыло еще два солдата с передовой, оба с острой дизентерией. Умывшись, Григорий вернулся в палатку. Санитар варил кашу на железной печке. От печки шло тепло, наполнявшее всю палатку. Каша показалась Григорию необыкновенно вкусной: полтора месяца он ел только жидкий суп. Больные дизентерией лежали на куче хвороста и стонали. Санитар стал внушать Григорию смутное подозрение: слишком уже быстрые были у него глаза и движения. Не жулик ли? — подумал Григорий, когда санитар явно заинтересовался его вещевым мешком.

— Это что у тебя тут?

Санитар наклонился и мгновенно вытряхнул содержимое мешка на землю. Григорий ожидал чего угодно, но не этого.

— — — — — Немецкие журналы?

Санитар поднял двумя пальцами, как опасное взрывчатое вещество пачку немецких иллюстрированных журналов, принесенных Григорию командиром взвода.

— Откуда это у тебя? — санитар обернулся и в упор посмотрел на Григория. Это был тот же, давно знакомый взгляд чекиста.

Во рту Григория пересохло. Попался и так глупо и неожиданно! И зачем я ушел с передовой?

— Трофейные, — сказал Григорий, как можно спокойнее, — нашел в немецком блиндаже.

— Читаешь по-немецки?

— Немного.

— Ага! — тон был у санитаря такой, как будто он обнаружил важнейшее политическое преступление.

На передовой все рассматривают найденные немецкие журналы, — с возмущением подумал Григорий и тут же вспомнил, что это на передовой, а тыл начинается после заградительных постов.

О санбате уже не было и речи. Григорий сидел перед палаткой, забыв о контузии и ждал. Чего? Может быть ареста, во всяком случае чего-то плохого. Санитар ушел в палатку врача и Григорий слышал, как трещал полевой телефон. Потом санитар вернулся и занялся приведением в порядок медикаментов, всё время следя за Григорием. Больные дизентерией тихо лежали на хворосте, делая вид, что вообще не видят Григория. Через час прискакал верховой на взмыленной лошади и санитар передал ему журналы, неся их почти на вытянутых руках, как нечто отвратительное. Верховой скрылся так же поспешно, как и прискакал. Затем опять звонил полевой телефон, — очевидно журналы были доставлены в секретную часть и там просмотрены. Затем санитар надел шинель, подтянул пояс и сказал Григорию и дизентерийным, что он проводит их до штаба полка, откуда они будут направлены дальше.

Штаб полка был в часе ходьбы, около деревни, в которую Григорий ходил на собрание с политруком. Григорий старался запомнить дорогу с тем, чтобы в случае чего бежать и ночью перейти к немцам. В штабе, расположенном среди мелкого леса, Григорий ждал у

какого-то блиндажа, пока выйдет санитар. Санитар вышел, взял дизентерийных и увел их, даже не взглянув на Григория. Григорий оставался один. Часового к нему не приставили, значит не арестовали. Мимо прошел красноармеец с письмами в руках.

— В полевую почту? — спросил Григорий.

— Да, сдаю письма нашего батальона, — ответил красноармеец.

Лицо у него было добродушное. Фронтовик, — решил Григорий.

— Подождешь? Я напишу открытку сестре. Сдашь за одно? — попросил Григорий.

— Ладно, пиши, — согласился красноармеец.

Григорий достал открытку и быстро написал Лечке:

«Чувствую себя плохо: кажется начался рецидив ревматизма, мучившего меня в 1930 году. Если не буду писать, значит направлен в госпиталь.»

Солдат взял письмо, положил в общую пачку и ушел. Григорий почувствовал прилив энергии. Пройдясь несколько раз около блиндажа, он тихо отошел в сторону и остановился. Никто за ним не следил. Григорий повернулся и, не торопясь, сдерживая волнение, пошел по направлению к передовой. Никто не обратил на него внимания.

Выйдя на бугор, с которого была видна немецкая передовая, Григорий остановился. До сих пор им владела только одна мысль: надо избежать ареста. Вскоре после того, как Григорий вышел из леса, в котором был расположен штаб полка, он натолкнулся на заградительный пост. Опять это был щедушный подросток. Постовой молча пропустил Григория, но на этот раз обостренная впечатлительность Григория не отметила в поведении часового ни смущения, ни скрытого страха. Выход на передовую был открыт.

Ушел! — обрадовался Григорий, но чувство облегчения продолжалось только до гребня холма.

Даль за немецкой передовой манила надеждой на свободу, но столб земли взметнулся там, где должна была быть советская передовая. Второй, третий... Артиллерийская подготовка продолжалась — значит, контратаки еще не было. С тихим жужжанием пролетела пуля. Григорий пригнулся к земле и побежал к танку. В яме между гусеницами было холодно, но сухо.

Хорошее место, — подумал Григорий, не тыл и не передовая, никого, кроме мертвого немца, и полуживого русского.

Григорий почувствовал озноб и тошноту.

— Что со мной? В самом деле контузия или просто я переутомился, изголодался и простудился? Как хорошо было в санитарной палатке около печки! Зачем он полез в мой мешок? Шутка сказать, мог бы неделю отдохнуть в тепле и сухости!

Озноб усилился.

Леночка наверное получит мое письмо, получит и поймет, что я могу быть арестован. Несчастная! Опять новое беспокойство. А где Катя, что они с ней сделали?

Григория охватил приступ бешенства.

Нет, хуже большевиков ничего не может быть!

Сильно заболела голова.

Да, это только страх ареста заставил забыть о контузии, а я действительно весь разбит. Хватит ли сил дойти до своей роты? Умереть одному в этой дыре под танком... а не всё ли равно — умирать одному или на людях? Нет, одному страшно...

Григорий вылез из ямы и, прячась за танком, посмотрел вперед. Начинало темнеть. На фоне серых об-

лаков таяли силуэты расщепленных деревьев. Неудержимо потянуло к людям.

— Надо обдумать, — остановил себя Григорий. — Немцы могут атаковать ночью или завтра утром. Эту высоту они должны будут занять во что бы то ни стало. Может быть, самое разумное дожидаться их здесь?

Григорий посмотрел на труп немца и не сразу понял, что с ним произошло.

— А, это зубы обнажились! Раскрылся рот.

Труп улыбался. Холод острой струей пробежал между плеч.

— Почему этот труп попадается мне всё время на глаза? Разве мало их лежит вдоль фронта?

Мрак сгущался больше и больше. Заморосил дождь. Григорий перекинул мешок за плечи и стал спускаться в овраг.

Минометчики стояли на том же месте, но что-то изменилось за сутки, которые отсутствовал Григорий. Больше было воронок, больше разбитых блиндажей, меньше минометов и значительно меньше людей. Григорий стал подниматься от реки вверх по оврагу, когда только что кончилась вечерняя стрельба. Первый из опавшихся минометов еще дымился, но около него же не было никого и, несмотря на дождь, он стоял ничем не прикрытый в обсыпавшемся окопе. Несколько копошившихся у блиндажей бойцов не обратили на Григория внимания. Григорий пошел к блиндажу командира роты. Вместо него, зияла воронка и валялись обгорелые доски.

— Где командир роты? — спросил Григорий вынужденно из щели физиономию.

Физиономия ничего не ответила и скрылась. Григорий пошел дальше и вдруг увидел Козлова. Козлов посмотрел на него тусклыми глазами и хотел пройти мимо. Григорий окликнул его. Козлов остановился.

— Меня не приняли в госпиталь, я вернулся. Где командир взвода и командир роты?

Козлов не сразу понял, что говорил Григорий.

— Я вернулся, — повторил Григорий, — мне надо найти командира взвода или командира роты.

— А... — протянул Козлов, — командир роты вон в том блиндаже. Старый блиндаж сегодня утром разбито. Хорошо, мы с ротным снаружи были, а политрука и санитарку накрыл-таки... Санитарку жаль, — добавил Козлов.

Лицо его постепенно делалось осмысленным, он как будто просыпался.

— А немецкая атака была? — спросил Григорий.

— Нет, пока не было. Обстреливать зато стали так, что спасения нет! От батальона одна наша рота осталась. До вчерашнего дня было шестьдесят человек, сегодня осталось сорок. Прошлую ночь в минометных гнездах провели, все атаки ждали.

Козлов повернулся и пошел.

Два месяца тому назад в батальоне было 360 человек, — вспомнил Григорий, направляясь к блиндажу командира роты.

Лицо ротного осунулось и посерело. Он сидел и курил у входа в узкую, свежее выкопанную щель. На Григория он посмотрел так же безразлично, как и Козлов.

— Не приняли в госпиталь, товарищ командир, — сказал Григорий. — Мой миномет разбит, куда мне идти?

На Григория поднялись стеклянные глаза.

— Найди где-нибудь винтовку и иди в верхний конец оврага, там есть стрелковые гнезда, будешь ночь дежурить. В случае немецкой атаки поднимай тревогу.

— А вы не назначите меня в какой-нибудь расчет? — спросил Григорий.

— Какой еще расчет! Тебе говорят, что делать, — командир роты выругался. — Приказ Сталина: ни на шаг не отступать. Иди, куда приказано! Там боец дежурит. Не найдешь винтовки, возьми у него, а его сюда пришли.

В том месте, где кончался овраг и начиналась возвышенность, на которой был контужен Григорий, у старой заброшенной дороги, пересекавшей обе линии фронта, была выкопана глубокая круглая яма. В ней Григорий нашел дремавшего красноармейца с немецким карабином в руках. Красноармеец отдал Григорию карабин и уходя дал Григорию совет:

— Если увидишь кого-нибудь из командиров, то сейчас и выстрели. Приказано стрелять всё время.

Григорий снова остался один. Где-то, далеко слева, шел бой, гремела артиллерия, а когда затихали взрывы, доносился треск ружейной перестрелки. Хотелось спать. Григорий потерял представление о времени и все его чувства и желания слились в одно: поскорее бы кончилось это мучение, всё равно чем — смертью, пленом или просто потерей сознания. Со стороны поля слышались шаги. Григорий стряхнул тяжелую дрему и прохрипел:

— Кто идет?

— Командир второго взвода.

Стройная тень приблизилась. Это был командир взвода Григория. Шел он неторопливо и когда поровнялся с Григорием, остановился.

— Я был контужен и ходил в тыл, — сказал Григорий.

Ему стало неудобно за то, что он, вернувшись, пошел прямо к командиру роты.

— Я думал, что ты убит, — ответил командир взвода обычным ласковым голосом.

— Вася убит, а я уцелел, — сказал Григорий.

— Много убитых! — голос командира взвода стал еще тише. — В нашем взводе всего один расчет остался. Ты смотри в оба: атака может начаться в любую минуту.

Командир взвода скрылся в овраге.

Утром Григория сменил наводчик одного из уцелевших расчетов. Полуживой Григорий пошел на его место в расчет.

— Наконец, посплю! — радовался Григорий, спускаясь в блиндажик, выкопанный одним из убитых красноармейцев расчета.

Блиндаж, почти незаметный из оврага, внутри оказался превосходным. Он был перекрыт толстыми досками и уходил метра на четыре в землю. На дне лежали доски настила, а на досках много хворосту и две плащ-палатки.

Как это ротный не отнял для себя такой блиндаж! — удивился Григорий. — И когда только ребята успели его сделать?

Сон мгновенно прервал размышления Григория, но спать ему дали недолго. Какой-то пожилой красноармеец, второй номер нового расчета, разбудил его, сильно потянув за ногу.

— Вставай, тревога! — сказал красноармеец деревянным голосом.

Григорий сел и решительно не мог понять, что от него хотят и не мог вспомнить, в каком он теперь расчете. Пожилой красноармеец сказал, как бы извиняясь:

— Мне всё одно: спи пока немец придет, только командир очень ругается.

Красноармеец скрылся. Григорий вылез из блиндажа. Миномет стоял в глубоком крепком гнезде. Видимо, расчет состоял из крестьян, привыкших делать всё добротнo и надолго. В гнезде сидел второй номер и готовил мины. Он был коренастый, сероглазый и, как показалось Григoрию, даже румяный.

— Вот твой хлеб и суп, — сказал второй номер. — Ешь скорее.

Хороший парень, — подумал Григорий с благодарностью, но поесть не пришлось. Появился сержант, командир нового расчета, и приказал открыть огонь.

Солнце, невидимое несколько дней, вдруг прорвало побелевшие облака и осветило желтый откос оврага и зеленый ствол миномета. Григорий не успевал наводить, так быстро менялось расстояние, на которое шла стрельба.

Атакуют, — не сразу сообразил Григорий.

Второй номер очень спокойно брал мины из заранее заготовленной кучи и аккуратно опускал в ствол. Рев аэропланов заглушил на минуты гул канонады. Совсем низко над оврагом кружились два немецких «шторьха», наклоняясь то на одно, то на другое крыло.

Стреляют по нашей пехоте, — понял Григорий.

Прицел продолжал скакать. Четыреста, триста, двести метров... Овраг наполнился пехотинцами.

— Круговая оборона! — раздался над головой Григория голос командира роты.

В следующий момент второй номер пропал из окопа, как будто его никогда и не было. Григорий встал на ноги и огляделся. Мимо него мелькнула фигура командира расчета с автоматом в руке. Куча серых фигур бежала вниз по оврагу. В следующее мгновение

овраг опустел. Это было как раз то, чего так долго ждал Григорий.

— Что делать? Вещевой мешок остался в блиндаже но идти за ним опасно. Надо чтобы немцы увидели меня издали и я бы успел поднять руки.

Моторы ревели прямо над головой Григория. Аэропланы сделали новый круг. Они были так низко, что можно было различить головы летчиков.

Интересно, как немцы идут в атаку?

Сознание Григория прояснилось. Он начал взбираться по круче, чтоб посмотреть на наступающую цепь, но подумал, что, высунувшись, попадет под огонь пулеметов и погибнет в тот момент, когда цель почти достигнута. Григорий остановился под самым гребнем и поглядел назад. С этого места был ясно виден холм, на котором стоял разбитый танк и лежал смеющийся труп немца. Несколько десятков серых фигур бежало вверх по склону. Аэропланы с противным воем сделали резкий поворот и между бегущими поднялись столбики земли. В следующее мгновение все фигуры пропали, то ли залегли, то ли были срезаны огнем пулеметов. Григорий сбежал вниз и стал у противоположного края оврага. В брошенных гнездах дымились минометы. В верхнем конце оврага показался человек. Это был командир взвода Григория.

Что он хочет делать?

Командир взвода подошел к одному из брошенных минометов и стал наводить.

Он хочет стрелять, --- с ужасом понял Григорий.

В следующее мгновение комвзвод странно взмахнул руками и упал на миномет. На гребне появилось сразу несколько немцев в серо-зеленых шинелях с тонкими черными повязками на рукавах. Григорий поднял руки и медленно пошел навстречу тому немцу, который был ближе.

Неужели выстрелит?

Григорий пристально смотрел на немца. Немец начал спускаться вниз. Это был молодой белобрысый парень с длинным носом и маленькими глазками. Руки сжимали темное ложе карабина. Григорий продолжал идти. Когда между ним и немцем оставалось несколько шагов, Григорий остановился и крикнул:

— Их бин геген Сталин!

Немец, смотревший на Григория с каким-то неясным выражением лица, вдруг улыбнулся и опустил карабин.

Неужели это так просто! — подумал Григорий.

Немец махнул рукой в сторону своей передовой. Григорий кивнул головой и пошел вверх по оврагу к дороге, пересекавшей две линии фронта. Из блиндажей вылезали красноармейцы. Овраг снова был полон людьми: русскими и немцами. Немцы махали руками в направлении своей передовой и никого не трогали.

— Вырвался! — пронеслось в воспаленном мозгу. — Не убили! Острый холодок физической радости пробежал по спине Григория. — А те?.. Перед глазами встал желто-черный косогор, танк, бегущие фигуры, пулеметная очередь... и снова земля, голая земля без признаков жизни, и где-то на этой земле окровавленный обрывок шинели с куском Васиного плеча и тоненькая цыплячья шея Андрея Андреева. Григорий вздрогнул и пришел в себя.

— Жив? — услышал Григорий голос Козлова.

— И ты здесь? — обрадовался Григорий.

— А где же мне быть? — подмигнул Козлов. — Нет ли у тебя креста или иконки на время, ты ведь на-верное верующий?

— А зачем тебе? — не понял Григорий.

— А чтоб за комсомольца не посчитали, — откровенно признался комсорг.

Григорий полез за пазуху и достал из бокового кармана гимнастерки золотую иконку, благословение Леночки.

— На, бери, только после отдашь, — сказал Григорий.

— Мне только пока обыщут, — успокоил его Козлов, — а потом она мне будет без надобности.

— Слава Тебе, Господи!

Григорий обернулся. Пожилой солдат снял пилотку и истово перекрестился. Григорий узнал в нем второго номера своего последнего расчета. Лицо солдата было спокойно и торжественно.

— Слава Тебе, Господи! — Повторил солдат, встретив взгляд Григория. — Что там ни будет, а от большевиков избавились.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	7
ПРОЛОГ	9
Глава первая	
МОСКВА ПОСЛЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ .	17
Глава вторая	
РЕЧЬ СТАЛИНА	36
Глава третья	
БЕГСТВО ПАВЛА	45
Глава четвертая	
НА ОКОПАХ	53
Глава пятая	
ПАНИКА	83
Глава шестая	
НЕМЦЫ ПОД МОСКВОЙ	104
Глава седьмая	
КРАСНАЯ АРМИЯ	129
Глава восьмая	
ПОД КАЛУГОЙ	160
Глава девятая	
РАНЕННЫЕ	181
Глава десятая	
СНОВА НА ФРОНТЕ	218
Глава одиннадцатая	
ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ	239
Глава двенадцатая	
КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ	268
Глава тринадцатая	
ПУТИ НЕБЕСНЫЕ И ПУТИ ЗЕМНЫЕ . . .	282
Глава четырнадцатая	
ГЕРОИ	304
Глава пятнадцатая	
РАЗВЯЗКА	317

СПИСОК ПОСТУПИВШИХ В ПРОДАЖУ КНИГ:

- Дж. Т. АДАМС** — Американская эпопея. 416 стр. \$3.00
Перевод с английского Л. Л. Домгера.
- М. А. АЛДАНОВ** — Живи как хочешь. Роман в двух томах. Том I — 384 стр. Цена \$2.75
Том II — 304 стр. Цена \$2.75
- М. А. АЛДАНОВ** — Ульмская ночь. Философия случая. 352 стр. Цена \$2.75
- В. АЛЕКСЕЕВ** — Невидимая Россия. 405 стр. Цена \$2.75
- В. И. АЛЕКСЕЕВ** — Россия солдатская. Повесть. 348 стр. Цена \$2.75
- А. АХМАТОВА** — Избранные стихотворения. 272 стр. Цена \$2.25
- А. А. БОГОЛЕПОВ** — Русская лирика от Жуковского до Бунина (Избранные стихотворения). 416 стр. Цена \$2.75
- М. БОК** — Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине 352 стр. Цена \$2.75
- М. БУЛГАКОВ** — Сборник рассказов. 212 стр. Цена \$1.75
- И. А. БУНИН** — Жизнь Арсеньева. Роман. Первое полное издание. 388 стр. Цена \$2.75
- И. А. БУНИН** — Т. I: Весной, в Иудее; Роза Иерихона 240 стр. Цена \$2.00
Том II: Митина любовь; Солнечный удар 224 стр. Цена \$2.00
- Н. ВАЛЕНТИНОВ** — Встречи с Лениным. Стр. 384 \$3.00
- ВЛАДИМИР ВЕЙДЛЕ** — Вечерний день. 224 стр. Цена \$2.00
- Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВ** — Кризис индустриальной культуры. 352 стр. Цена \$2.75
- Е. ГАГАРИН** — Возвращение корнета. Повесть Поездка на святки. Рассказ. 296 стр. Цена \$2.50
- ГАЙТО ГАЗДАНОВ** — Ночные дороги. 256 стр. Цена \$2.00

- . **В. ГОГОЛЬ** — Повести. С предисловием В. Набокова. 272 стр. Цена \$2.00
- . **А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР** — В защиту права. Статьи и речи. 272 стр. Цена \$3.00
- ОМАН ГУЛЬ** — Конь рыжий. Повесть. 288 стр. Цена \$2.00
- НЕИЗДАННЫЙ ГУМИЛЕВ** — Под редакцией Проф. Г. Струве. 240 стр. Цена \$2.25
- . **ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ** — Глухой приход и другие рассказы. 304 стр. Цена \$2.25
- ЖОН ГЮНТЕР** — По Соединенным Штатам. 416 стр. Перевод с английского В. Петрова Цена \$3.00
- . **ДАМАНСКАЯ** — Миранда. Роман. 248 стр. Цена \$2.25
- . **И. ДЕНИКИН** — Путь русского офицера. 384 стр. Цена \$2.75
- ВАН ЕЛАГИН** — По дороге оттуда. Стихи. 168 стр. Цена \$1.50
- . **ЕЛАГИН** — Укрощение искусств. Воспоминания музыканта. 436 стр. Цена \$3.00
- ОРИС ЗАЙЦЕВ** — Древо жизни. Роман. 208 стр. Цена \$1.75
- . **ЗАМЯТИН** — Мы. Роман. С предисловием В. Александровой. 224 стр. Цена \$1.75
- . **ЗЕНЗИНОВ** — Пережитое. Воспоминания. 416 стр. Цена \$3.00
- МИХАИЛ ЗОЩЕНКО** — Повести и рассказы. 428 стр. Цена \$2.75
- ГЕОРГИЙ ИВАНОВ** — Петербургские зимы. 256 стр. Цена \$2.00
- . **В. ИВАНОВ-РАЗУМНИК** — Тюрьмы и ссылки 416 стр. Цена \$3.00
- . **ИЛЬФ и Е. ПЕТРОВ** — Двенадцать стульев 384 стр. Цена \$2.75
- ИЛЛА КАТЭР** — Моя Антония. Роман, перевод с английского В. С. Яновского. 320 стр. Цена \$2.50
- . **КОРЯКОВ** — Освобождение души. 372 стр. Цена \$2.75

- СТИВЕН КРЕЙН** — Алый шеврон мужества. Повесть.
224 стр. Цена \$1.75
- К. КРИПТОН** — Осада Ленинграда. Записки очевидца.
256 стр. Цена \$2.00
- Н. ЛЕСКОВ** — Соборяне. Хроника. 400 стр.
Цена \$2.75
- Н. С. ЛОССКИЙ** — Достоевский и его христианское
миропонимание. 416 стр. Цена \$3.00
- С. МАКСИМОВ** — Голубое молчанье. Рассказы. Поэ-
мы. Пьесы. 240 стр. Цена \$2.00
- С. МАКСИМОВ** — Тайга. Сборник рассказов. 208 стр.
Цена \$1.75
- С. МАЛАХОВ** — Летчики. Пьеса. 72 стр. Цена \$1.00
- Ю. Б. МАРГОЛИН** — Путешествие в страну Зэ-ка
416 стр. Цена \$2.75
- В. МАРКОВ** — Приглушённые голоса. Антология поэ-
зии за железным занавесом. 416 стр. Цена \$3.00
- В. В. НАБОКОВ** — Дар. Роман. 416 стр. Цена \$3.00
- «НА ЗАПАДЕ»** — Антология русской зарубежной поэ-
зии под редакцией Ю. Иваска. 400 стр. Цена \$3.00
- НИКОЛАЙ НАРОКОВ** — Мнимые величины. Роман.
416 стр. Цена \$3.00
- М. М. НОВИКОВ** — От Москвы до Нью-Йорка.
Воспоминания. 416 стр. Цена \$3.00
- М. ОСОРГИН** — Письма о незначительном. 416 стр.
Цена \$3.00
- Б. ПАНТЕЛЕЙМОНОВ** — Последняя книга. Рассказы.
256 стр. Цена \$2.00
- Э. ПЭЙДЖ** — Утро свободы. Исторический роман.
Перевод с английского А. Конского.
Том I 416 стр. Цена \$2.75
Том II 400 стр. Цена \$2.75
- «ПЕСТРЫЕ РАССКАЗЫ»**. Сборник эмигрантской про-
зы под редакцией В. Александровой. 416 стр.
Цена \$3.00
- К. ПЕТРУС** — Узники коммунизма. Сборник очерков
из жизни заключенных. 240 стр. Цена \$2.50

- П. ПИРОГОВ — За Курс!** 416 стр. Цена \$3.00
Воспоминания летчика-невозвращенца.
- «ПРАВОСЛАВИЕ В ЖИЗНИ»** — Сборник статей под редакцией С. Верховского. 416 стр. Цена \$3.00
- Проф. С. Н. ПРОКОПОВИЧ — Народное хозяйство СССР.** Том I 400 стр. Цена \$3.25
Том II 360 стр. Цена \$3.25
- МИХАИЛ ПУПИН — От иммигранта к изобретателю.** Перевод с английского И. Буркина. 416 стр. \$3.00
- С. Г. ПУШКАРЕВ — Обзор русской истории.** 512 стр. Цена \$3.00
- А. РЕМИЗОВ — В розовом блеске.** 416 стр. Цена \$3.00
- КОНРАД РИХТЕР — Дебри.** Роман. Перевод с английского Г. Голохвастова. 272 стр. Цена \$2.25
- Л. РЖЕВСКИЙ — Между двух звезд.** Роман. 416 стр. Цена \$3.00
- ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ — Товарищ Кисляков.** 368 стр. Цена \$2.50
- МАРК СЛОНИМ — Три любви Достоевского** 320 стр. Цена \$2.50
- Ю. ТЕРАПИАНО — Встречи.** 208 стр. Цена \$1.75
- АЛЕКСАНДРА ТОЛСТАЯ — Отец.** Жизнь Льва Толстого. Том I 416 стр. Цена \$2.75
Том II 416 стр. Цена \$2.75
- Кн. О. Н. ТРУБЕЦКАЯ — Князь С. Н. Трубецкой** (Воспоминания сестры). 272 стр. Цена \$2.25
- Ф. И. ТЮТЧЕВ — Избранные стихотворения.** Предисловие В. В. Тютчева. 272 стр. Цена \$2.00
- А. В. ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС — На путях к свободе.** Воспоминания. 432 стр. Цена \$3.00
- Н. ТЭФФИ — Земная радуга.** Сборник рассказов из жизни русской эмиграции. 285 стр. Цена \$2.00
- Н. УЛЬЯНОВ — Атосса.** Исторический роман. 208 стр. Цена \$2.00
- Н. ФЕДОРОВА — Семья.** Роман. 352 стр. Цена \$2.75

- Г. П. ФЕДОТОВ** — Новый Град. Сборник очерков по истории современной культуры, философии и литературы. С предисловием Ю. Иваска. 384 стр.
Цена \$2.75
- МАРИНА ЦВЕТАЕВА** — Проза. 416 стр. Цена \$3.00
- В. М. ЧЕРНОВ** — Перед бурей. Воспоминания. 416 стр.
Цена \$3.00
- С. ШВАРЦ** — Антисемитизм в Советском Союзе.
272 стр. Цена \$2.25
- Протоиерей АЛЕКСАНДР ШМЕМАН** — Исторический путь Православия. 416 стр. Цена \$2.75
- С. ЮРАСОВ** — Враг народа. Роман. 208 стр. Цена \$2.00
- С. ЮРАСОВ** — Василий Тёркин после войны. 192 стр.
Цена \$1.50
- В. С. ЯНОВСКИЙ** — Портативное бессмертие. Роман.
272 стр. Цена \$2.50

